СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ
Томъ LXXVI, № 3.

О ГОВОРАХЪ ТУЛЬСКОЙ И ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНІЙ.

МАТЕРІАЛЫ, ИЗСЛѢДОВАНІЕ И СЛОВАРЬ.

(ОТЧЕТЪ II-МУ ОТДѢЛЕНІЮ АКАДЕМІИ НАУКЪ).

Е. Ѳ. Будде.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1904.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Февраль 1904 года. Непремѣнный Секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ*.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стран.
ПРЕДИСЛОВІЕ	1— 11
I. Матеріалы	12— 90
Новосильскій уѣздъ Тульской губерніи	12— 35
Орловскій уѣздъ Орловской губерніи	35— 45
Мценскій уѣздъ Орловской губерніи	45— 66
Карачевскій уѣздъ Орловской губерніи	66— 79
Брянскій уѣздъ Орловской губерніи	79— 90
II. Изслѣдованіе въ области фонетики этихъ говоровъ	90--112
III. Алфавитный списокъ словъ	113—143
Приложеніе: Перечень особенностей этихъ говоровъ . . .	145—148

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Лѣтомъ 1902 года я предпринялъ, по порученію Академіи Наукъ, которая снабдила меня необходимыми матеріальными средствами, путешествіе съ цѣлью діалектологическихъ изслѣдованій.

Напомню читателю прежде всего планъ моихъ предположенныхъ изслѣдованій въ центральной Россіи, а затѣмъ сообщу о выполненіи самаго плана. Начавъ свои подробныя изслѣдованія русскихъ говоровъ съ Рязанской губерніи въ 1891 году, я въ теченіе отъ 1891 до 1895 года занимался изученіемъ рязанскихъ говоровъ и пришелъ къ убѣжденію, что въ предѣлахъ нынѣшней Рязанской губерніи мы имѣемъ два типа говоровъ: южнорязанскій говоръ и сѣверный рязанскій въ за-окской части губерніи, въ предѣлахъ Касимовскаго уѣзда. Послѣдній по говору своему рѣзко отличается отъ южнорязанскаго, главнымъ образомъ, тѣмъ, что сохранилъ въ себѣ признаки сѣвернаго произношенія: здѣсь мы имѣемъ слѣды *оканья*, *цоканье* и *чёканье*, стяженіе *гласныхъ* въ глаголахъ; кромѣ того, — *извѣстные дифтонги*, своеобразную *долготу*, мѣну *в* и *у*, *ф* и *х*, *ть* въ 3 л. глаголовъ. Южнорязанскіе говоры имѣютъ не всѣ эти черты: здѣсь прежде всего мы замѣчаемъ *полное аканье* (*вадá*, *вялá*, *вадъ'*, *сялъ'*), чего нѣтъ въ сѣверно-рязанскомъ говорѣ въ такой по-

слѣдовательности и исключительности; напротивъ того, здѣсь нѣтъ вовсе *цоканья* и *чёканья*, нѣтъ слѣдовъ *оканья*, рѣже *стяженіе гласныхъ* въ глаголахъ, нѣтъ *дифтонговъ*, нѣтъ извѣстнаго вида *долготы*, рѣже мѣна *в* и *у*. Общими чертами двухъ этихъ говоровъ остаются главнымъ образомъ: 1) *аканье* различныхъ оттѣнковъ, 2) замѣна звука *ф* звукомъ *хв* и *х*, 3) *ть* въ 3 л. глаголовъ, 4) мягкое *к* послѣ мягкаго согласнаго или і. Тогда же я призналъ необходимымъ, въ виду указаній нашей лѣтописи, а равно въ виду данныхъ сравнительнаго изученія русскихъ говоровъ данной мѣстности, усматривать въ сѣверно-рязанскомъ произношеніи указанія на произношеніе бывшихъ здѣсь нѣкогда вятичей, оттиснутыхъ движеніемъ южныхъ племенъ за Оку, въ Касимовскій уѣздъ, и подвергшихся здѣсь вліянію говора сѣверныхъ руссовъ, своихъ сосѣдей.

Черты вятичскихъ, южнорязанскихъ говоровъ, находимыя и за Окой, въ Касимовскомъ уѣздѣ, не оставляли во мнѣ сомнѣнія насчетъ того, что вятичей нужно искать и въ этой части Окскаго бассейна, а не только въ нынѣшней Калужской, Орловской и Тульской губерніяхъ. Считая южнорязанскій говоръ потомкомъ говора древнихъ вятичей *по преимуществу*, я хотѣлъ прослѣдить распространеніе этого говора и привезти въ связь указанія лѣтописи насчетъ поселенія древнихъ вятичей по Окѣ съ указаніями современной діалектологіи въ предѣлахъ нынѣшнихъ Тульской, Калужской и Орловской губерній, т. е. въ предѣлахъ тѣхъ губерній, которыя вмѣстѣ съ изслѣдованной мною раньше Рязанской губерніей лежатъ въ бассейнѣ рѣки Оки съ ея притоками. Поэтому для меня представлялось весьма важнымъ проѣхать по мѣстностямъ, расположеннымъ по всему теченію Оки и ея ближайшимъ притокамъ. Такъ возникло у меня непреодолимое желаніе объѣхать Тульскую губернію и прилежащіе уѣзды Калужской губерніи, а затѣмъ прослѣдить говоры и въ Орловской губерніи. Это желаніе мнѣ удалось осуществить частями: въ 1898 году я съѣздилъ въ Тульскую и Калужскую губерніи, а нынѣшнимъ лѣтомъ въ Тульскую и Орловскую. Въ промежу-

токъ времени между 1896 и 1898 годами я съѣздилъ въ Вятскую губернію, но мои изслѣдованія тамъ еще не кончены, и мысль о причинахъ сходства говоровъ въ нынѣшней Вятской губерніи и въ нынѣшнемъ Касимовскомъ уѣздѣ Рязанской губерніи до сихъ поръ осталась у меня еще не развитою вполнѣ, такъ какъ еще мало у меня матеріала по вопросу о вятскихъ говорахъ. Зато матеріалъ, собранный мною въ Тульской и Калужской губерніяхъ, а также — нынѣшнимъ лѣтомъ — въ Орловской губерніи, даетъ мнѣ полное основаніе, думаю, высказать слѣдующее заключеніе: говоръ всѣхъ перечисленныхъ мѣстностей *въ основѣ своей — одинъ*, т. е. *южнорязанскій*, но съ различными оттѣнками, пріобрѣтаемыми этими говорами по мѣрѣ ихъ удаленія отъ южныхъ уѣздовъ Рязанской губерніи: эти оттѣнки то придаютъ говору характеръ *смѣшаннаго*, какъ напр., за Окой, въ Касимовскомъ уѣздѣ, то сами получаютъ значеніе *наслоеній* на древній говоръ вятичей, причемъ этотъ древній говоръ то болѣе, то менѣе сохраняетъ свои черты, смотря по условіямъ жизни и мѣстности. Такъ, Касимовскій говоръ имѣетъ *дифтонги*, въ южнорязанскомъ ихъ нѣтъ; они уже исчезли, какъ видно по нѣкоторымъ даннымъ (см. мой «Отчетъ» 1898 года), и въ Тульскихъ говорахъ, гдѣ однако мы видимъ звукъ *с* вмѣсто *ц*, неизвѣстный ни южнорязанскимъ говорамъ, ни Касимовскому. Въ Тульскихъ говорахъ на западѣ появляется звукъ *е*, не смягчающій предшествующую согласную, и этотъ звукъ идетъ также въ Калужскую губернію, но его мы не слыхали въ рязанскихъ говорахъ. Здѣсь-же мы встрѣчаемъ все чаще и удвоеніе согласнаго звука передъ *j*, которое переходитъ въ согласный звукъ, уподобляясь предшествующему согласному; это явленіе изрѣдка встрѣчается и въ Орловскихъ говорахъ, причемъ — *чѣмъ западнѣе, тѣмъ чаще мы встрѣчаемъ въ Орловской губерніи произношенія*: *мы́ю*, *кры́ю*, *шы́я*, *кры́шка* (= кро́шка), *шы́ю* и под. Въ Брянскомъ же уѣздѣ мы встрѣчаемся съ элементами, несомнѣнно также чуждыми типу южнорязанскихъ говоровъ, съ элементами, свидѣтельствующими о говорахъ *другого* племени, *не вятичей*:

это элементы какихъ-то умѣренно-акающихъ говоровъ, какъ я думаю, говоровъ, восходящихъ къ древнимъ *сѣверянамъ*.

Такимъ образомъ, я думаю, что, въ виду исключительности дифтонговъ Касимовскаго говора и въ виду цоканья и чеканья его, надо признать, что вятичи въ древности имѣли въ своемъ говорѣ эти дифтонги, такъ какъ ихъ неоткуда было взять, подобно цоканью и чёканью, по сосѣдству. Эти звуки сохранились лишь въ Заочьи, а въ другихъ мѣстахъ эти звуки подверглись частью видоизмѣненію, частью утратѣ, причемъ слѣды говора вятичей мы усматриваемъ и въ этихъ мѣстахъ, въ особенномъ произношеніи шипящаго *ч* и въ образованіи особой *долготы* на мѣстѣ вятичскихъ дифтонговъ. Полагаю, что подъ сѣверянами надо подразумѣвать то племя, которое обнаружило свое вліяніе на южнорязанскій типъ говора въ мѣстахъ, прилегающихъ къ Черниговской губерніи. Думаю, что *звукъ е*, найденный нами въ Бѣлевскомъ у., Тульской губ. и въ Лихвинскомъ у., Калужской губерніи, а также особый типъ *аканья*, образовавшійся въ Орловской губерніи на почвѣ сильнаго аканья, слѣды котораго, какъ и вятичскіе дифтонги, еще замѣтны на югѣ Тульской губ. и на сѣверѣ Орловской, а затѣмъ *удвоеніе согласнаго* изъ группы согласный + *j* и формы: *рыю*, *мыю*, а *также звукъ с вмѣсто ц*— должны быть признаны *сѣверскими элементами*, внесенными въ вятичскій говоръ сѣверской колонизаціей. Особенно важно то, что характеръ *аканья* южнорязанскій извѣстенъ намъ *только въ южнорязанскихъ уѣздахъ*: ни Тульское, ни Калужское, ни Орловское аканье, ни аканье Касимовское не могутъ быть признаны тождественными съ южнорязанскимъ аканьемъ. Такимъ образомъ, *вятичское аканье* (полное) пріобрѣло въ разныхъ направленіяхъ разные оттѣнки, какъ и *вятичскіе дифтонги* и *вятичскіе средніе звуки между ч и ц*, легко обратившіеся подъ вліяніемъ сосѣдей въ *цоканье* и *чёканье*. Когда возникло сомнѣніе относительно того, считать-ли вятичами, или сѣверянами колонистовъ нынѣшней Рязанской губерніи, то понадобилось сравнительное изученіе говоровъ Рязанской, Тульской, Калужской,

Орловской и Черниговской губерній. Мнѣ удалось доѣхать до границы Орловской и Черниговской губерній, до Мглинскаго уѣзда, откуда меня выгнали безпрерывные дожди и размытыя дороги: во многихъ мѣстахъ (въ Брянскомъ уѣздѣ) приходилось ѣхать по болотамъ въ лѣсу, и мнѣ отсовѣтовали ѣхать далѣе въ виду невозможности проѣхать даже и верхомъ. Такимъ образомъ, вопросъ о говорѣ Черниговскихъ сѣверянъ остается для меня открытымъ, и мнѣ оказалось не подъ силу за одну поѣздку обслѣдовать *двѣ* губерніи, тѣмъ болѣе, что я, желая методически продолжать свои изслѣдованія съ того пункта, на которомъ я остановился въ 1898 году, началъ свои работы съ Новосильскаго уѣзда Тульской губерніи, гдѣ и пробылъ цѣлую недѣлю, изучая говоры этого уѣзда. Въ это время мнѣ погода благопріятствовала, и я сдѣлалъ довольно много, благодаря содѣйствію мѣстной полиціи и земскаго врача, а въ Орловской губерніи оказались такія дебри (въ особенности въ Брянскомъ уѣздѣ), что я ограничился только Мценскимъ, Орловскимъ, Карачевскимъ и Брянскимъ уѣздами, которые меня болѣе интересовали, но и здѣсь успѣху моему много препятствовали небывалые дожди и плохія вслѣдствіе этого дороги. Нѣтъ никакого сомнѣнія однако, что болѣе всего въ Брянскомъ уѣздѣ мы встрѣчаемся съ элементами сѣверскаго говора, а въ остальномъ районѣ мы имѣемъ смѣшанный говоръ, въ которомъ мы узнаемъ видоизмѣненную со временемъ вятичскую основу, т. е. слѣды полнаго аканья, слѣды дифтонговъ и очень мягкое *ч*, т. е. особенности, полнѣе всего сохранившіеся въ Рязанской губерніи; такъ точно, какъ слѣды сѣверскихъ говоровъ должны были наиболѣе сохраниться въ лѣсистыхъ мѣстахъ соприкосновенія вятичей и сѣверянъ, въ нынѣшнемъ Брянскомъ уѣздѣ Орловской губерніи. Такимъ образомъ, сравненіе съ говоромъ Касимовскаго уѣзда руководило нами въ теченіе всей нашей поѣздки, причемъ мы не забывали, что говоръ Касимовскаго уѣзда есть уже видоизмѣненный говоръ вятичей, но видоизмѣненный вліяніемъ не сѣверянъ, а новгородцевъ. Южно-же рязанскій говоръ — говоръ вятичей, видоизмѣненный

вліяніемъ сѣверянъ, но менѣе видоизмѣненный, чѣмъ Касимовскій — новгородцами и чѣмъ Тульскій, Калужскій и Орловскій — сѣверянами. Всѣ же эти говоры въ своей основѣ — говоры древнихъ вятичей.

Говоръ Тульской губерніи и прилежащихъ уѣздовъ Калужской губерніи описанъ мною раньше, въ 1898 году; теперь я буду описывать говоры оставшейся раньше (съ 1898 года) неизслѣдованною части Тульской губерніи, т. е. говоры Новосильскаго уѣзда, а затѣмъ перейду къ говорамъ Орловской губерніи. Скажу предварительно только нѣсколько общихъ соображеній о народѣ и говорахъ, съ которыми я познакомился нынѣшнимъ лѣтомъ. Мнѣ еще раньше указывали на Новосильскій уѣздъ, какъ на самое глухое мѣсто въ губерніи, гдѣ особенно интересны костюмы и обряды, а потому я, ожидая и отъ говора этой мѣстности особеннаго интереса, задумалъ еще въ 1898 году лично познакомиться съ жителями этого уѣзда. Съ этою цѣлью я теперь и отправился непосредственно въ этотъ уѣздъ: добрался до станціи *Залегощь* Орловско-Грязской дороги, а отсюда поѣхалъ въ Новосиль, чтобы попросить исправника о содѣйствіи, такъ какъ оффиціально я былъ командированъ не въ Тульскую губернію, а въ Орловскую и Черниговскую, согласно моей программѣ изслѣдованій, представленной мною во 2-е Отдѣленіе Академіи Наукъ. Въ нынѣшнемъ году я особенно нуждался въ содѣйствіи полиціи, въ виду исключительныхъ условій крестьянской жизни, сознавая всю опасность своей командировки «въ народъ» по причинамъ, хорошо извѣстнымъ Министерству Внутреннихъ Дѣлъ [1]). Я не ошибся въ разсчетахъ: мое обращеніе непосредственно къ исправнику въ г. Новосилѣ открыло мнѣ свободный доступъ къ крестьянамъ и доставило мнѣ возможность свободнаго обращенія среди крестьянскаго населенія. Кромѣ того, мнѣ пришлось практико-

1) Въ Новосилѣ я случайно встрѣтился съ членомъ одной этнографической экспедиціи отъ Музея императора Александра III-го; этотъ членъ, въ ожиданіи своего патрона, поселился въ Новосилѣ, но послѣ моего отъѣзда оттуда потерпѣлъ почему-то рядъ непріятностей со стороны полиціи.

вать въ нынѣшнемъ году необычный способъ знакомства съ крестьянами путемъ вызова крестьянокъ въ разныхъ костюмахъ на мѣсто моего пребыванія, въ ближайшій городъ. Этотъ способъ, хотя и неудобный для крестьянъ, тѣмъ не менѣе оказался въ нынѣшнемъ году очень удобнымъ и по соображеніямъ общаго характера, и по моимъ личнымъ соображеніямъ, и по случаю дождливой погоды и бездорожья. Кромѣ этого, я пользовался, конечно, обычнымъ своимъ пріемомъ записи народной рѣчи въ амбулаторіяхъ у земскихъ врачей, гдѣ всегда ведется *непринужденная* бесѣда съ народомъ по поводу его болѣзней. Нигдѣ однако мнѣ не удалось повидать столько разныхъ типовъ и костюмовъ, какъ въ Новосильскомъ уѣздѣ, гдѣ, благодаря содѣйствію исправника, ко мнѣ въ теченіе недѣли приходили изъ разныхъ мѣстъ, согласно моему указанію и собраннымъ на мѣстѣ свѣдѣніямъ, бабы, дѣвки и молодайки въ своихъ праздничныхъ костюмахъ и головныхъ уборахъ. Эти костюмы вызвали громадный интересъ во мнѣ, а любезная услуга со стороны мѣстнаго ветеринарнаго врача г. Свенцицкаго, фотографа-любителя, явилась для меня прямо незамѣнимой, и вотъ я, благодаря любезности этого врача, привезъ съ собою снимки съ крестьянокъ Новосильскаго уѣзда: у меня имѣются снимки съ крестьянки-невѣсты, крестьянки-дѣвушки, молодайки въ разныхъ уборахъ изъ разныхъ мѣстъ уѣзда. Но какъ бы характерны костюмы и головные уборы ни были, всетаки здѣсь имѣется одинъ типъ *панёвы* изъ четырехъ «полотенъ» со вшивнымъ «полотномъ» другого цвѣта спереди. (Какъ и въ Рязанской губерніи). Дѣвицы здѣсь носятъ особыя *полосатыя* юбки.

Въ Орловской же губерніи мы встрѣчаемся впервые въ Карачевскомъ уѣздѣ съ особой «панёвой» изъ *трехъ* полотнищъ, не сшивной на подобіе юбки, а оборачивающей женскую фигуру на подобіе малороссійской *плахты*, съ широкимъ просвѣтомъ спереди, гдѣ видна прямо рубаха. Передъ закрывается «занавѣской» («за́пономъ», «хва́ртукомъ»), а сзади на «панёвѣ» вышитыя «празументами» полосы то во всю длину панёвы, то въ верхней части

ея, обычно по двѣ полосы. Подолъ панёвы оканчивается болѣе или менѣе широкой «пакра́сай», доходящей въ ширину до пяти вершковъ, съ «празументами». *Здѣсь и дѣвицы носятъ панёвы.* Главные уборы замужнихъ женщинъ не менѣе интересны здѣсь, чѣмъ въ Новосильскомъ уѣздѣ, но они совершенно другіе: тамъ женщина носитъ *сороку* и *опу́шины* (см. ниже) съ *кичкой* (см. ниже), а здѣсь такихъ сорокъ нѣтъ, и головной уборъ женщины дѣлается изъ *полотенца* съ прекрасно вышитыми *концами* (образцы я купилъ), причемъ одинъ конецъ приходится на лбу и образуетъ родъ шапочки, подобный тѣмъ, которыя мы видимъ на грузинахъ и армянахъ, а другой конецъ виситъ сзади по спинѣ. Подъ это полотенцо подкладываются другія принадлежности, какъ и въ Новосильскомъ уѣздѣ, причемъ всѣ принадлежности имѣютъ свои названія (см. ниже) и украшены бисеромъ, позументами, лентами и проч. На шеѣ — цѣлый рядъ бусъ («ни́ски»), бисерная «чяпо́чькя» съ крестомъ, который иногда носится на «hита́ни» (шерстяной шнурочекъ по формѣ-городками — чернаго цвѣта), а иногда на «чяпцѣ» (= цѣпочкѣ), и виситъ низко на груди. Иногда цѣпь — безъ креста.

По обыкновенію я выбиралъ для своихъ бесѣдъ крестьянъ *вольныхъ* селъ и деревень, а не *барскихъ*, помѣщичьихъ, и въ Новосильскомъ уѣздѣ *впервые* узналъ, что крестьяне вольныхъ селъ именуютъ себя *казаками* и *каза́чками*, чего я не встрѣчалъ въ другихъ губерніяхъ и не встрѣтилъ и въ Орловской.

Въ мѣстномъ полицейскомъ правленіи въ Новосилѣ есть довольно богатый архивъ, но не разобранный и не описанный; между прочими дѣлами я встрѣтилъ нѣсколько дѣлъ, откуда видно, что въ 1786 году въ с. Нижней Залегощи крестьяне именовали себя *казаками*: «Въ Новосильской Нижней Земской Судъ Новосильской округи села Нижней Залегощи отъ *казака* Якова Фомина (Хомина) сына Посникова объявленіе». Въ другой тетради я нашелъ жалобу на *казака* Новосильской округи села *Скорднаго* (нынѣ с. *Скоро́дное*) 1783 года. Въ одномъ дѣлѣ упоминается экономическое село *Задушное* и подпись: «руку *прыло-*

жилъ», гдѣ мы видимъ интересное фонетическое явленіе въ словѣ «*приложилъ*». (См. ниже — записи). Въ это же время уже (въ 1786 году) здѣсь называлось «*распра́вою*» полицейское правленіе, и это слово и понынѣ извѣстно здѣсь, напр., въ с. Верхней Залегощи, гдѣ постоянно называютъ «*распра́ва*» — родъ присутственной избы при волостномъ правленіи для схода или обсужденія какихъ-либо крестьянскихъ дѣлъ: «Пайдём в распра́ву».

По сообщенію мѣстнаго земскаго врача, и теперь волости: Каменская, Средненская, Залегощинская, Березовская, Косаревская называются «казацкими», тамъ живутъ «казаки». Но сами крестьяне не знаютъ происхожденія своего названія и не знаютъ даже его значенія, какъ мнѣ удалось убѣдиться при бесѣдахъ, а бывали случаи даже и такіе: на мой вопросъ: «вы каза́чки?» Мнѣ отвѣчали: «Нѣтъ, мы зьдѣшньји». Въ Судьбищенской волости Новосильскаго уѣзда есть двѣ деревни: Верхняя и Нижняя *Сторожевая*; само названіе показываетъ, что здѣсь нѣкогда была граница и сторожевой постъ для защиты отъ вторженій со стороны южныхъ степей.

Охваченный глубокимъ интересомъ къ изученію языка того народа, въ среду котораго я попалъ нынѣшнимъ лѣтомъ, я поставилъ себѣ задачею уяснить и, по возможности, рѣшить слѣдующіе вопросы: 1) нынѣшняя Орловская губернія по преданію есть мѣсто поселенія древнихъ вятичей и сѣверянъ. Поэтому мнѣ желательно было узнать, есть-ли въ нынѣшней Орловской губерніи признаки говора, найденнаго мною въ Касимовскомъ уѣздѣ Рязанской губерніи и признаннаго вятичскимъ. Говоръ нынѣшней Орловской губерніи заключаетъ-ли въ себѣ по преимуществу признаки Рязанскаго говора, т. е. признаки, общіе южнымъ и сѣвернымъ рязанскимъ говорамъ, или признаки какого-либо другого говора, но не рязанскаго въ его разныхъ видахъ, и не того, который теперь слышится по Окѣ и ея притокамъ въ Тульской, Калужской губерніи и въ Рязанской? 2) Сохраняется-ли теперь въ Орловской губерніи слѣдъ смѣшаннаго населенія вятичей и сѣверянъ въ говорѣ мѣстныхъ крестьянъ? Какіе при-

знаки говора нынѣшней Орловской губерніи роднятъ этотъ послѣдній говоръ съ говоромъ рязанскимъ, и какіе служатъ его особенностями сравнительно съ послѣднимъ? Особенности эти должны быть отнесены на счетъ говора сѣверянъ и, по сравненіи послѣднихъ съ особенностями говоровъ Рязанскихъ, Тульскихъ и Калужскихъ (частью Смоленскихъ), должны представить собой данныя для характеристики говора сѣверянъ, который долженъ слышаться и въ нынѣшней Черниговской губерніи по Сожи и Деснѣ. Такое изслѣдованіе говоровъ нынѣшней Орловской и Черниговской губерній сравнительно съ говорами перечисленныхъ выше губерній дало-бы надежныя основанія для отличія говора древнихъ вятичей въ перечисленныхъ выше губерніяхъ (Рязанской, Тульской, Калужской, отчасти Орловской и Смоленской) отъ говора сѣверянъ въ Орловской и Черниговской губерніяхъ, а отчасти, стало быть, по сходству признаковъ, и въ Калужской и Тульской. Въ Черниговской губерніи, какъ сказано выше, мнѣ еще не удалось побывать, но уже на границѣ ея (Мглинскій у.) я былъ и имѣлъ случай говорить и съ крестьянами Мглинскаго и Новгородъ Сѣверскаго уѣздовъ, пріѣзжавшими на богомолье въ монастырь (Клѣтня) въ Брянскомъ уѣздѣ Орловской губерніи, на границѣ съ Мглинскимъ уѣздомъ Черниговской губерніи. Могу пока только сказать, что я по говору этихъ крестьянъ не могъ отличить въ нихъ черниговцевъ: такъ сходно они говорятъ съ крестьянами Брянскаго уѣзда Орловской губерніи тѣхъ мѣстъ, гдѣ я былъ (*Акулицкая* волость — уголъ, въ которомъ сходятся три губерніи: Смоленская, Орловская и Черниговская).

Принимая во вниманіе ниже приводимыя записи народныхъ говоровъ, я пришелъ къ заключенію, что, если считать признаками вліянія *сѣверскихъ* говоровъ тѣ особенности, которыя образовались въ говорахъ по преимуществу въ Карачевскомъ и Брянскомъ уѣздахъ Орловской губерніи, въ противоположность рязанскимъ говорамъ, то надо отрицать сѣверскую колонизацію на такое далекое пространство, какъ нынѣшняя Рязанская губернія; въ

нынѣшнихъ же Тульской и Калужской губерніяхъ хотя и надо признавать существующими слѣды сѣверской колонизаціи, но слѣды слабые, растворившіеся въ массѣ вятичскаго говора.

Относя къ характернымъ признакамъ вятичскаго говора сильное (полное) аканье, дифтонги, долготу и шепелеватость, я нахожу слѣды этихъ признаковъ уцѣлѣвшими въ измѣненномъ видѣ, конечно, во всѣхъ извѣстныхъ мнѣ говорахъ центра Россіи, за исключеніемъ тѣхъ говоровъ, которые я считаю поэтому сѣверскими, и съ элементами которыхъ я познакомился сначала *частями*, а нынѣ въ Брянскомъ уѣздѣ почти въ полномъ ихъ составѣ. Еслибы переложить свою мысль на термины современной неточной, но общепринятой этнографической номенклатуры, то я позволилъ бы себѣ скорѣе всего считать сѣверянъ — сѣверными малороссами или, лучше, видѣть въ сѣверянахъ предковъ сѣверномалорусскихъ племенъ.

Дорожа погодой и благопріятными обстоятельствами, гдѣ я ихъ находилъ, я ограничивался изслѣдованіемъ самыхъ глухихъ угловъ и мѣстностей, говоръ которыхъ вовсе не описанъ или представленъ очень поверхностно. Поэтому я пропустилъ Болховской уѣздъ Орловской губерніи (см. описаніе его говора у Сахарова. Сборн. 2-го отд. Имп. Акад. Наукъ. Т. 68), а также удовольствовался, по выше указаннымъ причинамъ, и тѣми матеріалами по Мглинскому уѣзду Черниговской губерніи, которые доставлены въ Академію Наукъ г-жею Косичъ въ 1899 году.

Привожу самые матеріалы, а въ концѣ — словарь мѣстныхъ словъ въ алфавитномъ порядкѣ. Характеристика говоровъ по звукамъ будетъ представлена, какъ выводъ, изъ матеріаловъ, послѣ приведенія послѣднихъ.

I.

Тульская губернія, Новосильскій уѣздъ.

I. Села и деревни вольныя (государственные крестьяне).

А. Ка́менская волость. (Ка́менка).

С. Пятýшки. «На́шă сяло́ Пятýшки, а дире́ўня Хýтăрь: ана́ сăплашна́я с на́ми, а на́шă сяло́ ўóлъсьти Ка́ме[i]нскăй». (Какъ?) «Ды Ка́минкă! дьвѣ́ вярсты́». (Какъ тебя звать?) «Праско́ўйă».

Свадебный обрядъ.

«Как от абря́т — к вяньцý вядýть: апăлате́нютцă, аттэ́да прьвядýть, ў сарóку пăвя́жуть, апýшъну, панёўу, дыть зипýн; а зи́мній дѣ́лă — пълушýбăк; ăбува́ютцă ў сăпаhах, а лѣ́тьній дѣ́лă — ў хăдака́х. Сьпирьва́, с нача́ла — памóлки ж жы[э]нихóм; прiѣ́дуть, их ăбразýють, э́ту пару, пъвядýть их на́ пъл». (На какой на́ полъ?). «Пол-дóски: шьчя́с-зе́м hли́ннăй, а э́та дóсъчьки: зъмашнóнă. (Ну, дальше!). «Там ых пасóдють ря́дăм, а ра́ньшы пасóдють — пакóрьмиш; ну, зьбира́ють в[ъ]е[i]рхнякóў, дарóhай ѣ́дуть ве[ă]рха́ми, ды и пѣ́сьни пяю́ть; а́ ў каhó маhни́ту ни хвата́я, чьлавѣ́к бѣ́днăй, — ўóт жэ́ньтцă: дьвѣ́ падўóды зъпряhѣ́ть, дă бýди! А пъбаhа́тiй — пятна́тцьіть нъбярѣ́ть. Привядýть ăт виньчя́нью, пакóрьмють, а та́м радьня́ па сваи́м дама́м паѣ́дуть».

Про головной уборъ и костюмъ.

«По͡уд́ня̄с — из би́сьру, чяло́ (ăряпе́й) — така́я̆ кой чяhо́ ясьнинькя̆я, а зза́ду пришы́т атла́с: на за́дѣ^{i}, на пу́пўшку, на саро́ки, из ле́ндаў-апу́шъны кълясо́м: н̆ апу́шы̆нки се͡ам ле́ндăчькаў капе́йки по́ три, а то — пя́ть капе́я̄к, нашъва́ютцă збо́рушка̄м, а зза́ду ишшо́ тьвѣ͡ат». (Какой?) «Тьвяты́-што́ пръдава́ють ў кра́сна̄й ла́ўьки: ўсе́ на hълав̆ѣ́. Эта абру́hа на hълавѣ́, а збо́ку hăлавѣ́ пъдзаты́ля̄нь-на шшэка́х из ле́ндăчькаў: чьвярно́й хъть, трайно́й, како́й хто спра́вя̄л. Ў пра́зьник, к виньчя́нью, пъд ве^{i}не́ц, мы нъдяв̆а́им руба́ху кисе́ю, кисе́я̆ сашьѣ́тцă, а калпа́к с ле́ндъми пришъва́итцă: ў ла́ўьки бе^{i}рѣм нашъва́им на руба́ху кисе́йную к рукова́м (sic!) «Рукова́ (sic!) калпа́шныјі, и к ни́м ле́нды и пато́м панё̆ўа и паткла́дъчькя hрани́шнъя, а то стаме́т пат панё̆ўу пăт тэ́й пъткладаи́м: пад вине́ц ўсё. А на́ пъhи ч̏юлки́, а зи́мнія дѣ́ла-сăпаhи́ ды ч̏юло́к визё̆на̄й бѣ́ла̄й (вязу́ть ви́ть!) иш шэ́рьсьти, а лѣ́тъм-хăдаки́ и ч̏юлки́. О́ўсы стриhѣ́м и ткѣ́м ану́ч̏и ў пять сапко́ў (из ни́та̄к): тако́й пружо́чи́к (па́лăчькя), сѣ́ăчьки (то́жа па́лăчькя), на них су́ч̏им пря́жу и ткѣ́м хъть тэ́йту. Эта прăтини́нă, а э́та сукни́нă (ану́ч̏я)».

Про полевыя работы.

«Пасѣ́йны кънапи́, ну и бирѣ́м, мнѣ́м, талкѣ́м, придѣ́м, а ишшо́ бѣ́лим, ў во́ду ў рѣ́чьки ăбмач̏я́им нядѣ́ль се͡ам, ўо́ся̄м халсты́ — тѣ́ ăбмач̏я́им, тады́ шъѣ́м».

Про праздники.

«Нă ч̏ялу́ пришы́т атла́с; к вянцу́ абря́дють саро́ку и надѣ́нуть пълате́нца-та на јеје̄́, а пріѣ́дуть йс пъдвянца́ h жыниху́ и ръзнаря́дють, ўсю́ абру́hу и сы́муть — и пълате́нцă, а пра́зьник hăдаво́й — нъдява́ють јеје̄́: тро́йцы, вяли́к дё̆нь, хришшэ́нья, раштво́, а та́м при́де^{i}ть блăhаве́шшы̆нья̆: э́тă ў hавѣ́йна жывѣ́ть».

Свадебныя пѣсни.

(Спой пѣсню!) — «'Этă у̂ш я ни сăвастóжу, ни ръскажу́ э́ту пѣ́сьню, кáк ани́ пяю́ть, эта кā́жуть ани́ «идѣ́ сйлизéнь бы́л»: мы ни пяём; кабы́ я малóдинькїя либóштŏ....

Пря́мă как вяду́ть йс пъд вянцá:

Идѣ́ сйлизéнь бы́л
Идѣ́ утёнă былá
И жы́лй бы́лй
Па рóзным (sic!) мястáм;
А ту́т съјёл (= свёлъ) ы́х hаспóть
Зă э^{і}ди́нъй стóл».

(Записана со словъ, но не пѣлась потомъ въ виду упорства разскащицы).

«А ту́т уш забы́лă: друhóй-ён слажы́л-бă, а я ни маhу́ слажы́ть. Хтó јйх знáя! 'От-бă нá (= она) табѣ́ слажы́ла дѣ́ушкăта. А я путля́ть зря́ ни маhу́».

Оттуда-же. Другая разскащица.

«Хто умрѣ́ть, ли hóря какáя: ўóт — бѣ́лāй платóк: от умя́ стари́к зъхварáя, ўрéмя сашлá-ш».

Запись въ амбулаторіи врача Вяч. Петр. Грушецкаго.

«Пъясьни́ка даўнó бали́ть-з hóт: ни ч̏я́стă! Как стáниш пъдьнимáть либóщё, бóк кóлить. Мы суды́ бли́жа — hарóдъм».

«Ўзнóб брáл дю́жа, hăлаўá бали́ть, ў hлóтки с нидѣ́лю hóлăс зъпадā́л. Нидѣ́ль чи́рьз шэ́сьть, сляхкá асы́пить ў нóси ў сирётки: вăраhу́ша былá. Кáшы^{э}ль бьѣ́ть нóч̏ч̏ю уш нидѣ́льчькю бу́дя.

«Унас мужуки́ — ў сви́ткăх с капóтъми, к ашэ́йнику пришъвáють, у мя́ — зипу́н».

«Шы́шки на hълавѣ́ с нядѣ́лю у рабёнка, шашты́м радилá, друháя-тáтă (указываетъ на другого ребенка): падьэ́тăй ўсѣ́ пó-

ме^{і}рьли. Карьмлю́ кăк паро́жнїя, — ко́рьмиш. 'Че́тьвирьть ху́нта со́ли мы кла́ли ў ваду́».

«У мя нивѣ́скă суста́ў пиряhры́зла!» (Какъ дѣло было?): «Я са слу́жьби пришо́л, у мя брат Йпифа́н, я хатѣ́л па саhла́сьтю ръзьдяли́ть, а он дава́й сво́рьтца, за hрутки́ бирѣ́ть жану́ ма́ю ишшо́ дюжэ́й, ў у́ха би́ть: твая́ ни hато́ўа изба́, была́ ўре́мя, а типе́рй — нѣт! Мы скарѣ́йша дѣ́ла ссо́цким ръзузна́им, а он ни хати́ть браса́ть. Така́я бизуда́лъя нивѣ́ска!».

Въ этой же волости (Каменской) есть село Зарѣчье (костюмъ см. на фотографическомъ снимкѣ), которое представляетъ по говору ту особенность отъ с. Пяту́шекъ, что имѣетъ звукъ *л* = франц. *l*, хотя это собственно не такой *l*, какъ во франц. языкѣ: онъ нѣсколько мягче, онъ артикулируется, по моему мнѣнію, ближе къ переднимъ верхнимъ зубамъ по мѣсту своего образованія, чѣмъ франц. звукъ *l* въ положеніи передъ гласными задняго ряда. Этотъ звукъ мы обозначаемъ дальше франц. буквою *l*.

Разсказъ про костюмъ, головной уборъ и домашній бытъ.

С. Зарѣчье, Каменской волости. «Мы на ю́пку пъlатно́м пъкупа́я̄м, ўда́ль за jе́й хо́дють, ў Каринну́ю: пъlатно́-ана́ ткётцă. Тре́тя̄й hод за́мъжа̄м: оди́н ма́льч̏ик — 'Аляксѣ́й, hрудьми́ карьми́lă. Уhаво́рных де́ня̄х ади́нъцăть рубле́й да́ли: ани́ ў апч̏и́ даю́ть-ды и жани́х и с̓вёка̄р; наря́ду нъкупи́lа. Му́жа Хе̄о́да̄р звать (звукъ *х* здѣсь — межзубной. Срв. ниже, во многихъ мѣстностяхъ). Вам дю́жа хо́ч̏цă на́шу абру́hу пъhлядѣ́ть: мы ръзьбирѣ́м! Оть э́тă ўо́т каси́ч̓ьки, тьвяты́, ле́нды, сни́зъч̏ки, пуч̓ёк, наlо́бник — на пlатку́-жа, наза́т цапля́ютцă ле́нды апя́ть, пукле́ты нă плячя́х, на шэ́ю ле́ндă са крясто́м ис купаре́снъвă дре́ва: сматрѣ́тцă (= съ панорамой), ў касѣ́ ўвя́зъваитцă ле́ндă, на бака́х то́жа пад душо́ю — падду́шник — ле́нды жа, на шэ́и пă̄ддушо́ю-сни́ски. Пъдзаты́ля̄нь — по́д ухи, апу́шъна — из ле́ндаў з hрама-

ту́шкъми; пăд апу́шънāй пăтцáплйваютцă тьвяты́, пучьки́ — пăд дóсъч̓ку пăд ки́ч̓ку, лéнды тóжа, а тáм — сарóка и пу̑óдьня̄с. (Всѣ малопонятныя слова см. ниже въ Словарикѣ). Ки́ч̓ка на hólую hólăву, дóсъч̓кă пăт ки́ч̓ку, пăт пу́пух — лахмóтья пăткlадáим — пăт ки́ч̓ку. Ну ўóт и ўся́ абру́hа! Ну, иришли́ свáтыйтцă зă мя́, принясьли́ винá, стáли дъhавáрьвăтца, уhавóрāм, ади́нъцăть рублéй, прапи́ли, сабрáли радьню́ и ушли́; друhóй рас прихóдють радны́и жы^{э}нихóўы-нъзыв̆áитцă ăбразăвáнья: ăбразăвáтцă у нáс свóдють с пólу нявѣ́сту г жэниху́; ну ăбразу́ють, три паклóна паlóжыть и приlóжысс̓и к óбрăзу, тут абѣ́т; нá пăl нас ж жэ^{н}нихóм, пасóдють радьню́ за стól: ăттряпéзъвали и ушли; вéчьрāм я жы^{э}нихá пръвади́ла из дварá нямнóшка, сажэ́н нá пять, пъ^{н}цălаўáльсь, прасьти́лись, даl hасьти́ньч̓ьки мнѣ́: жáмъч̓я̄к, ăряшкóў, заку́съчик ды̆ патсóлнушкаў; стálă hălасить пláкāть: никáк ни напóмню. Вы́тьнуть, ай нѣтъ?

Невѣста голоситъ.

«И спаси́ба раднóй бáтьшки
И ради́май мáтўшки,
Прасláўным ради́тьля̄м».

Нá три стóръны паклóнютца и давóльнă, бу́дя.

Протяжная пѣсня.

Зă рабóтāй.
У дѣ́ушки у крáсьнинькяй
Расхóжай умóк:
Дѣ́ушка на мólăтцă
hlазá пръдаlá. (Что это значитъ?): «Дю́жа ўлюби́лъсь!»
А мólъде^{і}ц на дѣ́ушку
Ўсю́ жы́сь пъlажы́l,
Карьми́l паи́l судáры̆шку
Прóч̓иl зáмуш зă се^{і}бé.
Дастálъся судáрўшка

Ино́му ня мнѣ́:
Ня ми́lъму, посты́lъму
Зладѣ́ю мъяму́:
Нида́льняму (sic!) — бра́ту мъяму́».

(Ну, теперь спой эту же пѣсню!): «Я ни зака́жу адна» (=не спою).

С. Зарѣчье. «́Анна — мълада́йкя, ч̏ьвёртāй hо́д за́мъжāм. Неш я маhу́ jеⁱво́ (мужа) би́ть? А о́н мо́жыть и бу́дить!

У на́с пѣсьни пѣⁱю́ть аддѣ́лăмшы сва́дьбу саўсѣ́м: вили́ч̏я́ють мъладу́я, ка́жуть у на́с та́м.

Величальная пѣсня.

Хто́-ш у на́с лю́пч̏ик
Си́зйнькяй hаlу́пч̏ик?
Сеⁱмёнушкă лю́пч̏ик
́Аннушку лю́бить
К сибѣ́ приhаlу́бить,
На ру́ч̏ку паlо́жыть
Сĕм ра́с пъцаlу́ить».

Пѣ́сьня у на́с ка́жытцă.

(Отчего ты охрипла?) «Када́ скаро́ўнăя ѣ́ли, мъlако́ дю́жа хаlо́днăя, хърашо́ я баlа́къlа, hо́lāс харо́шăй был. Ка́шāль, ён хуть не́тā, а так я асты́lа.

Типе́рь у на́с мўжуки́ па́шуть па́рйну пад ро́ш; ишшо́ ни пасьпѣ́lа. У мя́ был ма́льч̏ик, — по́мя̄р, низдаро́ў зьдѣ́lălсяⁱ: на́шы дăхтара́ тибя́ дю́жа пънима́ють: ани́ плахі́и: дирявéнским ани́ ма́lă по́льзы дава́ють.

О праздникахъ.

У на́с присто́льнāй — Пакро́ў и ишшо́ Мико́lă лѣ́тьнія: бяру́ть ўо́тку, у hульбѣ́ прао́дють; па у́льцы хо́дим дѣ́ўьки и ба́бы; кăраhо́ды ўо́дють, пѣ́сьни пяⁱю́ть. Тэ́йту ка́жуть:

Хороводная пѣсня.

«Вы́шlа, вы́шlа ръскрасу́тка
За разбо́йничкя за́му́ш
Сӑбира́лсӑ разбо́йничик
Сы ве́чирӑм на разбо́й».
Каро́тинькі^{е}я, то́лькя!

Утварь, изба.

Ръhачя́ми пасу́ду вына́ють ис пе́чки, чюhуны́ hаршки́ hли́нныјі, а то́ къчирёшка. Заhнѣ́та, штӑбы лаўчѣ́е^{а} бы́lа, зӑкута́ють за́сlо́нка̄й. Мать жывѣ́ть з бра́та̄м, то́жа симе́йчька ма́линькя^{і}я. ʼИзбы па чёрнаму у на́с ў Зарѣ́чьјі. Свято́й у́hӑl-ку́т, кутаво́й, а та́къ — ла́ўка; одна́ акно́ на дўо́р пря́мӑ па стѣ́нки пад акно́м. На ко́нику абѣ́дыть сади́мсӑ про́ти сталá: дв̆а ко́никӑ вы́зьбѣ^{і}: на палу́ ишшо́. А јéсьть у на́с ў на́шӑй сялѣ́ двара́ дв̆а́ кры́ты чиряпни́цай.

Д. Ху́торь, Каменской волости.

Въ амбулаторіи земскаго врача записано.

«Бали́ть ту́т о̆т у миня́, ў сирêо́тки, hӑлаўа́ стриля́ить, ѣ́сьть не́льзя̆ ат hло́тки, суда́ стриля́я, ў hо́лъв̆у. Ту́т-то́ о́т ме^{і}нэ́ (sic!) зъсьтила́я. Траўы́ атта́плиўӑла: ўсё ничьўо́ ни по́льжы, зо́рю с па́рным мълако́м — ничяўо́, бъhаро́дицкӑю трау́ — ду́мъла папо́льжӑить, — ничяо́. На па́р ни сади́лъсь нӑт катло́м: на яўо́ навѣ́сьси hӑлаўо́й, укро́исьси на зями́ а та́хта я ни сади́лъсь: у ме^{і}нэ́ бо́льна ка́шы̄ль, а пато́м прив̆али́лӑ. У на́с и на дяко́п садя́тцӑ: та́к како́й кушы́н — яўо́ утомя́ть, а по́тъм па́рьтцӑ над јим и вино́ пью́ть; вино́ насто́йнӑя: ана̀ чёрнӑя ста́ня, а то ка́к ана́ — ирту́ть ў пёрушкӑх, ў ду́дъчькӑх; сусѣ́ди аба́по̆льныјіани́ лячи́лись дяко́пъм ӑт прасту́ди: ло́м хо́дить, ра́ны ўыхо́дють. Тьвѣ́т-та ли́пъва̄й и ат ка́ш^{ы}ля дава́ють».

Б. Залегощинская волость.

С. Нижняя Залегощь. (Откуда ты?) «Из Ни́жьняha За́ли-hищя, дире́ўни hвäзьдяны́я, вы́силка äт За́лиhищя». (Какую у васъ пѣсню поютъ за работой?) «У нас э́ту ка́жуть за рабо́тäй, кънапе́й бярѣ́м и ка́жым:

Протяжная пѣсня.

«Што́ш ты Са́шы̆нькя прiўны́ла
слыха́ть
(Ай да) Ни слышно́ тваи́х ричёй,
Знать и ра́пä ни слыха́ть тваи́х ричёй.
(Ай) Ты тира́н мой тира́н мучи́тяль,
му́чя и жура́т мине́
За што́ му́чиш миня́?
тира́ню
Я за то́ тибя́ му́чю
дамäно́ сы̆ мано́й
Што даўно́ са мно́й жывёш
(Эы̆ш) Я с табо́ю три hадо́чькя
А з ба́тюшкäй та я
Ат ба́тюшки-та я
ни уви́жусь
Äткашнулäсь два́тцäть лѣ́т.
Ни вида́лä я тако́й му́ки,
Как с табо́ю з дурако́м.
Зьвейси, зьвейси, сиз hалу́пчик,
Ся́ть на пра́вäю пляч̆ё;
hлять-кя, hля́ть-кя, пъhлядй-ка́
Нä маю́ бялу́ лицо́.
ли́сёнька
Мая́ ли́сäнька биле́нькя,
Зъфсяhда́ как жа́р hари́ть.

Мая ма́минка (sic!) жури́т ме^{і}нэ́ й бро́нит
(при пѣніи: брани́т),
Н̆а (= она) за то́ ме^{і}нэ́ брани́т:
Ни ве^{і}ли́ть на у́льсу хади́ть».

«Тапе́рь она́ ўся́!» (Эта пѣсня записывалась и со словъ и съ голоса: варьянты, оказавшіеся при пѣніи, поставлены мною надъ соотвѣтствующими словами въ пѣснѣ. Припѣвы и растянутые звуки въ пѣсенномъ исполненіи — я опустилъ).

«Јету пѣ́сьню сиди́м и нă рабо́тя на hо́лъс, ве́чиръм и́ли с рабо́ти». «Ле́нды пришъва́ютцă к платку́, а э́тă hрăмату́шки: ани́ сло́нютцă, а э́тă — бăхмара́».

Оттуда-же, другая разсказчица.

«Я ўдава́, Татья́нă, пя^{е}тьдися́т бяз дву́х». (Ты грамотная?) «Нѣт, у на́с уч̏ёбы-ти э́тāй нѣ́тъти. Уть э́ти-ти? — пе́рья̆ иньдюшы́нъјі нъ hăлавѣ́: рѣ́жым д̆ са́ми кра́симды̆ у тарhо́ўсăў пъкупа́им; пе́рья̆ свајі́ те́та, кра́скă д̆на у тарhо́ўсăў: у на́с така́я павѣ́рья̆! Эта павли́нă пёръшка, ис па́влă, то́ш пъкупа́им: а хто́ пăбѣдьнѣ́йшы и нѣ́тъти ни̇чяhо́. У э̀нтых зави́мшы у ба́бăх, у жэ́нъшънах ко́сыти, у дѣ́вāк та́к на спи́нѣ (sic!) ăпушшо́мшы каса́. Ръзвя́зъвать сни́ски та, али да́рāм: ня ну́жнă? тута дьвяна́тцы̆ть ни́тāк, ско́ль ухто́ вазьмѣ́ть, д̆ усё раўно́! Плато́к — три сылко́вых пъкупа́им; тьвѣ́т-та а́лāй. Бѣ́лāй, — када́ атса́, ма́тьре схаро́нють: э́сьли хто́ пёрэ́жэ умрѣ́ть — мать ли, ате́с ли, тады́ паме́нуть со́рок (sic!) дён. Три hо́да вы́дуть, тады́ пираста́нуть (sic!) па ни́х hăрява́ть. У миня́ жы́вы ўсѣ́! У на́с жани́х нявѣ́сьти дава́йть пять рубле́й то́льки: сва́ты̆тцă пріяжжа́ють, засва́тъютцă, э́сьли ате́с с ма́тирью ăддава́ють, то пря́мă с лада́ми: ла́дють, ăпасьлѣ́йшă таhо́ — зhаўо́р: нядѣ́ль-ли та́м, дьвѣ́-ли — ве^{і}ньч̇я́ть-та: паку́ля̆ по́п атло́жыть, а ту́т — к вянцу́ ве́сьть, пирьвиньч̇я́ють — г жыниху́, — прйвизё́мшы ат вянца́, на бясѣ́ду: ўо́тку пью́ть, убо́йну ядя́ть у жы^{э}ньха́, карва́й дѣ́лъють; къ вянц^{с}у́ — ў ю́пьки,

ӑт вянцá пъвязýть, пирякрóють ф панёву; г дварý привязýть. С сундукóм ѣ́дуть атéс с мáтирью на карвáй г жэ˘ньхý, да тýт-тӑ у вéчьри пирякрóють; патóм каврúһу хлѣ́ба раскрóють: наһнýтцӑ жанúх с нявѣ́стāй, акрýх һълавѣ́ каврúһай павóдють и стáнуть увапýшъны нъряжáть, от унáс — лéнды, а тó их зьбярýть иһóлкāй и зашъю́ть ды пъдвя́зъвуть апýшъну: зáтри прiѣ́дуть, привязýть мъладýю, ӑ нá (= она) — дѣ́ушкӑ. Ну, прiѣ́дуть атéс с мáтирью с сундукóм на карвáй г жы˘нихý, к сва́ту, крóють нажóм карвáй ӑржанóй — палпýду, крýһлāй. Стáнуть убирáть нявѣ́сту: сарóку нъдявáют, апýшъны, пъдзатыля̄нь, вúсьли назáдѣ́, панё˘ўу (непонятныя слова см. ниже въ словарикѣ), патóм ув атвóды пайдýть к мáтьри: анá пъзавѣ́ть ў һóсьти к сабѣ́, вóтку пью́ть, апя́ть кӑ дварý пайдýть г жы˘нихý. ’Ат жы˘нихá — друшкú, ӑт нявѣ́сьти — дя́тьки (мужукú-жа), анú ръспúсъвутцӑ у бáтьшки; бáтьшка прикли́чьваить, зӑ нявѣ́сту анú распúсъвутцӑ. К вянцýу ѣ́хāть, — у падóшўу пāт прáвую пя́тку ў хадáк кладýть хуть три капéйки и там скóль палóжуть брат нявѣ́сьтѣ́. К вянсý вязýть — пѣ́сьни иһрáють: и дѣ́уьки и мужўкú иһрáють, вьличя́ють:

Величальная пѣсня.

«Анна с мáтъшкāй һӑварúла,
Усію́ нóчишку ни спáла,
Пра усё́ дýмъла һадáла:
Как ў чюжы́х лю́дях приўыкáють.
Ты дѣ́тъчка сама там жа бýдиш,
Ды́ и ўсю́ ръспазнáиш:
Как свёкӑру и свякрóви уһажáють,
И дúвирям, нивѣ́скӑм и залóўкӑм».

Как прямӑ зъпявáють, лады́-та бывáють, прасвáтъють, скáжуть э́ту пѣ́сьню на ладáх, къ засвáтъютцӑ, кáжуть.

А как ѣ́дя жани́х ăт нявѣ́сьти, та ишшо́:

«На дварѣ́ до́ш до́ш
Си́льнă пъливáя,
Па то́м дажжо́ч̓кю
Анна hуля́я».

Анá каро́тйнькяᵉя, ўся́!

С. Ве́рьхнăя Зáлеⁱгъщь. Стáръстă жывѣ́ть ў ли́ᵉўю сто́ръну, по́дьли сэ́ркўы, зьдѣ́шнāй, хáта яhó дыᵊрэве́ньскăя: хо́лъд ў ы́збу идѣ́ть, вѣ́тя̄р.

Разговоръ мущинъ про ссыпку хлѣба въ магазины, записанный не замѣтно для говорившихъ.

Жыўо́й hрабёш, жыўáя ръзаре́нья: у кни́шку hăмазійшык зъписáл; я уш ў няhó бы́л: спи́ску нѣ́ту. Кáк ссыпáть-та? Хто́й этă ссы́пāл, с мѣ́рку астáлъс; дамо́ павёс Климён. Ён ў кни́жъч̓ькю писáл. Пайдѣ́м, дайдѣ́м. Паня̄́л? У сѣ́нцăх никаhó нѣ́т. Сьрахи́м! Табѣ́ не́къда? ўесь ви́дян у минэ́: кáжняй де́нь хо́дям. Зáтряⁱ жэ́нѣⁱ дади́м. Каму́ jejē аддáть? Ско́лькя? Изы́зьбѣⁱ? За де́ньhи — ты визьдѣ́ бу́диш сч̓ᵉáсьлиў. У меⁱнэ́ неⁱмá! Ня сы́пāл, кали́ ў спи́ску нѣ́ту. ʼОт сьвидѣ́тяль. Вы заплóтьтя? Ни жалáеⁱш? Събяру́тцă ўсѣ́ ўрáс, крич̓я́ть: скарэ́йшы пирьсяли́сь на пасьлѣ́дьняй но́мяр. Вяли́! Ён на дўо́р пашо́л ў ўарътá! Иди́ на крыльсу́; ў сэ́рквѣⁱ?».

Разговоръ про наряды и обычаи.

«Уваскрёснăи дьни ўыны́я такіjи у нáс ле́нды: от ви́ш э́нта забрáта, а мая́ рăспрастáта: как хто спрáвя̄л, пъжалáл.... Пъhуля́им каё-hдѣ́ пāцваи́мыᵘ дварáмыᵘ: hу́рбăч̓кяй събирѣ́мси, кáжуть пѣ́сьни на у́льсыᵊ; хто умѣ́я, кáжа.

Пѣсни.

Кăраhóднăя, на святýю:

А то кадá на рабóтя, с рабóти и́диᵉш, тады́ зы̆иhрáим:
(Здѣсь словъ: «хоровóдъ» и «танóк» *не понимаютъ*).

«Кастрáм, ты мой Кастрàмушкă,
Сýдăрь-бáтюшкă
Ужой-ýмя̄р,
Пирастáвилсы:
Ис хóлăду,
Ис мо̄ладу,
З дяви́ч̏иру (?)
Са вéⁱч̏ёру».

Вытя́hъвать? Как нá hăла̄с надă? Ну, закáзъвай, дѣ̆ўьки!
(Потомъ эта же пѣсня пѣлась «нá голосъ»: припѣвы: «ай-и-и», «э-э» я опустилъ).

Ч̏я́стăя.

Я па жóрдăч̏ьки шlá
Па тóнинькяй
Па ялóўипькяй: (2)
Танкá жóрды̆чькя
hнётцă ня lóмитцаᵊ. } (2)
Хърашó с ми́лым жы́ть,
Да ня стóшьнитцăᵊ. («шь» — sic!) } (2)
Кадá стошьнитцăᵊ,
Ръзhуля́итцăᵊ. } (2)
'Вы́ду ўы́ду мъладá (въ пѣніи: мъладэ́)
За наўы́я в̆ăратá (въ пѣніи: ăратэ́) } (2)
За наўы́я в̆ăратá
За рашэ́тчьты̆jеᵃ } (2)
'Щяйсьли́ўай вы́хăт мой
На ўсьтрѣ̆ч̏ю ми́лāй мой, } (2)

Дяти́нушка мъладо́й, } (2)
Ни жана́та̄й, хъlасто́й, }
Калъта́н hălубо́й: } (2). Типерь ко́ньч̏иlъсь ўся́!
По́lы ду́ютцăᵊ, ръздыма́ютцăᵊ. }

Прътяжна́я.

Кали́нушкă ды мали́нушкă —
Лазо́рьвай тьвѣ́т,
Лазо́рьвай тьвѣ́т.
Вясёлъя бясѣ́душкă,
hдѣ ба́тюшкă пьео͡ть,
hдѣ ба́тюшкă пьео͡ть,
За мно́й мălадо́й шьлео͡ть (2),
(Въ пѣніи: «за мной мъlа́дуй»)
А я мъlада́ мlадёшынькя
Замѣ́йшкăлася (2)
За hу́сями^ы, за ле́бедя̆ми^ы,
За зо́рюшкăй. (2)
Как зо́рюшкă у́трьн̏нїя ве^і̏ч̏е́рьнюшкă
Па бе́ришку шlа,
Кавы̆л тра́ўку пашшы́пливăла (2)
Хаlо́дна̄й вади́сай захлёбъвăла».
«Ну, зака́зы̆вай типе́рь на́ hăла̄с!»

«Я ту́т за́муш ăддава́та, ту́т и ражо́на — Макри́да! Свякру́ха-хазя́я, а я за jей каё-щё ў до́мя; два́тцы̆ть пе́рьва̄й hот мнѣ!».

Приготовленія къ празднику.

«Муч̏и́су на ляпёшъч̏ки hато́ўим, ла́вăч̏ькю мо́им-jеjе́, штăп ч̏и́стушка бы́lа, к сэ́рьквя падѣ́ш; пираhи́ ăржаны́jи пякѣ́м, рашэ́тнăjи: рăшато́м сѣ́ютцă, а то скрось си́та — э́та ки́сла̄й, а э́нтът ч̏ю́тъч̏кю памя́кшай, пăпрясьнѣ́йшай. Де́жу стано̀ўють, э́сьли симьяни́та̄й; пы́шы̆ч̏ькяў сьпякѣ́м, лапшы́сы затѣ́ють,

убо́йну, ў вару́ ў hаря́че^{а}м во̀рють; иньдюха́ сво́рють; бо́льшы ня зна́ють никаки́х присьпѣ́хаў. Либо́ тăм бара́ньнки с ква́са̄м ишшо́. ’Узаhрѣ́им вади́сы, пато́м ў ч̏и́стую ў каду́шы̆ч̀ькю по́сьписы ръзабьѣ́ш, пато́м вады́ холо́дна̄й прьнисѣ́ш, нальѣ́ш на по́спу-ту, што́бă пажы́жа бы́lа, ўазьмѣ́ш hу́шшы, прăтрухнѣ́ш jеjе̄ тады́ jе́jе̄ прйнясу́ть, пало́жуть hу́шшы̆сы ло́жыч̀ки дьвѣ́, ён ста́ня ки́сла̄й, ўсьпѣ́ньтцă^{э}, ўзьбирѣ́ть hуш̀ш̀ю, си́lу, ски́сьнить, тады́ яhо́ и ѣ́сьть. ’У аскрисе́ньисă та́хта, а то ръсталкѣ́ш карто́шъч̀ки, сали́сы пасо́лиш, ды̆ и ўся́ тут». (Что это у тебя на груди?) «Эта ч̏япочькя из би́сăру на хрисьтѣ́, а о́т hита́н; а э́та хва́ртук на по́я̄с, а э́нта вы́ша и ни́жай: пупёнъч̀ки зъкрыва́ють: дѣ́ўьки-та ани́ бая́тцă^{э} — сты́днă. У нас ре^{і}бёнак ссѣ́ть hру́ди, а̂ а̂ни́ пу́пъчик хва́ртукъм зъкрыва́ють. У нас така́я абря́да: по́ два ч̏юлка́ на́ нăhу. Изач̀ьтя́ вѣ́ку мы кăзаки́, у нас э́тъва нѣт, мы сроду не́ бы̆ли вре́меннă ăбвя́зъныjи». (А вы казаки́, каза́чки?) «Нѣт, мы зьдѣ́шныjи! Да, каза́ч̀ьки, у на́с тут та́хта̄!».

(Въ этой волости женщины надѣваютъ по два и по три чулка на каждую ногу, чтобы ноги казались толще, и верхнюю пару чулокъ собираютъ сборками, складками на подобіе сапога съ высокими голенищами. См. фотографическіе снимки).

В. Косаревская волость.

Записки въ амбулаторіи земскаго врача.

С. Галя́нки. «Наhа́ бали́ть: падо́шўа перва́ зъбалѣ́ла, но́чи чяты́ри ни спа́л, ничяhо́, на бальшём (sic!) па́льцы з hаро́хъвăя зярно́-дирѣ́ть и дирѣ́ть; кой-чѣм прикладъвал: ни прилюба́ить; са́ла, кате́лку нъжуёш: ишшо́ ху́жэ зарьвѣ́ть; падо́шўу прилюби́ли, а то зăсирьби́ть ху́жэ^{ы}. С падзе́ми на́чя^{і}ла балѣ́ть».

С. Пше́ва. «Три дьня́ зу́бы баля́ть, а та́к случя́ю не́ бы̆ла. Снару́ж о́пух, а ме́жу себе́ нѣ́т ничяўо́: ўсѣ́м был здра́ў; на друhо́м hаду́ ўот яму́ случи́лăсь за ўсё ўре́мя. Как труско́м паѣ́ду, трясѣ́тцă: мо́чи нѣт. Све́рху ади́н зуп кры́шы̆тцă, а друhи́ пъчярнѣ́ли. То падлу́чьчили, а то апя́ть. Ишшо́ никако́й бо́льсьти!».

Д. Сако́л̓л̓е. «Я ѣ́ду, наза́ди саба́ки бяhа́ть; мене́ саба́ки сусьтрѣ́ли, наhарну́ли, я вёз бо́чькю, я пăд бо́чькю, мене́ ўсю́ пăдабра́ли, падмя́ли, памя́ла скро́сьть ўсю́ шэ́ю. Аднэ́й руко́й ăбъраня́лăсь; нъчяла́ кро́ў из ро́ту, наhа́ ў кăлясо́ папа́ла, я тя́нусь ўся́ — аступи́лăсь: ляжа́л, ляжа́л, ўзhра́билсă на пао́ску. ’Усю́ у́тра тя́жьшэ́ить».

II. Села и деревни барскія (помѣщичьи).

А. Прудовска́я волость.

Про наряды и уборы.

Д. Пруды́. «Ня са́мăй пра́зьнишнăй: ўаскрисе́нъшнăй како́шникъ, (и «куко́шник». Здѣсь носятъ вмѣсто сороки кокошникъ или повойникъ), а то пъдзаты́лянь, каси́сы ис силязьни́ф. (Слова см. въ Словарикѣ, ниже). На́ ўхи нъдива́ютцă пухи́ из hусе́й: про́ста пу́х шшы́пють, свя́жуть. Ле́нки пришы́ты к платка́м: у на́с нѣ́т тако́й мо́ды: эта ў Зарѣ́чьи (см. выше). ’Ула́ўках ле́нки пъкупа́ютцă. Када́ дяви́шник быва́ить, тады́ пѣ́сьни ка́жуть, нявѣ́сту вьличя́ють: со́сны паста́вють на стол, пасо́дють за стол, ся́дуть дѣ́йки и пѣ́сьни ка́жуть, а нявѣ́ста сиди́ть у на́с на палу́: у на́с о́т-зямля́, а то заhăражо́на висако́ — до́ски, этапо́л. Ма́линькя’я дэ́рьво сру́бють и паста́вють на сто́л, бума́hу вѣ́шъють кра́сную, бѣ́лăю, зилёнăю, ўся́кую, то́лькя э́та дѣ́йки зьбира́ють со́сну са́ми на дяви́шникй. На дяви́шнику ани́ ка́жуть:

Свадебныя пѣсни.

«З зимо́й лѣ́тъм сасёнушка зиляна́,
А ў пя́тьницу Ахи́мушка висяла́,
А ў субо́тъшку hало́ушку тяса́ла (hла́дйла),
’Уаскрёснай день шла к абѣ́дьни пла́къла:
Нями́лъсьлиф суда́рь ба́тьшка да мене́,
’Аддаёть миня́ мъладёшънькю ат сеjе́,
’Астава́ютцă три зе́лёны ат мене́,

'Аставáитцă три сáдйка ат менé,
'Усѣ́ тьвятуть.
'Уставáй, сýдăрь бáтьшка, ранéнькя,
Пăливáйкяся, сýдăрь бáтюшка, чясьтéнькя».

На дяви́шнику вéчиръм, кадá дѣ́фьки зьбярýтцă — кажуть. У нáс нă hăласá них (пѣсни) тя́нуть: мы сабѣ́ hъвари́м: «давáйтя пѣ́сьни казáть!».

Про домашнюю утварь.

У нáс сямья́: кады́ самá, дéнь-та бáба, друhóй-друháя вóрють: ш̓ш̓и́, капýсту-ли, кашу, ишшó, hлéть, хто hавя́дьну вóря, сьвижынý, а то и тáк, сви́нью зарѣ́жуть. 'У hаршóчькях-кашу, махóтка дли мălакá, раhачѐм (ч̓ вообще означаетъ у меня т̓ш̓ очень, очень мягкое въ произношеніи, чуть не съ присвистомъ, который иногда и слышится) дăставáть ис пéчьки ч̓юhуны́, hаршки́; а то ч̓я́пля — дъ̄ óт кадá блины́ пякýть, дъставáють скóвъръду.... Ён уш у мя́ пóмя̄р-мáльчик Васи́ляй; няhó нѣту, мýжа, ў Растóўи, ў рабóту ушóл, скóльки пражывѣ́ть: друhóй hот зáмужъм — ничяўó». (Что это у тебя на головѣ такъ много бисеру?) «Тыть ён уш би́ся̄р, а няhó неш мáла̄ тýт нă hăлавѣ́: капéяк на пятнàтцы́ть уйдѣ́ть, ўсё ни вачьтѣ́ш тут, а то рáй!... hитанья-нăршы́н их бярýть, д́ыть вот̂ ни на падьдёўки пришы́ты, дли креᵃстá hитàн ч̓ёрна̄й: мая́ дабрó, а то ч̓ья́-ш? Кады́ вяля́ть дóмă, принясý абрýhу hăлавнýю».

С. Пруды́. «Мы из-за сэ́рькви, ни́хніи пеⁱресэ́лйсы нъзывáютцă, а наша—Пруды́. У нáс кýдры замѣ́стă каси́с из би́сьру: кадá прáзьнишнăй, тут зълажóна ўсё мани́стăми. Вот Микóла былá, вяли́к дĕнь — Пáска, ещё́ мáсьля̆на. У нáс ня вóдють, нэ́т, ни̂ и̂hрáють, нэ́, за рабóтай спѣвáим пѣ́сьни, а то тáк hавóрють». (Оказалось, что эта Ахимья была шесть лѣтъ на шахтѣ въ Екатеринославской губерніи).

Протяжная пѣсня.

«Прашша́й, жысь-ра́дăсь мая́,
Слы́ш уѣ́диш ăт миня́:
Нам далжно́ с табо́й раста́тцă,
Тибя́ бо́льшы ни вида́ть.
Тёмны̆ю но̆ч̆ькяю ня сьпи́тцă,
Сам ня зна́ю пъч̆яму́;
Сама́ дѣ́ушка сказа́ла:
«За мно́й, ма́льчик, ни hани́сь!
Есьли бу́дишь за мно́й hна́тцă,
Пътиря́иш сво́й спако́й,
Свой висёлăй ръзhаўор.
Спо́мни, спо́мни день прикра́снăй:
Шли купа́тцă мы с табо́й,
Шли купа́тцă-ръзhуля́тцă
На жалты́ бѣ^{а}лы́ пяски́,
На жалты́ пяски́ сади́льс́ă,
Мы́лись сьвѣ́жăю вадо́й».

Запись у земскаго врача въ амбулаторіи.

Оттуда-же.

«Зва́ть 'Анна Хро́лаўна Синяхўо́нъўа, Прутска́я. Пъясьни́кăй жа́люсь да но́вăhо hо́ду. Дю́жа минэ́ изьнима́ить с паста́. Я пе^{і}ньки́ таска́lа, пlа́т далёк, прыhну́lа ды па поя̄с, асе́ньніjи таска́ють ў Каза́нскую. Стрильба́ ста́ня, а то зу̂о́н ў у́хи; сётъки пиряхо́дя ўре́мя̄м. Пе^{і}ньки́ ў пlаты́ вя́жым, то изьни́митцă, то дю́жа ло́м стаи́ть, а ле^{і}hла́ — ў hăлавѣ́ дю́жа шу́м стаи́ть: ни пънима́lă ничяhо́, та́х-та выхо́дя вот на щё: ръбата́ть не́льзя. Мы каты́шъч̆ьку ска́тъваим, да ў сно́п вяза́ть, ну, мнѣ наhну́тцă и ня мо́жна. Да́ли ма́зйва — ў духу́ ръсьтира́йся, ў пе́ч̆ькю, висо́къя пе́ч̆кя, ā̆ттэ́ль вы́тря мнѣ́ доч̆ь, вы́мъжа. Случ̆ило́ся на свято́й: дивя́тъя нядѣ́ля. Ана́ ей вы́прăвиlа ба́пка-та, пăста́виlа

Бо́hу мали́тцӑ, мо́ле'бны (sic!) служы́ть. 'У Чярны́шъни была́ у ба́пки; неш э́та рука́? ана́ тяну́ла тѣ́мя рука́ми, ръзмина́ла ч̑ю́тъч̑кю. Пришла́ Бо́hу пъмалёмшы, ч̑ятыри нядѣ́ли прашло́, тады́ ника́к нильзя́ бы́лӑ, а дю́жа — му́ка: жы́лы э́ти от бо́льнӑ. Па́рӣla трухо́ю до́ма, расхо́дьникъм — ӱ лѣ́ся по́ зими расьтѣ́ть, ка́к пуӱли́ка, ръзасла́мшы, на нсй мно́hа листо́ӱ: ён та́к ӱотпаӱли́ка, ён на э́та-жа́ шшыба́итцӑ».

(Какъ у васъ унимаютъ маленькихъ дѣтей, когда они кричатъ?).

«Кри́ксы ӑткликая́ ба́пка, а мы не'зна́е'м э́тӑhа: неш ана́ ӱслу́х ӑткликая́! Кабы́ она́ шапта́la-та ӱслу́х, а то ника́к ни слыха́ть, а шо́пч̑ить».

Въ амбулаторіи.

Д. Черны́шино. «У мя́ ка́шӑль, блюёть, зако́тьтпӑ и мо́чи нѣ́тъти! Пано́с зилёнӑй друhа́ нядѣля. (Вотъ тебѣ лѣкарство!). «Пе́рь иди́ть?» (= итти?). Пако́с нясѣ́ть и нясѣ́ть: о́ч̑юнь кри́ч̑ить, hру́ди ни сасѣ́ть, пъч̑ита́й с Тро́йцы, кате́лки жуѣ́ть, ка́шу во́рим. 'Ahрахвёнӑ зва́ть-та! Двайе́х не'ма́ уш; ч̑итьвёра жывы, эта шашто́й рабёнък».

Д. Тю́ковой. «Три мѣ́сьса рабёнку: ка́шӑль заби́л, так и рьвѣ́ть. Неш ӑт ме'не́ ка́шы'ль? Да Бо́х да́сь: от и ӱсё». (Что это ты на ногахъ-то носишь?). «Ды бӑшмаки́, у на́с та́х-та но́сють: са́ми зака́зъваим ӱ hалу́ни» (село).

Б. Вя́жевская волость.

Разговоръ про ягоды.

С. Вя́жы. «Што́ вам сто́ить асна́тцыть капе́йк: мы ско́ль хо́дим за йе́й па э́тай паhо́ди: до́ш, хо́лӑт, вѣ́тя́р! У мя́ дѣ́т ба-hа́тай, ате́ц ня о́ч̑инь: у на́с нѣ́т э́тъва, у нас како́шники и бо́хмӑры нӑ hӑлавѣ́.... 'Яhыды-ти? 'У лясу́ зъбира́им: ӱчяра́ зимляни́ку сабра́ли, а то hрыбы́: падду́бьни йе́сьть, апёнки бѣ́линьь-

кӑји, тако́й-та бѣ́лйнькӑй; ў лясу́ нѣ́тъти кру́пна̄й. Ды̆ и́ть ў ба́рскӑх hаро́дӑх я'дьринѣ́йшы, пъкрупнѣ́йшы зимляни́ка, кряжо́вник, клубни́ка растёть».

С. Ду́хово (близъ монастыря. Произн. «Ду́хаў»). «У Вяжа́х на́шӑ во́лъсьть, я Ду́хъфскӑя, Аhа́хья (х — звукъ межзубной). Эта у на́с зънавѣ́ска збо́рьникъм ў ско́пку на hруди́, а эта аба́л. (См. въ словарикѣ, ниже). У на́с када́ к вянцу́ убира́ютцӑ ѣ́хать, тады́ паю́ть:

Свадебная пѣсня.

«Што ни я́снӑя со́лнушка за лѣ́с зъкати́лӑсь
Ўладо́й зъкати́лӑсь (2):
У нас Јиле́нушка Па́ўлаўна з двара́ съяжжа́я
Ўлада́ здвара́. . . . (2)
Јіё ради́мӑя ма́тушкӑ в̆ се́'бе́ ӑставле́я
Ўладу́ нъч̏ява́ть. . . . (2)
Зӑнач̏ю́й ты, ди́тӑчька, зӑнач̏ю́й хуть но́чьку.
Я бы ра́да нъч̏ява́ла: Ми́тряй ни пуш̓ш̓а́ить.
Ўладо́й Ми́тряй ни пуш̓ш̓а́ить». . . . (2).

Да ўся́! У на́с иhра́ють пѣ́сьни пӑт пля́ски, а паю́ть та́к ўо́т на у́льсы: вытяжны́м вы́тя'hъм паю́ть.

(Одна баба обращается к другой и убѣждаетъ ее говорить, не стѣсняясь):

«Как до́мӑ hъвари́: ни дваря́нься̆!» «Ну, плато́к с ле́ндӑми и hрӑмату́шкъми (см. это слово в словарикѣ, ниже). А э́та шлёнка нацо́плйна. Ув э́тай (у бабы) кащёк (= косичёк) пътхва́чян, а в дѣ́фки каси́к и каса́ виси́ть, ба́ря̄н, пъвяза́т късяко́м: тапе́рь от мълада́йкя—пъдвяза́т кащёк с пу́пъшничька̄м, виски́ зави́ты. А ю́пки ў Варо́ньжу ў Ли́ўнӑх дѣ́лӑють пъласа́ты̆я: мы пъкупа́им у ба́бах у друhи́х».

Свадьба.

«Я падру́х на дявѝк събрала́, на́чьли каза́ть пѣ́сьни: я сабѣ́ сижу́ нивабра́тă, по́тъм пришли́ свӑтавья́ за дара́ми, я вабра́нӑя, тут на́чьли дари́тцă: шыри́нки мужука́м жы³нихо́вы̆м, а я з двуми падру́hъми слѣ́зла с по́лу: адна́ падру́hа стая́ла с вино́м, а друhа́я з блю́да̄м — за шыри́нки де́ньhи зьбира́ть. Ну, по́тъм кли́чють свёкърӑ, за шыри́нкъми кли́чють:

«Яhо́р hриhо́рячь, жала́ить тибѣ́ Татья́нӑ Ти́тье¹вна («jим дю́жа ди́вна» — замѣ́тила разскащица своимъ подругам, когда я засмѣялся при произношеніи слова: «Ти́тьевна»).

h бѣ́лӑму да́ру. Дар прими́ яво́ и купи́: ни рублём — палти́нӑю, злато́й hри́внӑю. Ат на́шъва лица́ па рю́мӑчьки винца́».

От о́н пъдайдѣ́ть — свёка̄р к на́м, пакло́ньтцă, стака́н у́ ру́ки ўазьмѣ́ть у дѣ́ўьки, у нявѣ́сьтѣ¹, падру́hа пъliва́я нявѣ́сьтя (sic!) ў стака́н: ана́ пъдава́я свёкӑру. Свёкӑр бирѣ́ть тот стака́н, ана́ ему́ ў наhа́ (sic!) кло́нитцă, пато́м (срв. выше: по́тъм) пӑдыма́итцă, ён бирѣ́ть шыри́нку сабѣ́ утире́тьсѧ, — што винца́-та ён вы́пя̄л, — я ӑддава́ю наря́д жыниху́ убира́тцă свёкӑру, а ён — жы³ниху́; к вянцу́ убира́тцă ему́: руба́шку пупцо́вӑю, шӑравары, по́ясь, ша́фӑрт (другая на мой вопросъ: «что?» отвѣтила: «ша́хўар»!), што́б бы́ла тяплѣ́я зимо́ю, — ўсё в ади́н узьлячёк сьвя́зъваитцă, ишшо́ пълате́нцă ў ру́ки, пяршя́тки (другая: ва́рьшки). Бо́льшы у на́с мо́да ва ўсём Ду́хъвя-ва́рьшки, а хто́ умѣ́я ве́сь, то: — першя́тки, кре́ст ишшо́ на шэ́ю с ле́ндӑчькяй-ле́нку-hрӑмату́шъчькю, а ишо́ кальцо́, (на мой вопро́съ: кольцо́ или кольсо́? Я получилъ отвѣ́тъ: «У на́с ре́чи иныя: кальсо́-ў Зъляhо́щи. У на́с мно́hа чи́шша!» см. выше), ну, да и́ бо́льшы ньчяво́. Пато́м ўсѣ́х ӑбдари́ла я яво́ радьню́-та, ушли́ пато́м ани́, по́тъм жани́х с тава́рьшӑми к нявѣ́сьтя, ка мнѣ́, на э́та̄т жа ве́чяр, пато́м ўыхо́дя сади́тцă за сто́л (жани́х с нявѣ́стӑй): нявѣ́ста збо́ку яво́ сади́тцă, ну та́м пъста́вють ха́рчи на сто́л: вино́ нъliва́ють ади́н

тава́рищ̓ и пью́ть и hъвари́ть: «hо́рькя!» Ну, мы цалу́имсй. Бо́льшай тава́рящ̓ кли́ч̓ить и пъливáя радьни́ и ўсё hъвари́ть: «hо́рькя!» Пе́рву ма́тьря кли́ч̓ють, а ате́ц уйдѣ́ть г жы^{э}ниху́ у́жъна̄ть, а жани́х у нивѣ́сьтя, а да́льшы у́жънать нашну́ть: жани́х у нявѣ́сьтя, а ате́ц у жэниха́. Пато́м нявѣ́ста пръважа́я жы^{э}ниха́ дамо́й, бала́кăють, нявѣ́стă — к сабѣ́. Придѣ́ть и на́шня ръзьбира́тцă: ўсё на ве́чьри бы́ла. На друhо́й де́нь уш — к вянцу́. Ся́дить з двуми́ дѣ́ўшкъми у́жъна̄ть и hăласи́ть (другая хотѣла поправить, а разсказчица отвѣтила ей: «ни зы́нь — пи́шуть!». Я стал писать опять, повторивъ слово: «ни зы́нь», а разсказчица опять обратилась къ другой со словами: «па люби́ пи́шуть!». «На што́ньбуть э́та ну́жнă». «А то ра́й!»).

«Как hало́сють-та»?

«Спаси́бă тајé, ба́тьшкă,
На хлѣ́би на́ съли,
На до́брым привѣ́тя,
Што нă пасьлѣ́дя».

Та́х-та и ма́тьри hъвари́ла. Ну пау́жънăушы, када́ ръсплята́ють пау́тру, кăк к вянцу́ ѣ́хать, нявѣ́ста hало́ся:

«Ради́мъя мая́ ма́тъшкă,
Ръспляти́ мнѣ ко́су ру́су
В бо́жьјиму суду́ пати́ть,
«Што ка вяньч̓я́ньицу».

(Кое-гдѣ не отличишь слухомъ звуки *в* и *h*: въ третьей строкѣ этого голошенья мнѣ ясно слышалось: «в бо́жьјиму»: я так и записал!). Эта пѣсня и говорилась и голосилась.

«А по́тъм жани́х пріижжа́ить к вянцу́ за нявѣ́ста̄й: памо́льтцă Бо́hу и паѣ́дуть к вянцу́».

Въ амбулаторіи.

С. Ямско́е (подгородное). Говоръ прерывистый, рубленая рѣчь, какъ въ Вятской губерніи.

«С нядѣ́лю, д̆ у не́й ту́т-та твёрда то́лькя няда́мнă: hарѣ́lа, жара́ ста́lа, hlо́тку зъхвати́lа, жывато́м жа́льтцă, так э́та ни замѣ́тьlа ничя̏hо́. А тут пъхади́lа, апя́ть пъляжа́lа, у мя́ адна́ дѣ́ўачькя, а то я пъхар̆ни́lа — ма́лйнькяй: ишшо́ hру́ть сса́l. Во́спа прышша́ми нърыва́я, а то-та́к! Ён то́лькя ади́н, а ишо́ ража́lа и по́мя̄р: шэ́сьть ража́lа».

В. Сѣ́тушная волость.

Про полевыя работы.

Д. Бѣтько́во. «Мы из Битьтёўай, се́м вёрст, сяла́ Сѣ́тухи. Матрёна — мълада́йтя. Эта — шало́н шырьстяно́й дли́ панёў: ăклада́ть бяру́ть ў ла́ўках, ў Нăваси́ли, уваўсѣ́х ў кра́сных; hрăмату́шāк у на́с нѣ́т, у на́с — ле́нды, э́та ў Ду́хъвя. У на́с завѣ́сāк збо́рьникъм ня но́сють, а э́та хва́ртук биз рукаво́ў. Д̆ыть от пасѣ́им, пасьпѣ́ит, сы́меⁱм, начьнѣ́м мя́ть зама́шки — пря́дьва, памнѣ́м нъ талчяю́, а ту́т пря́сьть, тка́ть ста́ним, вы́ткамшы, бѣ́лим халсты́ ў рѣ́чькăх, начьнѣ́м руба́шки шы́ть. Зама́шны̆јі па будьня́м мы но́сим, по́ дъму; митка́львы̆јі — па пра́зьникăм. Ся́дим, пеⁱряхре́сьтимся̆ и начьнѣ́м рабо́тăть: мы на рабо́ти ни иhра́им; праhу́льнăй де́нь, пра́зьник — ў кăраhо́ди събирѣ́мся, на у́льцы: дѣ́ўьки и ба́бы, а па́рьни па сабѣ́ ўро́сь ăт дѣ́вак.

Кăраhо́дная, прътяжна́я:

Мальчи́шы̆чькя ръзбидьня́жы̆чькя
Скланы́ⁿл (sic!) сваю́ hало́ушку
На пра́ваю на старо́нушку,
На пра́вай-от на лѣ́вăю,
Да на hру́ть маю́ на бѣ́лăю (2).
На hруди́ ляжа́л чижало́ (тыё) ўздыха́л:
Чижалѣ́й таўо́ дѣ́ўка пла́кы̆ла:
Ты ни пла́чь-кы̆ ся, мая́ ръскраса́вицă,
Крăсата́ мнѣ́ твая́ во́чинь ндра́витцă.

Пайдём с табо́й на hуля́ньицӑ:
(Ва) пушша́й лю́ди на на́с удивля́ютцӑ:
Ну, што́-ж дай за па́рычька!
Ли́ба бра́т с сястро́й, ли́ба му́ш ж жано́й,
Али сиз hалу́б сы́ hалу́бушкай,
Али ми́лай дру́х с сваёй лю́бушкай». Уся́!

Г. Перестря́жская волость.

Въ амбулаторіи.

Д. Козло́во. Пако́с бы́л, сели́тӑру истапи́ла, се́рцэ тре́пе[i]тцӑ дю́жа, ташни́ть, а блява́ть-ни блюёть, хуш ӑт не́чьӗа дӗла́ть, ат за́ӑвин за́чьло́сь. На э́тих дня́х ӗыбльвӑла ў ро́ти гли́ст (sic!) кру́глай (sic!). З го́т но́ги пу́хли, тапе́рь ня пу́хнуть. Мы — ба́рскіји: Варва́ри Ива́нъвни Жучи́хи (= Жу́ковой). Я пила́ кой-чявó, та́к у на́с ба́ба је́сьть: вы́пе[i]й, ӑть явó ле́[i]кчи, ну и вы́пьяш, а ничявó по́льжы. Двóя дите́й, я ўдава́я.

Другой больной.

У мя́ ўну́тринне[i]й: стрыльба̀ (sic!) ў hруди́, ў нóhу ки́даитца, ко́лить и́нлами. Ат Тро́йцы: Бох ји зна́ить: бра́hу пил, а тапе́рь hру́ть рыhа́итцӑ, лёхки ўзбры́къвають, хлӗбъм идёть, hно́й ӑбара́чьваитцӑ: ищё́ тыё-то ло́мить, то стрыля́ить. В ма́ю мӗ́сьсу зъбалӗ́л.

Д. Ки́риковская волость.

С. Варва́ринка. «Мы Ки́рькскай во́лъсьти, зна́иш Ки́рьки? Ба́рскӑи, hрахви́ни храмо́й: ана́ жывёть ў Питянбу́рхи, а мы јиё ни зна́им. Паӗхъли на база́р уш со́лнушка взашла́, истапя́, вабра́мшысь *): ў синёту адда́ть привязла́ на партки́ му́жу; у на́с

*) Въ юбилейномъ Сборникѣ въ честь Ф. Ѳ. Фортунатова я только что прочелъ статью Н. Дурново: «Южновеликорусскія дѣепричастія на *мчи* и *мши*» и, къ удивленію своему, вновь замѣтилъ у г. Дурново склонность къ

мужьёў нѣ́тъти: на рабо́ти, от мы и прiѣ́хā́ли адьни́. У на́с ув аўсѣ́х пачьти и́збы па чёрнāму. Эх, ради́мāй, ды ḥдѣ́ ўзя́ть-та яўо́: силётка, ўо́т вади́цы напьёсьси ды и бу́ди. Ивде́нья, Кътяри́на — мы о́би тут-та.

II.

Орловская губернiя, Орловскiй уѣздъ.

Плещеевская воло́сть.

Про праздники, обычаи и повѣрья.

Д. Паньково. «Мы Па́нькёўскiйи, Бā́лхафска́я дарóḥā́, зна́иш? Плеiшше́фскā́й во́лъсьти. Ў на́с пра́зьник — ни рабо́тъjим, ў круḥў хо́дим, ўḥашша́им, липёшки пикём, у́льца бы-

---

поспѣшнымъ заключенiямъ, отъ которыхъ наука совершенно ничего не выигрываетъ. Эти поспѣшныя заключенiя заставляютъ только самого автора противорѣчить себѣ самому. Такъ, на стр. 416 авторъ только на томъ основанiи, что онъ не знаетъ формъ въ родѣ «*обнямшысь*» въ другихъ говорахъ, и что г. Карауловъ указываетъ на ихъ отсутствiе въ *Моздокскомъ* говорѣ, признаетъ подобныя формы и въ Тульскихъ и въ Воронежскихъ говорахъ (у меня и г. Филатова) *ошибками* изслѣдователей. А на стр. 418 и 419 указываетъ цѣлый рядъ подобныхъ формъ въ Матерiалахъ, изданныхъ Академiей Наукъ и собранныхъ въ Костромской, Вологодской, Архангельской, Симбирской и Тобольской губ., и одну форму въ бѣлорусскомъ Могилевскомъ говорѣ (стр. 418), пользуясь этими формами уже безъ оговорки относительно ихъ ошибочности. Нѣтъ надобности говорить г. Дурново, что только его недостаточное знакомство съ южновеликорусскими говорами повело его къ поспѣшному заключенiю объ ошибочности такихъ формъ, какъ: «обнямшысь», «напимшысь», «вабрамшысь», и друг. под. въ моихъ записяхъ и записяхъ г. Филатова. Такое заключенiе г. Дурново тѣмъ болѣе обращаетъ на себя вниманiе, что подобныя же формы (на стр. 419), найденныя имъ въ Матерiалахъ Академiи Наукъ, не признаются имъ за «ошибки». Изъ настоящаго нашего Отчета г. Дурново увидитъ, что такiя формы — не ошибки изслѣдователей, а формы живыхъ ювр. говоровъ. Другой вопросъ, — какъ разсматривать подобныя формы относительно ихъ происхожденiя въ народныхъ говорахъ, но что онѣ въ народныхъ говорахъ есть и очень обыкновенны, это-фактъ, съ которымъ нужно будетъ познакомиться и г-ну Дурново, какъ познакомились съ этимъ фактомъ и другiе.

ва́ить, танки́ ўо́дють, иhри́шша: вы́дуть (24 іюня) на кало́дис аль на рѣ̆ч̆ку, начну́ть ў руба́шках про́ста̄ пря́ма̄, къ адѣ́мшы, бӑлава́ть, купа́ть друх дру́hа: случа́итьця, што̆ и па́ринь дѣ́ушку йскупа́ить. Руса́в̆ак ни вида́ла! Слы́шъла — ф старину́ бѣ́hӑли па паля́м: каўо́ пъпадё́тцӑ — изамну́ть; уш ана́ мо́жыть-адӑлява́ить, а рибё́нка шало́кч̆ить, — ўро́ди иhра́ить, — мнё́ть пӑтцабо́ю, как јей жала́йтцӑ. Ани́ хо́дють: идё́ть ма́нйнькяй, бе^{і}з внима́нья: ана́ пайма́ить и ў лѣ́с; ана́ ухо́дить па ржы́, па кънапя́м шьля́итцӑ, ана́ даhо́нить, сара́паить и пря́ма̄ как зря́ и куса́ить. У јéй но́кти (sic!) во́стры̆ји: ана́ ч̏илавѣ́к — фсхо́дить на ч̏ьлавѣ́ка, прӑставало́съя, про́стӑ руба́шкӑ, а то hо́лӑя: па виду́ так, штӑ а̂на́ иж жыўы́х: као́ ма́тьри пръклина́ють; јéсьть бальшы́ји, јéсьть ма́нйнькіји: у мя́ свякро́фь бы̂а́ла-та hӑвари́ла: «бо́йте^{і}ся их, смотри́тя-руса́ўки»: па hрыбы́, и то́ баи́сьси! Я ўдава́: ма́льчика ишшо́ ни жани́ла: Аўдо́тья Vо́сипъвна. У мя ни крич̏я́л рибё́нӑк, а то́ зъhава́рьвають, штӑб ни крич̏я́л, кри́ксы јéти. Даю́ть саса́ть hру́ди, ни̏ч̏яўо́! А то́ заря́ми хо́дють пӑт курья́к: ба́пка хо́дить и нӑ зарю́: три зари́, идѣ́ ку́ры сидя́ть, нӑ насѣ́сьти, в̆ыкли́къваить: «ку́ры, ку́ры, вазьми́тя сваи́ мъладе́нсӑвы кри́ксы, штӑбы нй крич̏я́л». По́сьли јéтъва, э́сьли младе́ньскӑя приступа́ить, јéсьть—вычи́тъвають: э́та — мали́твӑй. Vазьму́ть дьривя́ппӑва ма́сла с мы́ла̄м ръсьтира́ють, стано́вить жыво́т на мѣста, када́ радё́мшы: ўсё ба́пка-жа! Ана hӑвари́ть: «нарика́й свӑиму́ сы́ну щя́сья», да й како́я и́мя — нӑзваньё: ту́т уш ръжани́цӑ ляжы́ть бяс па́мьти. ’Ума́ю мѣ́сьцу-палы́н хърашо́ пъдаба́ить: ў питью́ даю́ть, бѣ́ла̄й, ӑт прасту́ды; траўа́ пӑдраки́тьник ў пе́рвӑм дню́ ма́ю; кумани́ка-то́жы дли прасту́ды: как јіе̄ стака́н-два́ вы́пьјиш, пайдё́ть ро́зьвясьть, слабо́дьнѣ^{і}й; и лапу́х пью́ть: паньзи́те^{і}льны̆й: ӑт касьте́й ӑтhаня́ить бо́ли нару́жу; ана́ прасту́да ўяда́итцӑ х ко́сьти, ў ко́сьть идё́ть. Дяко́п пью́ть ис тра́ў, дьвяна́тцы̆ть сарто́ў: шку́рки сё ра́зныји де́рьва. Вино́ наста́вливъють, даю́ть пи́ть — стака́н. Нъзыва́итцӑ ўа́нная: яво́ сажа́ють, сиди́ть он ч̆яс и два, пака́ суте́рьпить, па си́лѣ^{і}: ръзбавля́ють јіе̄, штӑбы ў мо́ш сидѣ́ть в јéй.

Про свадебный обрядъ.

Сьч̆я́с пъсавѣ́тъваить ма́ть и ӑбридя́ть, пасо́дють их ря́дāм, ста́нуть во́тку пъднаси́ть: сва́тӑнья быва́ить; ну пеⁱреⁱто́рhӑ быва́ить, кӑк судьбы́ бы́ть, сё́тъки быва́ить. Те́сьть даё́ть свё́кру ско́льки запро́сють — и сто́ и пятна́тцы̆ть; пъсматрѣ́ли; паѣ́хӑли сам-дру́х, жани́х с тава́рышāм, пріяжжа́ють: мо́жнӑ ли пасва́тътцӑ, пӑлста́ рубле́й де́нях: jе́сьть у ва́с намѣ́рія, ху́ть ру́бликаў со́рāк на дары́. У на́с ў ку́хню, а то́ ӑддиле́нья друhа́я: та́м и пасо́дють жыᵊниха́ и нивѣ́сту; у на́с ў Панькё́ўай дваро́ў де́сить «па ч̆ё́рнӑму»: «капч̆ё́ньjи». У као́ пъмашшо́нӑй по́л, у миня́ — зимляно́й: пасте́лють каве́рчик и пасо́дють нивѣ́сту. У на́с уве́сь пол зимляной, али уве́сь дйривя́ннӑй. (У васъ пѣсни играютъ или поютъ?): «Иhра́ють и паю́ть, хто́ как папа́нить!» Я с таре́лкӑй хади́ла: хто што́ ки́нить, хто́ капе́йкю, с палти́нник и с ру́п: пеᵃрвы́х — г жыниху́, а пато́м зъ пъсажо́ных, хрё́сных, усѣ́ сапло́ш: jе́ти бу́дуть иhра́ть, а э́тӑ хо́дить с таре́лкӑй.

Вйлич̆я́ють:

Ни па сѣ́нюшкам ʼАннушкӑ хади́ла,
Алѝ ля ля!
Ни па но́винькям Ми́тривна ступа́ла.
Алѝ ля ля!
Ис карма́ньчйка арѣ́шки шшалка́лӑ,
Скӑралу́пӑчьки ва hо́рстӑчькю зьбира́лӑ
И ў хруста́льнӑя ако́шы̆чькя браса́ла,
Ў̆ Ива́нушкины ку́дри пъпада́ла.
Ива́нъшка наза́т ӑhляну́лси,
На сваю́ ʼАннушку пъhрази́лси:
Дабро́-ш ты дабро́, ʼАннушкӑ,
Да заву́-ш я тибѣ́, ʼАннушкӑ, ў hо́сьти,
ʼАтсмію́ тваи́ сѣ насьмѣ́шки,
За калё́ньjи тваи́ арѣ́шки.
Пъзабу́диш, Ива́нушкӑ, пъзабу́диш!
Нѣ́т, ни забу́ду я, ʼАннушкӑ, ни забу́ду:

Я ўспо́мню, Ми́тривнă, ўспо́мню,
Зăзаву́ ш я тибе́ ў hо́сьти,
На сваю́ на мя́хкăю пасьте́лю,
На пухо́ўая вăzhало́вья,
Я ў тибе́ ўсё́ спрашу́:

За што́-ш ты мине́ шшалу́шкйми швыря́ла? А᷑на́ атка́зъваить:

Винава́та, прасьти́ ты мине́! Уся́.

'Этă ăбразъва́нью! Кады́ жани́х увозить к виньчя́нью, тады́ друhа́я:

Свадебная пѣсня.

К вянцу́ ве́сь:

«Бу́йны ве́тры пăдыма́лйся,
Варо́тйчьки ръ"ствря́лйся: (2)
Каре́тушкă на дво́р ко́титцă, (2)
Аўдо́тьюшка испужа́йтцă, (2)
Па падру́жунькям мята́йтцă: (2)
Вы, сястри́цы, вы, падру́жуньки, (2)
Прйбири́тя миня́ мо́лăду,
Вы пріяйтя до́брăўа мо́лътцă заѣ́жжăўа,
До́брăўа мо́лътцă заѣ́жжăўа.
Я п сама́ яво́ пріяе'ла, (2)
Сама́ б яво́ приhалу́бйла: (2)
Маѣ се́рцă ня́ баро́тйтцă, (2)
Жывот кро́вью ăбливайтцă, (2),
С пле́чь hало́ушка свали́лăся, (2)
С лица́ кра́сычькя сьмяни́лăся». (2). Ўся́!

Чижало́, да дю́жа, ня вытьниш! 'Этă дѣ́ўьки паю́ть, а кады́ ко́су ръсплята́ють, то́жа иhра́ють. Хвядо́сья, Любо́ў, тяни́тя, а то дю́жа чижало́.

«Ни тру́бушка тру́бить ра́нă па зари́,
Ой лю́шыньки, лю́шы!...
Аўдо́тьюшкă пла́ӵить па ру́сай касѣ́
(въ пѣ́ніи слышалось: «каси́»).
Ой лю́шыньки, лю́шы, па ру́сай каси́!
'Свѣ́т, мая́ ко́сушка, ру́сăя была́.
Ве^{і}ӵёр мнѣ́ ко́сушку дѣ́ушки пляли́.
Пріѣ́хăла сва́шынькя касу́ ръспляла́». Ўся́!

Лавровская волость.

С. Лавро́во. «Ма́рхва, я — дѣ́ўка, а та́ Наста́с̆с̆я — то́жа сяла́ Раўло́ўа, Раўло́ўскай: у на́шăм сялѣ́ мы аба́пăльна во́лъсьти. А то́ ис Хами́нки слабо́тки, аш на бăльшаку́: Раўло́скăјі дво́рьки. Быва́ить у на́с я́рмăнка на друhо́й день Тро́йцы: ре́ли, качя́ютцă рибя́ты з дѣ́ўкăми па жала́нію, а пато́м у́льца: ска́чють, иhра́ють ў му́зыку, ў hармо́нію, а мы ска́чим ӵе́тьвирă, а то́ по́двăя, танки́ ўо́дють, пѣ́сьни паю́ть, вянки́ зъплята́ють: вазьму́ть вѣ́тъчькю, саў'ју́ть, ў рѣ́чькю браса́ють. И кăраhо́д нъзыва́итцă: ўсё адно́, а тано́к — асо́бя. Ну, дава́йтя тано́к вади́ть! У кăраhо́ди ска́чють, тано́к рука́ за́ рўку бяру́тцă и пѣ́сьни паю́ть.

Тано́шнăя.

«У на́с саду́, саду́,
Зиляно́м саду́,
Ай ляли́ ‿ яли́, зиляно́м саду́!
Пăд ы hру́шăю,
Пăт кудря́вăю,
Муж жану́ уӵи́л,
Ай ляли́ ‿ яли́...
{(Какъ это онъ ее училъ?): «А о́т мы дака́жым»!}
Муж урю́мăю,
Ниразу́мнăю,
Ай ляли́ ‿ яли́...

Как жана́ мужу
Ни ўкари́лăся:
На калѣ́нăчьки
Стăнаўи́лăся,
Свёкру ў но́жычьки
Пăклани́лăся:
Свёкăр-ба́тьшка,
'Атыми́ мине́ (въ пѣніи: мин͡еа́).
Ат лихо́ўа му́жа,
'Ат урю́мăва,
Ниразу́мнăва.
Свёкăр hăвари́ть,
Ишшо́ би́ть вили́ть,
Вили́ть слу́шăтцă.
А я́ млада́ пъдьняла́сь-пашла́,
Слё́зна пла́кы̆ла
Вăзрыда́имчи:
Уш ты му́ш ты мо́й,
Му́ш, hалу́пчик мо́й,
Ты ни бе́й мине́,
Пъжылѣ́й мине́,
Пъдыми́ мине́,
Пъцалу́й мине́». Ўся́!

(Каждая строка— два раза и припѣвъ).

С абѣ́х старо́н анѣ́ хърашы́ бы́ли!

Рош вя́жым, аўё́с, про́са, hреⁱчи́ху, чьчиви́ку ката́ють ў каты́шки капна́ми, как на͡о́с пъдаю́ть: д̓ли скати́ни. Пра́зьнӣк, у на́с ва́рють jiё́, пираhи́ пяку́ть с начи́нкăю, сталку́ть, кладу́ть ў пираhи́, кисе́ль, блины́ пяку́ть. Ў начи́нку — ни мо́лънăя: пря́ма зярна́ми: сва́рють ў пасу́дя jiё, ў сту́пя сталку́ть, атки́нуть из вадѣ́ ў рыᵊшато́, пато́м ў сту́пу тало́чь, пато́м ў пираhи нъсыпа́ють.

Пинькя́ — асо́бя, кънапи́ — асо́бя. Вясно́й пасѣ́или, пе́рь (= теперь) ани́ ў по́я̄с, зама́шки ўы́рăстуть ў ји́х, пато́м бяру́ть баб́ы ји́х, зама́шки, кънапи́ ăстаю́тцă, пато́м сте́лють, варо́чїють, сыма́ють и мну́ть ў мя́лках; самну́ть, нă тăлчію́ паѣ́дуть, талку́ть та́мă, пато́м пря́сьть ста́нуть. Нъпря^{і}дёмшы сную́ть, тку́ть, бѣ́лють, рѣ́жуть, пато́м но́сють — руба́шки ста́ны. Пинькя́ ăстаётцă — ўо́сйн̆ню бяру́ть, ў ко́злы стано́вють пуки́-та, пинькю́; вы́съхнуть, мало́тють јіе̄, симяна́ из је́й вѣ́ють, а је́тă пинькю́ мо̏чють ў рѣ́чьки: пъляжы́ть три́ ли нядѣ́ли, јіе̄ таска́ють на́ бе^{і}ря̄х, во́зють двару́, пато́м вясно́й мну́ть, пръдаю́ть јіе̄. Из је́й — пъяса́ на пре^{і}ди́льнай на хўа́брики. ’Аставля́ють сабѣ́ на о́жжы, на у́приш, на ла́пти, падо́шўы: ана́ јидряна́ быва́ить пинькя́-та, зама́шки драбнѣ́я: јіе̄ ни упре^{і}дёш. Пинькю́ — мужука́м, а зама́шка — э́тă ба́бăм. У као́ симяно́ў ни хва́тить, таму́ зама́шки и ня на́дă.

Д. Ѳоми́нка (Хами́нка). «Ба́рскіји ходють с махра́ми пъвяза́мшы, а у на́с про́ста̄ та́х-та: ко́хтăчька, хва́ртучйк, ша́лъчькă. У на́с купа́ютцă дѣ́ўьки, балу́ютцă, ў hря́зь вы́пăчькăимся: ны́ньшній де́нь (24 іюня) ўсѣ́ ў руба́шкăх: э́тă то́льтя ў hо́т ра́с бу́дуть hря́з̆з̆ю ма́зăть, пабăлава́тцă.

Тра́ўы зьбира́ють пау́тру, ме́жду абѣ́дьнїй и у́трине^{і}й: душы́цу, мя́ту, бъhаро́дицкăю, чя́йную жо́лтăю. Е́жли што́ у као́ зъбали́ть, расу́ дъ̆ ў чя́шычькю чя́йную с травѣ́, а пато́м збры́зhъвають. Е́жли е^{і}му́ адды́хăть, он пъвисе^{і}ле́ить, а е́жли умире́ть, тăк о́н пътусьмѣ́ить: во́чиннă пъмаhа́ить.

Покро́вская волость.

С. Станово́й Коло́дезь. «Пишы́, пишы́: Хидо́сья!» (х̱— межзубное). Па на́шъму — ăднадв̆о́рцы, па ва́шъму — крисьтіа́нскїји. Мы hăспада́м ни тые̄, а мы́ самъму́ hăсуда́рю кристія́ни, мы hăспада́м ни пътчинёны бы́ли. Я хазя́йкя: што́ ў до́мя је́сьть, то и пе^{і}ку́: су́п, ка́шу ва́рим; кады́ — лапшу́, натрём јіе̄, на-

кро́шым дро́бна, у ва́р заки́не^{і}м ў пе́чьку јіе̄, кады́ ста́ним абѣ́дăть, вы́тъшшым. Пе́рь (= теперь) пъдбива́им ме̄жы, тра́у сре^{і}за́им, што́п ни расла́, ни hлушы́ла ăhурцы́ на͡hаро́дя, а ў паля́х у на́с на пако́с хо́дя^{і}м, hрибе̄м сѣ́на hра́блими, тады́ ў ко́пны склада́им, на о́з нъвива́им да двару́ во́зим.

Усѣ́ ў сăръхвана́х, кăк ви́тьтя. У на́с ска́чють и танки́ во́дють. У мя́ му́ж жы́ў: ни смаhу́ табѣ́ сказа́ть: Бо́х храни́л ăт кри́ксу ăт јéтъва са́мъўа дите́й маи́х.

Тано́шнăя.

«hру́ша бърава́я, (2)
Ни сто́й нăд ре^{і}ко́ю, (2)
Ни сто́й нăд быстро́ю: (2)
Ака́ ко́ринь мо́ить, (2)
А вѣ́тйр вѣ́тья ло́мить». (2).

То́льтя! Дву́м а́ли аднэ́й каза́ть?

«Д˘ни я́ мало́дйнькя,
У миня́-ль мало́дйнькяй
Д˘ни радно́й ба́тюшка,
Ни сво́й, ни ра́ди́мăй:
Ра́нă миня́ спа́ть кладе̄ть,
По́знă ўзбужăить». 'Уся́!

На крѣ́пькіјі hăласа́ ўсе̄, а уш танки́ — ў то́нкіјі hăласа́, а ви́личя́ють — э́тă на то́лстыјі.

Ва ўсе́й силѣ́ ўсе̄ бѣ́лыјі, с труба́ми ха́ты у на́с. Ды ўсе̄ раўно́ ска́жуть: ступа́йтя двару́ увы́збу, у ха́ту.

Про свадебный обрядъ.

Паhля́тки пу́сьтють: жыниху́ пъhлядѣ́ть, јіе̄ вы́ве^{і}дуть г жыниху́, наря́дим ў шырьсьте^{і}но́я, ў као́ — шо́лкъвăя, ста́нуть тăлкава́ть, аб аде̄жы, ăб͡абу́жы: шу́ба, сви́та суко́ннăя: ат до́жжу — про́сты̆јі, а пра́зьнишны̆јі — беке́шки, а сви́та — ръспашна́я, ис сукна́: с аве̄с шэ́рьсьть асе́н̇нію сыма́ють — при-

стря̄ш, а то́ — стари́ка: э́тă ве́шьнія: ана́ ру́нами, дьли́ ч̏юло́к; ана́ — на пасьти́лки и на ч̏юлки́ на то́лстыјі ў ла́пти. А то ану́ч̏и, або́ркйми завя́зъвають. Табѣ́ ишшо́ пѣ́сьню хо́цытцă? Иhра́ть јіе́, али та́к — да́ра̄м?

Вйлич̏я́льнăя.

Нивѣ́сту ж жынихо́м пасо́дють:

«Кали́нушка с мали́нушкăй,
(2) 'Алинькяй т̓ьвито́чик;
(т̓ь — особенно мягко, почти съ присвистомъ).
Матрёнушкă с хвёдрушкăй
(2) Ми́лйнькяй дружо́чик:
Саду́ я́блăнь кудря́вăя,
(2) Кара́ зълата́я!
От ми́мă йшла Матрёнушкă
(2) Ка́ру ка́рупа́ла:
Ой ми́мă йшлă Пятро́ўна
(2) Зо́лăта вына́ла.
Тѣм зо́лътам, тѣм се́реⁱбрăм
(2) Плато́к вы̆шыва́ла
Тѣм платко́м, тѣм платко́м
(2) Хвёдъра дари́ла.
Хвёдрушка Стеⁱхва́нъвичь
(2) Платка́ ни прима́ить;
Хвёдрушкă Стеⁱхва́нъвичь
(2) За ру́чьку хвата́ить,
За зо́лъты пе́рьсьни».

С. Кулико́вка. «У мя́ пала́жънăй ишшо́ ни аднэ́й нѣ́ту: або́и нивѣ́сты, а во́синь придёть, за́муш бу́дим ăддава́ть: пе́рь (= теперь) хлѣ́ба нѣ́ту, тады́ ăhурцы́ пасьпѣ́ють: карто́х, хлѣ́б hато́ўим г зи́мя, э́тă вясно́й сѣ́им, кънапи́, а пе́рь сѣ́на рабо́тъють. Кар-

то́х нѣ́тъти: ста́рыjи паѣ́ли, то́льки адна́ вади́ца ни ку́плинă! Е́жли жани́х пъжала́ить сьчя́с, на свай де́ньшки неха́й бире́ть».

Прăтяжна́я (sic!).

Ћăлава́-ль ты мая́,
Жы́зь заўда́лăя,
Зăћуби́ла миня́ мълатца́,
Мъладе́цкыю жы́зь зăћуби́ла,
И ў тимни́цу мине́ призьве[i]ла́.
'Абамру́ нă тире́мнăй пасьте́ли
Пъхаро́нють мине́ кой-ка́к,
Пъхаро́нють, зимлёю заро́ють:
Ни папла́чить ради́мăя ма́ть.
Ли чиво́ я на свѣ́тя ўради́лся[i],
На што́ рăдила́ мине́ ма́ть?
Ли таво́ я на свѣ́тя рăди́лся:
Тире́мныю жы́сь йспыта́ть». 'Уся́!

Ни за што́ ни сьтяну́ jiё! (Когда я замѣ́тилъ, что эта пѣсня еще не кончена, то разскащица стала продолжать ее пѣть съ помощью других своих подругъ, т. к. одной ей, по ея словамъ, оказалось «не стянуть» этой пѣсни. Потомъ эта пѣсня говорилась не «на́ голосъ», не «игралась», не «вытягомъ», а «разсказывалась» говоркомъ).

Вы сьлита́йтя вы, ме́лкiji пта́шки,
На зилёну маћи́лу маю́,
Вы ăспо́йтя пичя́льную пѣсьню
Нăд майм дйрива́нным крясто́м».

Хучь с рабо́ти, хучь нă рабо́тя мы э́ту пѣсьню ићра́им. У на́с пăт тальянки пля́шуть, ћармо́нь.

г. Мценскъ.

Мѣщанинъ г. Мценска. «'Эта ни в Андре́йчя: в Адре́йчя ху́жа! Во́ддăк Ва́ська! Во́льћа! Асна́тцыть ве́рст прашо́л,

в Һóръди тапéрь чижалó жы́ть, ў сялó пéрь нáда ити́ть ж жанóй ВóльҺāй, тут ни зърабóтаиш... (Записано на улицѣ мимоходомъ при разговорѣ съ прохожими, оказавшимися Мценск. мѣщанами).

Мценскій уѣздъ.

Тéльчьинская волость.

С. Дḗшкино. «Мы Дḗшкински, вёрстъ двáтцы́ть, пяшкóм шли́, ў пя́ть чясóў, к палдню́ пришли́, ды скóлькя ăддыхáли: БóҺу мали́тцă пришли́, катḗлък купи́ть, казьлёнъчькяў (= печенія, жáворонковъ). У нáс бальшáя сялó: дьвѣ́ цэ́рквы, ў аднóй ня слу́жуть: старá». (Записано на базарѣ).

Про лѣчебныя травы.

«У нáс ту́т р̆ичяндáлаў мнóҺā: тéта ч̓вáнки — на лóп, из би́сьру, шалч̓ку́ jéсьть нямнóшка, кумáчь, китáйкя, нау́шнички, паóйнич̏я̄к, висю́льки. Яхи́мъя, ну, дакáзъвай! Ну, сирабóй — ат кáшля: каму́ кóлькя пълаҺáйтцă: чя́шку-ли, дьвѣ́-ли, аттáпливăють, яўó тóлькя нóньчи нѣ́тъти». (А мужъ у тебя что дѣлаетъ?): «Ў салдáтăх: яўó тóлькя нóньчи ăддáли: кáбы влáсьница я былá, мнѣ́ хóццă, д́ыть, ми́лāй, сьвякрóўья с сьвёкрăм расьсéрьдитцă: нóньчя увóся̄нь аддáли: душá с тѣ́лāм ръстаётцă, вóчинь плáкъла». Ну, какъ-же ты плакала, когда съ мужемъ разставалась?): «Ми́лāй, нялóўка»!

«Ми́лăя дру́жычькя,
Куды́ мы тя́ убирáим, нъряжáим,
'У какýю рабóтушку?»

«Так упадáиш, Һалóсиш: вóчиннă жáлкā. Ўóчиннă слязнó присылáл нам письмó: труднó, капéйки он мáлă ўзя́л: ўсяўó пя́ть рублéй, ўсё чьтавóя, ўсё нидахвáтка: сётъки пăт стрáжāй, óчиннă па ём бальнó». (А твой гдѣ мужъ?): «Мóй ў рабóтя, ў Адéсьтя,

а типе́рьчя, слу́х-та jе́сьть, ў А^{е}йкирма́нт ўѣ́хъл; сьвякро́ўья письмо́ пълучи́ла: пънисё́м, каму́ хто́ hра́мăтнай, ды прăчьта́ить. Ў салда́тăх не́ш така́я висе́лья, кăк ў рабо́тя: лю́ди пъджыда́ють, а мы као́ бу́дим пъджыда́ть!? Адда́дя̄н — по́мя̄р: адин ў Ба́ки, идѣ́ мо́й-та слу́жыть, кака́я ту́т ра́дăсь: ў рабо́тя он — на ўо́ля! Ў до́ми уро́на у на́с салда́ткăм быва́ить, пло́ха̄: дабы́шьникаў не^{і}ма́, жанѣ́ ка́жняй пло́ха̄. И дамно́шнăи рѣ́чи, и мы та́гжă hъвари́м: милѣ́й му́жа нѣ́т ни̏чяўо́!»

Продолженіе разговора про лѣчебныя травы.

«Яhăдьник — лисава́я я́hъда, ў лѣ́ся расьтё́ть. Нѣ́т, зимляни́ка — э́тă клубни́ка быва́ить, э́нтă ишшо́ ни́жа̄. Ну́жна ч̏я́й: у на́с jiё, ч̏я́ю-та, ни быва́ить: сăхарку́-та ку́пим, а ч̏яйкю́-та — тра́ўьки: и душы́чька, и сирабо́й, и я́hăдьник. По́льза! хто jі зна́ить: сăхарку́ кусо́чик вазьмё́м, а то па бѣ́днăсьти здаро́ўья, душы́цы, ўку́снăя: хто́ ка́к лю́бить. А то́ кали́нъвăй тьвѣ́т: hо́лъвы баля́ть, пи́рита́пливăим и зăсыпа́им. Пăддаро́жник — ат прасту́ды, прикла́да́им; ади́н дяко́п дъ вино́ пью́ть, каре́нья ч̏ё́рны̆jи ж жалти́нăй: как сё рамно́ ли́сьтики, а па э́тим листа́м узнаю́ть карё́шки. Ишшо́ jе́сьть дяко́п — нй стыва́ть што́ба. Хто жыво́т сарьвё́ть, ба́пка и папра́вить, ч̇юhу́н како́й ăли́ плятушку пады́миш: у на́с лич̏е́я̄к нѣ́ту; с ыко́нъч̇ьки спуска́ить, вади́цы ўальё́ть ў буты́лăчькю: рибё́нка купа́ють, уму^{ъ}ва́ють и пи́ть даю́ть.

'Ат че́ме^{і}ру ăдhава́рьвають: жыво́т jе́сьли бали́ть, кой-што́ прибира́ють, пъбяжы́м г ба́пки... ăт казю́льки та́хта ў лѣ́ся hдѣ пăпада́ить: ста́нить скати́на ду́тцă ăт не^{і}jё, jе́сьли ўку́сить казю́лькя. Ана́ сабѣ́ найди́ мѣ́ста!

Про свадебный обрядъ.

Придё́ть сьвё́ка̄р, сьвякро́ўы̆ и пъhăваря́ть и в жыниха́ спро́сють и сăhлася́тцă; прапо́й, иhра́ють и пѣ́сьни, и вино́ пьють. Мы ж жынихо́м ря́да̄м сидѣ́ли, блăславля́ли нас, пăтсо́лнухи hры́зьли. 'От и ве́сь прапо́й, да жыниха́ прăвади́ли ды и прасьти́-

лйсь. От и ўве́сь прапо́й! Зhăваря́тцă на како́й де́нь сва́дьбу иhра́ть, крава́йцы стару́хи hаро́дють и пріяжжа́ить жани́х са ўсѣ́ми с пăяжжа́н̓н̓ям (= съ поѣзжанами), з друшко́м, дя́тькя ж жынихо́м хо́дить, дружо́к паѣ́ст апхо́дить с карьве́hăй: дружо́к бирё́ть карьве́hу, идё́ть на ла́ўки ззасто́лья пăдыма́ть, и, пакэ́дъва ăбайдё́ть, он три́ ра́зă стано́вйтцă ря́дāм з дя́тькяⁱю; жани́х с нивѣ́стăй бяру́тцă за́ руку, дя́тькя жыниха́ вазьмё́ть за́ ръᵘку пато́м, а дружо́к идё́ть фпеⁱрё́т с карьве́hъю и выхо́дють, садя́тцă на пао́ску като́ры̆јі hо́сьти пріѣ́дуть за нивѣ́стăй, дружо́к бирё́ть карьве́гу (sic!) и кну́т и хо́дить во́къл лăшаде́й и лăшаде́й па мо́рьди кнуто́м бьё́ть да трё́х ра́с; ся́дуть на пао́ску паѣ́дуть са двара́. Нивѣ́ста hало́сить пакэ́да јіё пъката́ють па дире́ўни, пато́м дружо́к вӑро́тютцă на тиле́hʲя с о́брăзъм, аткэ́ль нивѣ́ста, к атцу́, и — вина́ пъднясу́ть: пъзавё́ть што̆б пріяжжа́ли к ни́м, пато́м з дара́ми пріяжжа́ють: ма́ть, ате́ц, сва́хи (из Дё́шкйна у на́с бра́ли ў Касья́нъва нивѣ́сту), дари́тцă ста́нуть: мъла-ды́х пъста́вють, па́ру рю́мāк нивѣ́сьтя; жани́х дё́ржыть ўо́тку, жани́х нальё́ть, а нивѣ́ста ръздаё́ть; сьвё́кāр, сьвякро́ўья вй́пьють, а та́м дари́ть ста́нуть их, сва́ха нивѣ́с̓тйна дары́ разно́сить: руба́шки, а та́м зало́ўкăм — рукаўа́, рушники́, ўсѣ́м, што́ јéсьть ззасто́л̓л̓и, као́ чѣ̀м: каму́ — плато́к: па̑ адно́й руба́шки; до́рють и сваи́, и пъкупны́ји. Нă рушника́х ўзо́ры (= почти «взо́ры») па пирьви́ў пирьвива́ютцă, а то́ кашё́лъчьки (sic!): н̆и (= ани́) дё́рhăютцă, э́тă вышъва́ютцă бума́hай кра́снāй, ды̆ ўся́кай». (А у васъ дружо́къ не бьетъ невѣ́сту кнутомъ три раза на телѣ́гѣ?): «Дѣ кака́я зăвиде́нья: у на́с ни слыха́ть пра јéтă: сьтибанё́ть дружо́к; у на́с то́льки жани́х патцо́дить нивѣ́сту на пао́ску». (А ты голосила, когда косу расплетали?): «hăласи́ла, а то́ ка́гжā?»

«Спаси́ба hо́спăду Бо́hу
За хлѣ́б за́ съль!
Спаси́ба табѣ́, ма́тушкă,
Спаси́ба табѣ́, ба́тюшкă»;

Ка́жнăму та́хта!

К вянцу́ вёсь:
«Со́лнушкă за лѣс зъкати́лăсь,
Ари́нушкă сы двара́ сăяжжа́ить,
Пятро́ўна нă паóску сади́тьцă (sic!).
Ки́нула, бро́сьла ключи́ по́ стăлу:
— Я табѣ́, ба́тюшка, ни клю́шница, ни паслу́шница:
Клю́шница-паслу́шницă
Чюжо́му ба́тюшки,
Чюжо́й ма́тушки».

Ды пато́м ўся́ тады́ пѣсьня! Иhри́цы назва́тыjи, дѣви́цы, иhра́ють, када́ нивѣ́сту йз-за стала́ пъвяду́ть к виньчя́нью.

Праздники.

Ў пра́зьник круhа́ зъвяду́ть, ска́чють, такíjи прътяжны́jи пѣсьни иhра́ють:

«У на́с по́д ляcóм ляcóчькăм
Шылкаўа́ траўа́,
Шалко́вăя, мурава́я,
Зямчю́жна раса́.
Па тэ́й тра́ўьки,
Па мура́ўьки,
Дѣ́ўьки hуля́ють.
За дѣ́ўкăми за кра́сны́ми
Данско́й къзачёк:
(Та́х-та ска́жуть!).
Vо́н и хо́дить и hуля́ить,
Va скри́пку иhра́ить:
Va скри́пъчьку ва ду́дъчькю.
Дѣ́ўак vыбира́л,
Vы́брăл, vы́брăл
Любу́ю сабѣ́.
— Харо́шăя, приhо́жăя,

Пади́ за мине́.
Ни пайдёш-ли,
Спака́исься, спăмянёш мине́.
— Пайти́ть бы́ла к сасѣ́душки,
Спраси́ть пра тибе́:
Vы, сусѣ́ди, до́бры лю́ди,
Скажы́тя-вы мнѣ́:
Vы́ скажы́тя, дълажы́тя,
Како́й ч̏илавѣ́к.
— Vо́н пья́ньца-прапо́йницă,
Прапи́л са́м сибе́,
Прапи́лси, прăhуля́лси,
Ў ка́рты прăиhра́л». 'Уся́!

(Въ отдѣльномъ произношеніи, въ начальномъ слогѣ слова, передъ гласной задняго ряда, звукъ *в* слышался мнѣ здѣсь, какъ звукъ билабіальный, который я и обозначилъ латинскою буквою *v*. Если этотъ звукъ примыкалъ къ предыдущему, то онъ становился звукомъ зубно-губнымъ — *в* (русское): «скажы́тя-вы» (см. пѣсню); если, наконецъ, этотъ звукъ находился въ положеніи передъ согласнымъ, то онъ самъ становился неслоговымъ гласнымъ, который я изображаю буквою ў (русское). Между *v* и ў, на мой слухъ, разница такая, что первый изъ нихъ я бы назвалъ близкимъ къ согласному, а второй — болѣе близкимъ къ гласному; первый возможенъ или передъ гласнымъ, или между гласными задняго ряда; второй — передъ согласными, хотя бываетъ и въ положеніи между гласными. Вообще, звукъ ў есть почти тотъ звукъ, который мы довольно часто слышимъ у картавыхъ людей, не способныхъ произносить твердое лабіализованное *л*, напр., въ словах: лодка, масло, луна, лысый и т. п.).

«Танки́ ўо́дють, кăраhо́ды, то́жы пѣ́сьни кричи́м:
С рабо́тя:
«hдѣ́ хажу́ и hдѣ́ hуля́ю,
Ску́шнă се́рцу мăяму́:

Вы́ду г бе́рьшку круто́му
Ръзhуля́тцă на ч̓ясо́к.
Пăдайду́ я х таму́ до́му,
hдѣ́ мо́й ми̇ли̇́нькяй живё́ть,
Пъсту̏чю́ друшку́ v ако́шкă:
— Vы́ди, ми́лăй, нă ч̏ясо́к.
Ка мнѣ́ ми́лăй ни ѣ̆ыхо́дить,
Ми́л атьвѣ́ту ни даё́ть,
Ми́л атьвѣ́ту ни привѣ́ту:
Сло́ўна дру́шкă до́мă нѣ́т,
Зна́ть, мо́й ми́лай рăс̓серьди́лсă,
Зна́ть, ину́я пълюби́л,
Зна́ть, ину́я ръзьмилу́я,
Рăспадру́жы̆нькю маю́.
Каму́ hоря, каму́ ра́дăсь,
А мнѣ́ мла́дэ^{а}й hру́сь-таска́.
Прăкати́лăса мая́ мла́дăсь,
Сло́ўна му́тнăя ўада́.
Си́ня мо́рюшкă hлубо́ка,
Я ня ви́жу мо́рю дна́.
Жывё́ть ми́ли̇́нькяй дале́ч̏я,
Я ня ви́жу hо́да два́.
Ты hари́, hари́, кале́чькя,
У мило́ўа нă рукѣ́,
Зăмира́й маё сирьде́чькă
'У мае́й бѣ́лай hрудѣ́». 'Уся́!

(Продай мнѣ твою бисерную цѣпочку, которая у тебя на шеѣ. Или ты боишься, что заругаютъ?): «Кака́я баjе́нья: э́тă не^{і}зьля́, ужо́ мнѣ́ ни наси́ть, прада́м ч̓япцу́ (= цѣпочку). Vазьми́тя!» (см. въ числѣ прилагаемыхъ предметовъ бисерное ожерелье, изъ стекляруса). Относительно транскрипціи еще замѣчу, что буквою ч̏ означается очень, очень мягкій звукъ, почти *т*: ч̏ясо́к = почти тясо́к, но съ присвистомъ: т^{с}ясо́к. Буквою ч̓ — звукъ т̓ш̓ очень

мягкій: ч́ясо́к = почти т́ш́ясо́к, буквою *ч* я обозначаю наше московское *ч*. Есть еще у меня буква ѣ, которою я обозначаю звукъ, неясный для моего слуха: не то это *v*, не то — ў, но не зубно-губное *в*.

Стрѣлецкая волость.

Стрѣлецкая слобода. «Мы ўсѣ̀ пъдhаро́дьнiйи, у на́с ўсѣ́ плиту́ть кружава́: плитуха́ми плиту́тцă, ви́тьтя? Кружава́ па ско́лăкам плитём. Пе́рь мы на бакшы́ хо́дим. Ръдава́я я была́ с̓трильчи́ха: мы ўсѣ̀ ўо́льныйи. (Почему же вы говорите не по-деревенски?): «Э́ныти ре́чи ни hажа́ютцă: мы па сибѣ́, ани́ па сибѣ́».

О русалкахъ.

Д. Толмачёво. «Да сьме́рьти мо́жыть зăшы́лыкта́ть: ана́ шало́хчить руса́ўка: кызи́кăить рука́ми, как мы́ прамёш се[i]бе́, а уш у тэ́й ни вы́рьвис̓с̓и: до́ сьме[i]рьти, hъваря́ть, зăкызи́кăить. Када́ ро́ш тьвятёть, ува ржы́ ў хлѣ́би бѣ́hăить и сидить: хто́ пъпадёть, во́т и jiё. Ана́ у тибе́ тѣ́ла шшу́пăить: шылакни́, шылакли́вăй чилавѣ́к бува́ить: уш э́сьли маhи́тя зăсьмія́тцă. (Можетъ, ты сама русалка?): «Ра́jь я ръстряпа́тăя? Ана́ ў палдня́х да ў по́лнăчь бува́ить. А ў мине́ плато́к па hълавѣ́: чятыри уhла́ платка́ с ле́ндăми и шлёнкай ăбахма́ръвăютцă».

С. Сторожевое. («Стăржава́я, Амчёнскăва уѣ́зду»).

«Шсьчя́с с па́шни то́льки пришли́: ны́ньчи паха́ли у hаспо́т; мальчи́шки у себе́-та па́шуть, ўабра́ты и сваи́ паля; мы по́лим, нао́з ръзьбива́им; у на́с скаро́дють и ба́бы, и рибяти́шки: даж-жо́ў не́ была тады́, пи паха́лăсь ника́к. Вясно́й пăд навѝнăй и хлѣ́ба не́hди ўзя́ть: карто́шка, хлѣ́б, — во́т тады́ и навѝна пасыпѣ́ить. У мя́ ма́льчик ў по́ли. (Опъ учился въ училищѣ?): «Ф сваём шко́ля, дьли́ пэ́рьквы, нăпрати́ цэ́рьквя, пачьти́ ўмѣ́сьтя».

Повѣрья.

Бува́ить дăмаво́й, двăраво́й бо́льшы зау́ть: о́н жы то́жа нă дварѣ́, еⁱво́ и ни ви́дють: каму́ пака́жътцă, то́т и ҺО́ду ни вы́жъвить: е́зьли хто́ уви́дить еⁱво́ — к убы́тку, памрёть. Хо́дють ани́, двăравы́јі, балу́ютцă на рѣ́чьку: халсты́ кълати́ть хо́дим, ўдру́х ша́ркнить — вада́ разда́стцă, ўра́з йспужа́ис̓ся, а не́ш зна́иш шшо́: ты́ ни уви́диш яво́. Вот идѣ́-ньбуть тако́й-жа ў вадѣ́ дăмаво́й — вăдяно́й: анѣ́ жа ўся́кăи! Была́ ста́лă быть мая́ мума́шка (= мать): ана́ ви́дьла ў ха́тя — двăраво́й: ана́ ви́дьла дамно́; ў на́шăм сусѣ́тьсьтьви но́чи три́ та́к ръстваря́л дьве́рь, — пато́м ло́шъть ăкалѣ́ла: он пъвѣшшава́л. Ма́ть-та ляжа́ла ана́, спа́ть, ўхо́дить, зьдѣ́лăитцă муш̓ши́най: ста́л дьли́ дьве́ри на ко́нику; он малчи́ть, ана́ яму́ Һъвари́ть: «сва́т, э́тă — ты́?» Ўдру́х хло́пнул дьве́рью, а ў сѣ́нцăх ляжа́ла саба́ка, — ду́жā йспужа́лъсь, во́прŏмитью вы́би́Һла, — а то́ леⁱҺонькя вишша́ла, — ўзьвила́сь чёрт: чю́йла — о́н хади́л ли па ха́ти, па сѣ́нцăм. Дивя́тцă ўсѣ́: сидѣ́л и ўшо́л; э́ньти спя́ть, э́ньтих ня ста́ли трашша́ть: аднэ́й уш вида́ть! А то во́т: му́ж у ҺО́ръди нъчява́л, ва Мце́нску.

Пѣсни.

С сва́дьби пріѣ́хъли и иҺра́ють:

«Вы Һаро́ди лăбада́,
Чья́ ж э́тă привада́?
Васи́льеⁱўа привада́:
Ари́нушку привади́л,
Он ни пи́вăм, ни вино́м:
Сваи́м се́рцăм — жывато́м *).
— Ари́нушкă, ты моя́, (sic!!)

---

*) Срв. одно выраженіе у Пушкина въ письмѣ къ князю Вяземскому: «Прозы твоей *брюхомъ* хочу». (Опочка. 1825 г.). Другой разъ: «Мнѣ *брюхомъ* хочется видѣть его». (Одесса. 1823 г.). См. соч. Пушкина. Изд. Литер. Фонда. Томъ VII, стр. 111 и 66.

Либёдушкă бѣ́лăя,
Ради́ сы́на ў мене́,
А до́чирю ў себе́.
Учи́ сы́на hра́мăти,
А до́чиря шо́лкăм шы́ть». Пато́м э́тă пѣ́сьня ўся́!

Када́ к вянцу́, тады́ hăласи́ла:

«Свѣ́т, мая́ ко́сушкă,
Свѣ́т, мая́ ру́сăя,
Не́ дăли касѣ́ дăрасьти́
И кăсьничька́ пънаси́ть;
hало́ушкă мая́ hорькїя,
hало́ушкă мая́ hрѣ́шнăя,
Ка́гжа мнѣ́ hо́рькяⁱю
'У чюжы́јі лю́ди пайти́ть бу́дйть;
Ка́к чюжы́м людя́м ўhади́ть бу́дйть:
Ни ўhади́ш, ни ўдо́бриш:
Чюжы́јі лю́дюшки,
Што тёмнăй лисо́чик,
Ф чюжы́х лю́дя́х ни ма́тушки, ни ба́тюшки».

Ды и по́лнā! Бро́сиш!

Када́ касу́ ръсплята́ить дѣ́ўка, кака́я сиди́ть са мно́й, падру́hа, ты́ю и вазьмёть, като́рыјі ла́дьніють, дабре́ хърашо́ жыву́ть, ня́ньки приме́ш сеⁱбе́: пъмало́жа меⁱня́ и нъзавёть меⁱне́ ня́нькяй, а я́ ŏт јіе́ нъзаву́, е́сьли ана́ паста́рьшы.

Про лѣчебныя травы.

На тру́ху́ на сянну́я, а ишшо́ кăмаре́й запа́рьвають, на пара́х садя́тцă ăт прасту́ди: мая́ сьвякро́ўья — ана́ ничѣ́м ни ўладѣ́ла: ăстуди́лăсь; јіе́ лячи́ли, ну, сказа́ли: нъбяри́тя трухи́, ў каду́шку пăсадѝли, ва́ру наhрѣ́ли, hăлава́ адна́ нару́жы. Хърашо́ рăспару́итцă.

Чиченёвская волость.

Д. Фроло́во. («Храло́ўскăй, Шчинёўскăй во́лъсьти»). «На́шы ўсѣ́ нас займа́ютцă — дре́вă ру́бють: бирёзъвы̆јі, ўся́кі̆јі; ро́шша стаи́ть, јіе̄ сряза́ють на швыро́к, па палу́тăр: тапи́ть; у на́с у́hăлья ишшо́ нима́, у на́с сё драўа́». (А у васъ въ лѣсахъ есть лѣшіе или русалки?) «Бѣ́hăють по ржы́ руса́ўки, по́ лйсу: найма́ить чилавѣ́ка, шшало́хчить, а ви́дить — мы јіе̄ ни ви́дьли; хо́дють мужуки́, ка́жуть рас, а са́ми мы ни ви́дьли руса́ўак э́тих. Слухи́ хо́дють, лю́ди ска́жуть и мы ска́жым; и пра лѣ́шых мы ни слыха́ли: н̆и (= они) ў рѣ́чькăх быва́ють: хришшо́нъјі лю́ди их ни мо́жуть ви́дить: лѣ́шāй — он-к враhу́. Нйужли́-ш яму́ дано́ хришшо́нъму чйлавѣ́ку каза́тцă? Двăраво́й жывёть ва ўся́ким дварѣ́: ста́лă быть са́ми апи́. Д̆ыть не́ш анѣ́ чи́лавѣкăм пака́зъвăютцă: ски́нйтцă, мо́жыть и ко́шкăю и hăлубёнкāм: ўся́кисьти! Саба́кāй, и скати́най ка́жне^{і}й мо́жыть. Э́сьли ўзлю́бить, а то́: ни ндра́ўна каро́ўа — измадѣ́ить, исхуда́ить: ни аве́ц ни зъвяду́ть; ў ино́м дварѣ́ как на вѣ́тку иду́ть, а ино́м дварѣ́ — истра́тютцă: ўсё убы́тки.

У на́с хлѣ́ба hо́т о́д hăду ме́ніе^{і}ть: ко́пăнь вы́къпають, а по́тъм (sic!) пасѣ́им. Пе́рь дажжа́ хърашы́, а про́шлы̆јі hада́ пло́хā бы́ла: хто́ и пя́ть капёнъчик, јидако́ў ў као́ и дьвяна́тцы̆ть ду́ш: наро́ду сё бо́ліе^{і}ть. Быва́ють и балѣ́сьти: у као́ кака́я хваро́ба; кой-чѣ́м лѣ́чють: сарьвём ива́п-да-ма́рью, атто́пим да вы́пьим; бăhаро́цкăя — ăт ка́шлю, кумани́шник — то́жа. Кряпи́вāй ръскира́ютцă: вăлдыри́ пайду́ть, а сё те́рьпиш! Хрѣ́нъм, рѣ́тькяй ръскира́иш: ку́пиш на капе́йкю ў hо́ръди; кăк ажhёть-та дю́жа, ска́жыш штŏ палѣ́хшы̆ить ăт кряпи́вы: кряпи́ва ража́итцă! С вяснѣ́ ва́риш, яди́м ăт нуждѣ́: ў вару́ вы́мъјим јіе̄ и яди́м јіе̄. (А гдѣ вы сами моетесь? Есть у васъ бани?):

«Нима́ у на́с ба́ни! Нă маро́с пъбяhи́ш, на сибе́ во́ду вы́льиш и прибяhи́ш: о́т и ўся́ на́ша ба́ня!»

Про костюмы и украшенія.

«'От у Хавро́ньи jе́сьть чяпо́чька из би́сяру: jе́сьть ис стриhунцу́ (= стекляруса) — чяпо́чька дѣ́лăитцă, а то́ бисяр так — дро́бнāй; 'Этă — си́тяц, шлёнка, жэрёлāк ис стриhунцу́ бу́дьнишнăй, а то з блёскими, с плйтинёчькъми с я́сными с hита́нъм; ту́т — пли́с, а ну́жна тут hита́нья бы́ть: сплитёнай ўро́ди шнурка́.

Про кушанья, напитки и лѣчебныя травы.

Хто́ бѣ́дян — ăржаны́jи липёшъчьки, лапшы́цы, кашки, а хто́ — убо́йну ядя́ть. Тьвятки́: душы́чькя, зжьвирябо́й зьбира́ю, а ишшо́ — я́hăдьник, hрудьни́чькя — када́ ка́шāль, hру́дь зава́лить; када́ напа́нить ка́шāль. Зя́брянь — траўа́: када́ hло́тка зъбали́ть — пьём. Как ва́р зăтипи́ть, по́тъм ў чюhунѣ́ ў махо́тъчьку пало́жым тра́ўки, возьму́ ва́ру, налью, накро́ю ў тыё, да тэ́й тра́ўки, ды и пьём; нямно́шка пъстаи́ть и по́тъм — пи́ть. Ўся́кăю трау́: и зжьвирябо́й, и ли́пъвай тьвѣ́т. Сине́льник — е́сьли чи́ряй; расхо́дьник — то́жа: кăк капы́тцăми — кру́hлāй, вон идѣ́ hли́на расьтёть, ўабва́льшы верьха́: ăбвалён ве́рьх, ўвăбвалёнъм вярьху́, Ана́-ма́ть-ма́чьха: от ана́ скарѣ́й бу́дить; ўсё рамно́! Када́ бальшо́й ка́шāль.

Рѣ́ску рѣ́жым ис сало́ми из ăржано́й, пасьлѣ́ зава́рим и пьём тэ́йта, када́ си́льнай ка́шāль. (А на паръ садятся?) 'Дыть jе́тă быва́ить: и распа́ръваютцă: ва́ру ўсьтипяти́м да ка́мянь рăзажhу́ть, вазьму́ть ў каду́шку трау́ пало́жуть и по́тъм ва́р и лью́ть ў jе́ту каду́шку: тирьпи́чь пало́жуть у ва́р: та́хта наhнётцă чи́лавѣ́к, а сьви́ткай накро́ють, он и па́рьцă, пакэ́да: у као́ рука, наhа́ бали́ть, саўсѣ́м ўлѣ́зить ў каду́шку на́hăй (sic! = наго́й, голый): ся́дить, ка́к ма́тъшка рăдила́, ну и укро́ють яво́. Хто́ бо́лян — на скаме́йчькю, мо́жна тирьпѣ́ть, и ду́х-та сăбирётцă: каму́ пъмирѣ́ть, тот и памрёть».

Д. Бабій Скокъ (Вы́скрибинцъва). «Мы с Хвядо́сьяй из аднэ́й дире́ўни: ана́, на́шă дире́ўня, так и завётцă Ба́бья Ско́к».

(У васъ такъ всѣ одѣваются, какъ ты одѣта?): «У васкрёснай дăк пахýжā хóдють, а ў прáзьник — палýчьчшй, а нă вйчярйнку — дѣ́ўак ăддаю́ть — нъдявáють тцьвяты́ вăскаўы́я: пъкупáим ў лáўки, ў Амсэнцы; знáеіш Амсэ́нāц — hóрāт? Вóкъла, акрýх пукá хвáтить (восковыхъ цвѣтовъ). А пéрь у нáс вичярйнак нѣ́тъти: ў сáт хóдим, капýсту сажáим, пóлием, на бакшы́, hря́ды дѣ́лăим». (А какія вечеринки у васъ бываютъ?): «Как пріѣ́дуть дѣ́ўьки, сидя́ть за сталóм с нивѣ́стăю, пѣ́сьни паю́ть, прóсють буты́лку винá с ни́х, ж жыниха́, диви́шнйцы; ăддадýть жыниху́ нивѣ́сту и вы́лизáють ат сталá; дéньhи бярýть и буты́лку сабѣ́ бáръшни; абѣ́т стáнуть зьбирáть, тýт дѣ́ўьки стáнуть вйличя́ть јих с нивѣ́стāй:

«hрахвḗна 'Ляксáндрăвна,
hриhóрїй Хвили́пъвичь!» Пѣ́сьни кáжуть:
«Па сѣ́ням па сѣ́нюшкăм,
Па навы́м пиряхóдушкăм,
Там хади́ла паhýльвăла
'Аhрахвḗна Ляксáндрăвна,
Ис кармáшка арѣ́шки шшалкáла,
Скăралýпъчьки ў вакóшъчькă брасáла,
'У hриhóрьјивы кýдирки папáла,
У Хвили́пъвичя пъпутля́ла.
hриhóрьюшка назáт ăhлянýлся:
— Пăhади́-ш, 'Аhрахвḗнушкă,
Зăзавý-ш я тибé к сибé ў hóсьти,
Пăсьмяю́ я тибѣ́ ўсѣ́ насьмѣ́шки
За тваи́ за калёнъни арѣ́шки.
— Пъзабýдиш, hриhóрьюшка, пъзабýдиш,
Па сваи́м чясты́м цăлавáньāм».

Ўсѣ́ иhрáють, а ани́ сидя́ть: жани́х даёть пасьля́ дéньhи за пѣ́сьни. Жэ́ньшъна али дѣ́ушка зьбирáють ў тарéлку; ўсѣ́х пъвйличя́ють и дѣ́лють дéньhи. Дамóй h дварý пайдýть, на друhóй

де́нь — пахме́лки иду́ть, заку́ски, каньхве́ты, чя́й пью́ть; ту́т ста́нить нивѣ́ста hăласи́ть — к вянцу́ ве́сь. hало́сить, причьта́ить:

«Ради́май ба́тьшка,
Куды́ мя́ събира́иш?
Ка чюжы́м атцу́ с ма́тирью,
Ни ў зна́тнăю дире́ўню».
Ка́к привыка́ть бу́ду,
Ка́к рăставатцă с табо́й буду:
Разлу́чють на́с сва́хи схада́тăи». Уся́!

А ту́т б̆hăславя́ть к вянцу́; паѣ́дуть ло́шăди усѣ́ вабра́ты с к̆лако́льчикъми; ёлку убира́ють, на дуhу́ привя́жуть; с jе́й к вянцу́ ѣ́дуть и ката́ютцă, а ту́т бро́сють. Княжо́й абѣ́т ишшо́, када́ жани́х нивѣ́сту к сибѣ́ приве^{i}зёть на друhо́й де́нь. (Третій день свад. обряда). Када́ к вянцу́ ăбува́ють, кладу́ть ате́ц али бра́т хо̆ть капе́я̄к де́ся̄ть ў башма́к ў пра́вай.

Ў̆ hăдаво́й пра́зьник липёшки пяку́ть, стюдя̄нь пъкупа́ють, ха́рчь ва́рють, крава́я̄ц с пшана́ круhла́й,—чиряпу́шкăй hли́ннăй, хто́ чѣ́м начи́нить. Баhа́тьіjи пираhи́ сла́ткіjи пяку́ть с ызю́ма̄м, с ри́са̄м, чирьни́гу бяру́ть, з hаро́ха̄м».

(А чѣмъ лѣчатъ больныхъ въ деревнѣ?): «Бу́квицу рву́ть ад жывата́, ад hло́тки; атто́пють и пью́ть jіё; ра́къвьіjи шэ́йки, их су́шуть д̆атта́пливъють, ăд жывата́ то́жа пью́ть: то́нкăя висо́кинькя^{i}я, тьвято́чьки на и́х си́ньjи ка́тышкъми: у на́с мно́hă: ў лясу́, — ў луhа́х ни расьтёть: па приhо́ркам, талку́ть и даю́ть пить. Растрѣ́л — када́ па́льсы прамё́ж баля́ть, талку́ть и прикла-да́ють с са́ла̄м на тря́пъчькю к па́льсу.

Нăхтаѣ́тка — э́сьли во́къла но́хтя, э́сьли рука́ бали́ть — распе́рьс^{ш}ницă, а пяти́ па́льчикăў ана́; ат лихо́ўа — ана́ ўро́дя ка́к hаро́х. ’Ат лихо́ўа растрѣ́лы-ш рву́ть, када́ ўся́ мя́сă прёть: ко́сьти ат jе́тай бо́ли выва́львăютцă: лячи́ть ра́й хто́ зна́ить яво́?».

С. Горóхово («hарóхъва»). «У нáс у самúх бы́ли крисьтья-ни, даўнó бы́ли, скáзъвають старикú нáпы: мы ăднадвóрцы. 'Ат бéшънāй сабáки траўá jéсь: у нáс тóлькя аднá жэ̀ньшына знáить, и hлóтъшнăя траўá. Я ни маhý табé сказáть: мы ничяўó ни знáим: кой-каé с нуждóю жывём; jесь лихóй пáлящ, ат лихóўа траўá, а то прастýднăя траўá — душы̀ца, лúпъвāй тьвéт ат кáшлю, зьвирябóй; лён пълявóй ăт вирядóў: вирядá-чúрьји. 'Эсьли чéрьви у скатúни зъвядýтцă: чеªрвá: вóт лапýх сатрёш и зальёш сóкāм. 'Ат запóя ляhýшку ў винó пъсадúть: анá зăпрятúть ямý ўóтку пúть. Ад зýб зъhавáрьвăють тóжа. 'Эжьли казю́лькя-зьмія—укýсить, биз нóх анá, ужáка-самá сабóй, дьлúннăя, с аршы́н и бóля. Я ăдhавáрьвăю сама! (Ну, скажи мнѣ!): «А как я́ та ни бýду знáть? Ты мóжыш вы́льчять вряду́ какýя? А скáжыш стáрышы сибé. Ну, я скажý.

«Нá мъря на кія́ня,
На вóстрāм страя́ня,
Стаúть стáр дýб бéл дрăкавúт,
Пат тéм стáрым дýбāм
Ляжы́ть ярúцă ы ярúна
(Ляжы́ть чёрнăя рýна: э́та тáхта ăт ужáки).
(Пăт чёрнāй рýнай ляжы́ть сія́с силизéнь).

Вóт каó анá укýсить — казю́лькя: э́жьли чúлавéка:

Уш ты, ярúц ы ярúна,
Събярú сваúх сéх зьміёў зьміёўичяў,

Дрăмавы́х, лăмавы́х, мижавы́х, лăзавы́х и пра какúх я́, раба Бóжъя, ни ўспóмню,

Вы́нь сваю́ жáлу
У рятúвъва сéрцă,
Изь бéлай кóсьти,
Ис крáснāй крóўи.
Кады́ ни вы́ниш,
Пъпрашý jiéе на тибé

ħаврі́ила блăħавѣ́сьтинья
И Михаи́ла Арха́ньјилă,
Нашлю́ть ани́ на тибе́
Дьвина́тцы̆ть мăсьте^{і}ро́ў
И дьвина́тцы̆ть мăлатко́ў.
Разру́бють тибе́
На ме́лкїјі ч̏я́сьти.
Рассы́пис̓с̓и ты
Па чи́стăму по́лю.
Ни я тибе́ вы̆ħава́рьвăю,
Вы̆ħава́рьвăить Ма́ть Бо́жъя Марі́я». Ами́н.

Да плю́нуть три́ ра́зă ăпасьля́ јéтъва, да во́ду адда́сьть буты́лку: вазьми́тя! Над буты́лкăй вычи́тъвăю, ана́ умъ^{н}ва́ить каро́ўу ли чйлавѣ́ка: ат чйлавѣ́ка — д^{і}е́тă ўсё адно́ — и пи́ть даёть; бры́зну иза рта́; кады́ чйлавѣ́ка, на́дă и́мя зва́ть: ра́б Бо́жăй. Ат ужа́ки ади́н ăдħаво́р, вы́чя̄т, а то — друħо́й. (Срв. у Романова. Бѣлорусскій Сборникъ. V. 107. 112 (№ 299). Витебскій уѣздъ). У мя́ јéсь ăт абжо́ħи сьмёртнăй: ка мнѣ́ ŏт прихади́ла ба́ба, у јéй дѣ́ўачькя ў кулéш папа́ла ис пшана́. Я лячи́ла. Пяку́ть я́йцы, пасьля́ вына́ютцă жалтки́ и сажа́ють и́х на ско́врăду, пато́м на жа́р, из ји́х выхо́дить ма́сла, и јéту ма́сла ў тря́пăчькю ăл̓ляну́ю и завя́жыть ту́ħā-приту́ħā и ста́нить жма́ть и пътикёть ма́сла атту́да и јéтим ма́слăм ма́жуть па ра́нкам».

(Къ своему удивленію и удовольствію я въ лицѣ своей собесѣдницы случайно имѣлъ знахарку, которая долго не соглашалась открыть мнѣ свою тайну и сказать свои отговоры, но, наконецъ, послѣ увѣщанія и увѣреній съ моей стороны въ томъ, что она отъ этого не потеряетъ дара лѣчить и успѣха, она согласилась за деньги наединѣ сказать мнѣ эти отговоры).

[Такъ какъ тему для любопытнаго разговора съ крестьянками найти довольно трудно, въ особенности при непродолжительномъ пребываніи въ деревнѣ, да при скрытности нашихъ крестьянъ, то я радъ былъ случаю поговорить объ обжогѣ и,

разыскавши эту женщину, у которой въ домѣ случилась эта бѣда, записалъ отъ нея слѣдующее]:

Разсказъ объ обжогѣ.

«Сѣли мы абѣдать, патóм анá спăтыкнýлăся 'Ahрапéна — на друhóм hадóчькю — ишшó hрýть ссáла». (Что же ты такъ долго кормила?): — «Ды штóбы ни радúть — на чьвёртăм ссýть: кăк друhóй hадóчик срамнáитцă, я ăтымáю ăт hрудéй: óбя hрýди ссýть. — Патóм куляшóм ўся́ ăблилáсь и вадя́нкăми лицó зьдѣлăлъсь, я и пашлá к jётай жэ́ньшы́ни, к 'Аляксáндри». (Развѣ не трудно так долго кормить ребенка?): «Бувáить и hрудьни́ца — дирявя́нным мáсьлицăм: я́ вõт аднэ́й карьмлó, а ў прáвай — нискóлькя мăлакá: вы́бăлила, óн нямнóhă ссёть, а кáк зъкричя́л, так и приставля́иш х hрýди: харьчёй ни ýдóвăль — мăлакá мáлă».

Кавéринская волость.

С. Крéнино. «Нáс прáзьник пля́шуть, иhрáють, прóстую пля́ску, рýцкăва, пáд hармóнія и кадá пăт пѣсьни.

Танóшнăя.

«Нас пó мăрю, пó мăрю,
По́ мăрю пă сúнеiму,
Плывёть йскасáт силизéнь,
Нисёть дѣўкам вѣстăчьку:
Вѣстăчьку ни рáдăснаю.
Дѣўьки испужáлйся,
Зáмуш пъбрасáлйся:
Какáя за мáлъва,
Какáя за стáръва,
Зă hóрькїю пья́нйцу.
Нáс из Масквé, Масквé,

ħо́нють три палка́ сӑлда́т,
Шшо три́ палко́ўничька.
На́с круħу́, круħу́,
ħуля́ли три́ мо́лътцӑ,
Ишшо́ три мало́дйнькя^{i}х:
'Ни бяру́ть па ба́ры̆шни,
Ишшо́ па мало́дйнькяй,
Ишшо́ па харо́шы̆нькяй:
Идѣ́-ш анѣ́ со́йдутцӑ,
Та́м ани́ пакло́нютцӑ,
Рӑзайду́тцӑ ўро́сь —
Пъцалу́ютцӑ».

Плйсава́я.

«Рассы́пала Мала́нья бабы́,
А па на́шъму вали́, вали́, вали́!»

Ана́ каро́тйнькя^{i}я, далбя́ть jiё ўсё ўре́мя, пака́мйс пиряста́нуть пляса́ть.

Про́стӑя.

«Ни ва лѣ́сику ва 'ħ^{д}'ряму́чим,
(Здѣсь было трудно различить: ħ' или д'),
Сало́вьюшка сьви́шшыть.
Ой ана сьви́шшыть,
Ана́ сьви́шшыть и ħурку́ить:
ħалу́бушку и́шшыть.
Пълятѣ́ла си́зӑя ħалу́пка
У чи́стӑя по́ля,
У чи́стӑя по́ля:
Ни ва чи́стӑя ва по́ля,
На си́не^{i}я мо́ря,
Ни на си́не^{i}я на мо́ря,
На бѣ́л ħӑрйчь ка́мēнь.

Умува́лъся hалу́пка.
Ключ̏явóй вадóю,
Утира́лъсй hалу́пка
Шылкаўóй траўóю.
Ни шыта́йси, ни валя́йси,
У пóлюшку, тра́ўка;
Ни таску́й-кя, ни hарю́й-кя,
Па мóлăтцу, дѣ́ўка;
Ни па мóлăтцу дѣ́ўка тужы́ла,
Па сваём па hóрю,
Па такóм ли hóрюшку ве^{i}ли́кāм,
Па младóм па hуса́рāм.
Ни ва hóрăди каза́рьмя
hуса́ры стая́ли,
Ни нямнóжы̆чька стая́ли:
Три́тцăть три hадóчькя^{a} (=к͡ja).
Читы́ри де^{a}нёчька (лучше: — к͡i̯a).
Как на пя́тāй на динёчик
Пришóл к на́м слушóчик:
Вот такóй слушóчик —
'В^{h}е^{i}рбавóй листóчик
(Трудно различить: в̆, или h въ этомъ словѣ).
Ни са бѣ́лăй са бума́hăй,
Са ч̏ёрнăю са пич̏я́лью». 'Уся́!

Када́ идём на падёньшъну, иhра́им jiё.

С. Спа́сское-Лутови́ново. «Пакра́с нă панёви, ста́ры̆jибис пакра́са хóдють: у каó пăласа́ — пакра́с сьве́рьху: хвóрма такая; дѣ́ўьки — ф сăрахва́нъх; пъкупа́им ва Мче́нски, се́рьhи — из Масквѣ́. Сăпажы́нкйми у на́с Спа́с Прйбражэ́нья, а ишшó Мики́ти у вóсл̄нь. Вот мы и нъряжа́имси. К спа́су мучи́цы пшани́чнăй, винца́ мужуки́ бяру́ть, а то hля́ть: не́ нă шта; трайни́к

мóжыть сабьётцă: бáбы-та ани́ скупы́ји, идѐ ана́ вазьмёть? Анѐ hваря́ть: ва́ша рабóта не[i] видна́; ани́ ни вѣ́рють; а кáк мáлă-мáлйнькя бáбы умру́ть, та апя́ть жани́тцă ста́нуть. Пăнивóли жэ́-ницца; а здятьми́ хтó вазьмёть? хŏчь мъладáя астáньцца. Рáй мáла э́тых нáhăх (sic!) хóдють? А тó — свая́ вóля: штó хóчишь, то дѣлăй». (А вы теперь что работаете?): «Рóжью сѣ́ють, прóса, картóшку, hрячи́ху, къналй́. Пря́ма пахáть стáнуть, скарóдють— бăранóй, а бóли ничя́вó. Катáть начнýть: авёс hлудавáтăй-зямля́: катко́м катáють, штóб мя́хчи, а тó каси́ть нильзя́». (Развѣ у васъ косятъ?): «У каó бáп мнóhă-жнýть, а тó-сѐ кóсють. Сѐ нипаhóда, дажжá, а тó бă мы у барйна, у hалáхъва (= Галахова), кóпны аржаны́ји за сѣ́на ямý ăтрабáтъвали.

Праздники и обряды: святочныя гаданья.

На нóвăй hóт сéрьhи ай кóльцы кладýть ў чя́шку, пълатéнца накрóють: аднá таскáить дѣ́ўка па адпэ́й. Каѐ ўся́кїји пѣ́сьни; Аháхья мóжыть казáть:

«Мыш пишшы́ть,
Стŏ рублéй ташшы́ть
Ишшó пъпишшы́ть,
Ишшó пъташшы́ть». Карóтйнькéя!

—

«Зă рякóй лю́ди баháтыји,
hрябýть дéньhи лапáтыми,
Камý вы́ньтцă,
Тамý прáўда збýдьтцă,
Збýдьтцă — ни минýйтцă».

Аб жынихóў hадáють: баháтай-ли, бѣ́днай. Плахáя зăháдăчькя бѣ́днăму:

«Идёть кýръчькя
Па праўлъчьку,

Нълятѣ́л сако́л,
Ръстряпа́л хахо́л». Сла́ва!
Каму́ вы́ньтцъ...

Д. Заро́шша. «Ту́т стра́ху-та на на́с наhна́ли: сваё имяно́ (sic!) пътиря́иш, а не[i] то́ — пѣ́сьни! Ну, Любо́ўа, Хвёкла! Зака́зъвай! Ме[i]жду́ са́ми сибе́ зна́им, а то́ йдѣ́-ш мы быва́им! Мы то́льти сибѣ́ та́хтъ хо́дим иhрать: ни ўа што́ ни иhра́ють. Прайдёмся да радны́х, прі́де[i]м та́к сибѣ́, пабѣ́дъим, ля́жыш нямпо́hа, убирём скати́ну; ку́пим сабѣ́ пятсо́лнухаў. Дифчя́та иhра́ють: каму́ кака́я пѣ́сьня даста́ньтцъ. Абря́да у на́с — друhа́я: hъла́ва ўся́ hари́ть, я́сна́я, ба́нты цапля́ють, пу́шки, по́дни́зы, тьваты, ле́нды атла́сны́ји купля́им, бадри́к — ис халсти́ни, ўро́ди ка́к кальцо́: ўе́сь абря́т кладётцъ, каси́чьки си́лязьнёўы́и нъдява́им; мы то́лькя слы́шъля[i] пра ки́чьки, сьчя́с э́тъва нѣ́тъти — пъдзаты́ля́н: на́шы матиря́-та ни по́мнють, матиря́ наси́ля[i] саро́ки, а тапе́рь нѣт! Ста́рьји вот то́лькя па адно́м падо́лу пакра́су но́сють». (Непонятныя слова см. ниже, въ Словарикѣ. «Покраса» на паневѣ — позументъ съ парчей: у старых — узенькій на подолѣ, у молодых — широкій до полуаршина отъ подола кверху. Кромѣ того, эти же «покрасы» иногда идутъ полосою или въ двѣ полосы на паневѣ сверху внизъ сзади: то до самой нижней «покрасы», то оканчиваются на половинѣ длины паневы, идя отъ пояса).

«Их мно́hа — пѣ́ся́н: се́рьhи зако́идъвають:

Продолженіе разсказа о святочныхъ обрядахъ.

«Ису́с Христо́с
'У къпапя́х ўзро́с;
Каму́ вы́ньтцъ,
Таму́ пра́ўда збу́дьтцъ,
Ни мину́йтцъ».

Чья́ кальцо́ вы́нйтцъ: эжьли дѣ́ўку, та за́муш вы́дъдуть.

«Сѣ́й, ма́ть, мучи́цу,
Стано́ў пирашки́:
Х табѣ́ — hо́сьтюшки,
'А ка мнѣ́ — жынишки́.
Ка́му вы́нйтцъ...

—

«Са́нъчьки-съмака́тъчьки,
Сѣ́сь мъ́латцу́ и праѣ́хать к вянцу́».

—

«Бѣ́лйнькяй чюло́чик,
То́т-тъ мо́й жынишо́к».

—

'Эта — умрёть: приhа́дъвъ́ают — каму́ даста́нйтцъ.

—

Пъбаhа́тѣ́ть:

«Палзёть жучёк
Па зава́линки,
Ташшы́ть ка́зну́
На мачя́линки».
Каму́ вы́нйтцъ....

—

'Эсьли сидѣ́ть ў дѣ́ушкъх:

«За дяжо́й сижу́,
Питерьнёй важу́,
Ишшо́ пъсижу́,
Ишшо́ пъважу́».
Каму́ вы́нйтцъ....

—

Ма́лъму жани́тцъ:

«Хо́дить пѣ́тух па пали́цы
Ръспусьти́л каси́цы».
Каму́!...

На канцу́ сё та́хта: каму́ вы́пйтцъ!...

Про лѣченіе болѣзней.

Рвýть трáўку ăт младéнскъва, аттóпють, купáють и дадýть напúтцă рибёнку: крикнёть, hлáски вы́lупить и ляжы́ть бúза ўся́кăй пáмьти. Аттрéпить млáт, — и аддышы́ть, а тó jéсь и памрёть. Яўó и млáт и нéдух нъзывáють. Он дёрhăитцă, а тýт пракрúкнить апя́ть; а тó кăк спúть, тúхă ляжы́ть; бóльшы сё кăк радúтцы, кадá hрýть сăсёть. Jéсь — ăдhавáрьвăють: ана́ сабъ́ пад нóс, пъляhóньчьку. Сётъки к аднэ́й идýть вярсты́ зá три, ни ўся́кăй знáить. Мóжыть хтó из дядóў знáл и сказáл бáпки». (А какъ животъ лѣчатъ?). «Пъсăланёй насóлиш, зъжывáить ат квáсу жывóт. Вады́ нăтипятúш, мукú насы́пиш ў дёжъчьку и ръзбалтáйш, hýшшы палóжыш: óн и затúсьнить, а тады́ зăпушшáитцă вадóй; к вéчйру ăтстаúтцă и стáнуть пúть».

Карачевскій уѣздъ.

Въ амбулаторіи земскаго врача.

Г. Карачевъ. (Мѣщанка). «Бальна́ э́та ў врéмя жэ́нскъва: ўся́ бальна́, ни маhý рабóтăть сúльнăва; дьни́ три́ балúть: ана́ дамнó балѣсь, а hăлавá — ўсё слáбăсь; шы́я зъбалúть, ни маhý шы́jйй виртанýтцă. Врéминăя — ў срóк, сúльна бывáить: дьнéй шэ́сьть. Баля́ть нóhи, пóт сúльнăй бъвáить, а óпўха нѣт; пя́тьрă дитéй была. 'Апе'тúт jісь. "Чюлкú связý—э́та рáзи рабóта: кадá дѣ́ушкăй былá, палы́ мы́ла; типéрь ни маhý jётъва ăбрабóтăть. Мнѣ́ питья́ давáли».

Д. Аксиньино. «hăлавá балúть: как лѣзить штó из вýха; вот э́та бăканúна с се'ре'дѣ́: и ў жáр, и ў хóлът бирѣ́ть, пóт тáк и льѣ́ть; кáшлю—нé, пѣ́тъти: тáхта пóт зальѣ́ть, храпишшă завáлить нáсмăрк, ды́ ўсё, ўсе'ё искавéркъл; в ратý кăк hóрькя, как палы́н! 'Усё ташнúть, ăлнýить, сламúла ўсе'ё. У рибёпка hалóвăчька! На макýшки-вадúпки: па ýтрă прихóдють, ана́ ля-

жы́ть. Та́к э́тă тэе̄́, мо́книть, на шшака́х-ч̏и́стă, а jе́тă: ли́чйка и мо́рдăчька-ни̏чяўо́. Ба́нъчька jі́сьть».

С. Ма́льтино. «Жыво́т заму̏чил: бали́ть, ни̏чяўо́; про́ста вы́рьзāл жыво́т, а́ж Бо́х jі зна́ить! Ка́шу ѣ́л, лу́к с ква́сāм ѣ́л. Пя́тāй де́нь, ни̏чяўо́ ни ташни́ть. Крѣ́пка нă яду́ ни тя́нить, пано́су нѣ́ту. Жа́р си́льнāй: чеⁱра́сь на ву́льцы мѣ́ста ни нахо́дить, но́hи у яво́ даўно́ ло́мють: паhо́ду ч̏ю́ють; уть э́тă-жыво́т: дирьвя́нным ма́слăм мы паи́ли, hъваря́ть та́хта лу́ч̏чи. Бо́льнă хъраше̋!

С. Вельями́ново («Меⁱльни́нъва»). «hăлава́ крѣ́пкă во́чинна, зно́б и то́лькя тыjе̄́: ăж hлаза́ маjи́ во́н прѣть. Нѣ́ту ни̏чяўо́, фсяhо́ дьня́ ч̏ятыри; трясе́нья нйкако́о̆ нѣ́т: ни пирьстаѣ́ть знаби́ть — то́лькя тѣ́м низдаро́ў. Ни маhи́ть прити́: да́жы̆ ни пăдьня́лси: дё́н пя́ть у на́с та́м hа́ть hа́тьтцă: ста́лъть яhо́ — прăстуди́лсы, та́хтă сказа́ть, лё́х на зе́млю. Ло́шъди припѣ́шълись, я с каня́ми пашо́л: ўре́да бу́дить ăт сырэ́й зямли́, придѣ́м — пако́рьмим на́ пъля; дапе́рва — ни̏чяўо́ ё́н у сибѣ́ ни вида́л jе́тăhа дѣ́ла: при сабѣ́, нирăзумѣ́нья у няhо́, плахо́hă ни вида́л: hаспо́ть ми́lъваl ат слу̏чя́ю. А пе́рь hру́ть! Ве́сь как с̏вяза́нăй! С типѣ́лăю вадо́ю прима́ть?

Д. Девять Дубовъ. «hăлова́ (sic!) бали́ть: как ч̏илавѣ́к приста́витцă; в hăлавѣ́ нидѣ́ль ч̏е́реⁱс шэ́сьть нъч̏яло́сь: нида́мнă, друhа́я нидѣ́ля. Не̄́, пе̄́, ни̏чяўо́: бис па́мьти, hăлова́ (sic!) кружы́лăсь, как сё́ рамно́ — во́маᵗрāк: хади́lа г дѣ́ду, у Вальjи́наўай, (= въ Вельяминовой): ма́тка хади́lа, — ё́н на дьвина́тцы̆ть заре́й сра́зу да́сьть, — пиlа́, и ишшо́ ра́за три́ нăhаво́рнăю ваду́: ўсё́ раўно́ бали́ть. Да шьч̏я́с ле́ⁱхч̏и: ву́трāм hусе́й шшыпа́ть пашlа́ на рѣ́чькю; пря́ма чйлавѣ́к приста́вилсѧ̆ ис пралу́пки, ў рѣ́чьки».

Д. Песо́чная. «Ды ўсё́ бали́ть: рука́ и hăлава́, з hо́т хажу́. Вади́цы даю́ть ма́зать. Ужо́ ра́зă чяты́ри дава́ли; засы́пъчьки дава́ли, бра́ла; жо́лтинькі̆jи такі́jи — ўро́дя чирё́пъчька ўы́скăчьла ды̆ бо́ли ни̏чяўо́. Не̄́, ни па́хнить!».

[*Примѣчаніе.* Въ Карачевѣ я впервые встрѣтилъ произношеніе «шы́я» вм. «шэ́я», а въ уѣздѣ, какъ видно будетъ ниже, и другія подобныя. Кромѣ этого, здѣсь уже сплошь и рядомъ мы слышимъ произношенія: «ăт сырэ́й» вм. «ăт сыро́й» и под. Что касается звука l (л), то онъ слышится въ разныхъ словахъ и случаяхъ, которыя я не могъ подвести подъ какое-либо опредѣленное правило: одно только ясно, что l стоитъ вмѣсто *твердаго* л и, кажется, почти не встрѣчается на концѣ словъ и передъ согласной, а всегда передъ гласной. Всѣ записи въ амбулаторіи земскихъ врачей сдѣланы со словъ мѣстныхъ уроженцевъ, неграмотныхъ, не служившихъ въ военной службѣ и не уходившихъ въ отхожіе промыслы; большею частью, записи производились со словъ женщинъ].

С. Непря́хино. (Слова-названія частей головного убора и костюма см. ниже, въ Словарикѣ, гдѣ и оправдательные примѣры изъ д. Непря́хина). (Скажи мнѣ свадебную пѣсню!): «Табѣ́ каку́ю: свадёбную ай абы́hры̆вальную? Аднэ́й иhра́ть?

«'У на́шам ў са́дя
Стая́ли харо́мы:
Ва тэ́х ва харо́мăх
Нъч̏ява́ла та́м ба́ры̆ня,
Ба́рыня Мары́ᵘнушкă,
Симён Митре́я̆вичь
Разьби́л каты́ по́выјі,
Стапта́л ч̏юлки́ бѣ́лыјі,
Па сѣ́нюшкăм хо́димчи,
Мары́ᵘнушку во́димчи.
— Мары́ᵘна Митре́йвна,
Ни пара́-ли табѣ́ ўстава́ть».
'Этă — абы́hры̆вальнăя! Типе́рь ўся́! Сканьч̏я́на!

(А звать тебя какъ?): «Мары́ᵘна зва́ть», (Ну, сыграй эту пѣсню еще разъ!): «'У друhэ́й рас? Чижало́!

(Съ этой интересной по говору женщиной пришлось говорить въ волостномъ правленіи, въ необычной и стѣснительной обстановкѣ, въ присутствіи исправника и его помощника, которые, видимо, своеобразно поняли свою роль въ качествѣ лицъ, могущихъ оказать мнѣ свое «содѣйствіе». Въ виду этихъ обстоятельствъ пришлось бросить разговоръ въ такой обстановкѣ, какъ разговоръ — не свободный, и искать другихъ случаевъ. Къ слову сказать, въ нынѣшнемъ году вообще довольно трудно было проникать въ крестьянскую среду).

Драгу́нская волость.

Въ амбулаторіи.

Д. Тры́ковка. «Ка́пиль је́й дава́ли — нивѣ́ски, — ка́шаль, мисаѣ́дам, да дамно́ уш со́хнить: ана́ наза́т пъдава́ить — ирво́тай. Хто́ јіе́ вѣ́даить! Замужнія, двайчькя-дитей: hóда три́ хади́ла, тэ́м мисаѣ́дам: испортя́л хто́-й-та: дамаháлси. Мы́ рай зна́им? Ана́ прихади́ла; дава́ли э́тых ка́пиль: haháжъвали (=раздѣвали, обнагаживали), слу́шъли; схади́ла на спро́бу в бальни́цыю: ўсё рамно́, је́й атхо́ду нѣ́т ат ма́лаўа рибёнка: ма́линькяй рибёнъчик! Бали́ть hалава́ и спи́на (sic!): ўро́дя как лихама́нка пятайпа́я: то аттрясѣ́ть, ўзно́п, спи́на (sic!), ляжы́ть — ни пъдама́йтцă (sic!); ничоўо́ (sic!) ни ѣ́сьть, ни пи́ть. Зно́бить ўро́дя о́мярка, ў по́т. Пра́вади́ла ана́ — жо́нка — как с нидѣ́лю ляhла́, пашла́ ў hо́сьти: јё ни дьнём, ни ве́чьрым, а во́т зарёю ката́йтцă, а дьнём пале́хша. За два́ дьня́ ня мо́жыть съѣ́сьть бу́лку, hъвари́ть. На дўо́р во́дють јія́ (sic!) дли́ сибе́: ўо́дють, ана́ ня мо́жыть прити́». (Чѣмъ ее лѣчили?): «'Ат лихама́нки, тэhо́, мяшо́чик ве́шъють: бума́шка на ни́тъчьки зъвяза́на и виси́ть. 'Этта ма́тка та́м-та: кой-каhо́ трисѣ́ть, а ня́ (= она) ни праша́ить: ма́тка пъпраси́ла сама́ па сабѣ́,—ни ў као́: ди́скать, та́м ана́ је́тă. Кыпитѣ́лую ваду́ (sic!) асту́дить и пьѣ́ть».

(Говоръ — ломаный какой-то; звукъ l часто слышится).

«Миня́ зва́ть Тэтья́на. Каку́ю скричя̏л, ту пѣ́сьню и ла́дна. Мы ў дву́х ни мо́жым иhра́ть!». (Что это у васъ у всѣхъ такія панёвы: спереди не сшиты, а раскры́ты?): «У на́с уваўсѣ́х та́хта: и дѣ́ўка ў панёўах: са́ми ткѣ́м, рука́ми шъѣ́м. Как за́муш пайдѣ́ш, тады́ канцы́ на hăлавѣ́. 'Я уж забы̆lа, каку́ю пѣ́lа: аны́ шшо́ бо́ля меня́ зна́ють, как ни аднэ́й, а я на по́ля бяhу́ адна́». (А звать тебя какъ?): «Ма́рхва!». Иду́ть ж жниво́ў: (Срв. у Романова. Блр. Сборникъ. I. № 22. Гом. у. Могилев. губ.).

«Зъбалѣ́ла в мо́лăтца се́рцă:
На ч̏южу́я жану́ шэ́льму hле́дя (sic!).
Как мая́-та жына́ неⁱўкары́сна:
На рабо́ту шы́льма ни зави́снă;
На рабо́ту-йдѣ́ть шы́льма пла́ч̏ить,
А с рабо́тя йдѣ́ть шы́льма ска́ч̏ить.
Ка́бы зна́л бă ма́льч̏ик jету до́ᵃлю,
Я п ў вѣ́к бă ма́льч̏ик ни жани́лсă,
Хъласто́й-бă па́рйнь вӑлач̏и́лсă,
Я п паня́лси сире́ч̏ь (sic!) жывати́ну,
Зăсирёh-бă сибѣ́ де́ня̄х мно́hă:
Деня̄х мно́hа: три́тцăть три палти́ны,
Я п пашо́л-бă на но́ўăй таржо́чяⁱк,
Я п купи́л-бă сибѣ́ hрибяшо́чик:
Ръшч̏иса́л-бă сваjи́ ру́сы ку́дьри».

'Уся́ тапе́рь э́та пѣ́сьня! У на́с ву́льцы бува́ють: сайду́тцă рибя́ты, ска́ч̏ють, кăраhо́ды ўо́дють (слова «тано́къ» здѣсь *не понимаютъ*!) ў hăдавы́jи пра́зьники: о́т и ни́ньч̏я (sic!) апя́ть та́гжа! 'Учеⁱра́ до́ш бы́л: шо́л уве́сь де́нь!

«Скака́льнăя».

«Ис пăд hо́рки руч̏яёчик,
Масьти́л Ва́нюшка масто́чик,
Рăскали́нъвăй, зилёнăй,

Рӑсприкра́снӑй и висё̆лӑй:
Там шо́л-прашо́л дяти́нка
Иваню́шӑ-сирати́нка,
На пличѣ́ яво́ дуби́нка,
Пӑт пало́ю яво́ ваlы́нка,
Пӑд друhо́й-hудо́чьк.
— Зыиhра́й, мая́ ваlы́нка,
Зӑhуди́-ка, мо́й hудо́чьк,
На ве́сь но́ӑй hӑрадо́чик,
Што́п ми́лӑя услыха́лӑ,
Зӑ воро́та выхади́лӑ.
— Вы́ди, Да́рья, вы́ди, Ма́рья,
Вы́ди, hо́лӑя Кули́на,
Сӑмазва́нӑя Матрё́на». Даво́льнӑ, ўся́!

Мнѣ́ Хвядо́сья ўсьтрѣ́лӑся нӑ шашэ́: аны́ пашли́ двару́, я йшlа́ суды́. У на́с жӑ ре́ли пе́рь: на риля́х качя́ютцӑ.

Сва́дьбӑшная.

Сидя́ть падру́hи и кри̏чя́ть. Апя́ть писа́ть бу́диш? Ну, ня зы́нь, Хвядо́сья, пи́шуть!

«Ми́ма са́ду на вы́шы̆нью
Даро́шка ляжа́ла:
Па тэ́й даро́шки Ива́нушка ѣ́дить,
Привя́зъвал во́ръна ко́ня (sic!)
К зилё̆нӑй альмо́ўки (?),
А са́м пашо́л ў зилё̆нӑй са́т
Куку́шычьку слу́хӑть:
Я ме́ч̏ился, я ду́мӑлся —
Куку́шка куку́ить,
Ано́ᵃ jе́тӑ Ма́рхвушка
Жа́lабнӑ hало́сить».

Мы каза́ли та́хта!

У на́с мълады́ји ня хо́дють во́кълнивѣ́сты. Ну, бу́дя, а то стари́к миня́ праждѣ́тцă та́м! 'У hăдавы́я пра́зьники? Ну, слу́хай!

«Рӑзливáлӑся Во́лhа ряка́,
Пазӑтану́ли сѣ́ бало́ты и луhа́,
'Астаётцӑ ади́н ма́лйнькяй лужо́к.
Пъсули́лса ка мнѣ́ ми́лйнькяй дружо́к.
Я пра ми́лаўа мо́ст масьтю́,
Я масты́, масты́ кали́нъвы̆я,
Пьрихо́дӑчьки мали́нъвы̆я,
Акла́дӑчьки дубо́винькїји». Ну, ўся́!

(А какъ у васъ криксы отговариваютъ?): «Умя́ дѣ́вӑчькя — Рипе́на: јéй ăдhава́рьвӑли». (Какъ звать-то дѣвочку?): «Рёпка, мы завѣ́м!». 'Адhăвари́ть ба́пка, нямно́шка ăтишы́тцӑ, друhо́й рӑс нисѣ́ть, — идѣ́ ку́ры сидя́ть, на насѣ́сьти, а то пӑд ако́шкӑм нӑ зарю́ ăдhава́рьваить ăт кри́ксаў ат јéтых.

«Заря́-зари́ца, кра́снӑя дяви́ца,
'Утри̇нїя, вичёръшнӑя,
Вазьми́тя сваи́ кри́ксы-мъладéнсᵘы
'Ат рабы́ ат бо́жы̆й ăт рипья́ны,
Няси́тя э́ти кри́ксы-мъладéнсᵘы
'У чи̇сты̆я паля́,
На си́нья маря́,
На hнилы́ји бӑлата́,
На сухы́ји (sic!) дреⁱва́,
Размы́чьтеⁱ, расклы́чтеⁱ.
Па маку́шы̆чькям,
Па вярьху́шы̆чькям.
А в рабы́ бо́жъя в рипья́ны,
Шо̆б атры́hу ни было́
На сходу́ ни на́ мӑладу́.
Там јим бу́дить и hуля́нья
И крӑсава́нья». Тьпе́рь ўся́!

Три́ ра́зъ аткá́жуть та́хтъ! Мая́ сьвякро́ўья — ба́пка. (Можетъ, ты сама и отговаривала у свекрови?): «Не́, я ъдhава́рьвалъ на сваéй дире́уни. (Продай мнѣ за рубль твои концы отъ полотенца съ головы!): «Ни ўступлю́ за ру́пь!».

С. Ря́сникъ. «Ка́к уш ът святэ́й hлава́ бали́ть: ъбмыря́ить нас кре́пкъ: та́к, ка́к су́нить хто́, не[1] у́ мо́чь. И ка́шыль: 'Усё мо́жыть пра мнѣ́ пра самаје́ рьбата́ть; а лу́'ч'и я б ра́дъ рьбата́ть пашла́, а кре́пкъ низдаро́ўа. Му́ш памёр ту́т в бальни́цы; я была́, пака́ль он ко́нь'чилсъ: хърани́ла на сваём паhо́сьтя». «У мя́ ужа́сна си́льная хъ́рхаўи́на: тада́ зъ́дахнёсьси. Зъ́курю́, пайдѣ́ть сильнѣ́я: цыhа́рку из бума́hи курю́».

Въ амбулаторіи.

«Ви́дна hшіѣ́ть пъ́д низо́м, адна́ кры́шы́чькя аста́лъ́сь зу́ба: у на́с жэ́ньшына русали́м ў по́ст хади́ла: раhа́льнъя ма́слъ дала́. Я уш хатю́ вы́де[1]рнуть: то зали́чють, а то́ апя́ть бали́ть, къ́лыха́итцъ зу́п. Я ръжжыву́сь у знако́мых пузырёчькя: я на ни́х бильё мы́ю. Пъстаи́нъ па ри́чьки: во́н ади́н бали́ть по́лhъда. Инэ́й ра́с ка́к хватить! hры́сь што́-ли hа́ ту́т стано́ўитцъ и бу́дя. Аш дро́ш пъдире́ть па ўсём».

Д. Мо́края. «К виньч'я́нью е́дуть»:

«Вы́ пъ́ля ahни́ hаря́ть,
Усё́ ч'ирнабы́лья,
'Укру́х ahня́
Кава́льничьки мъладэ́я:
Кую́ть и лью́ть
Патко́вачьки ста́лянэ́я.
Ми́ма йшо́л
Мъладо́й дружы́лушка:
Ни́скъ ш о́н низёхънькя
Кава́льчикям пъкани́лсъ:
— Паткуйтя мнѣ́

Ко́ня вӑрано́ha,
Мине́ ѣ́хӑть на ко́мӑню (sic!)
У путю́-даро́шку;
'У пу́ть ѣ́хӑть ў даро́шку —
Шӑрыбо́рья (?) — к абѣ́дьни.
(Д. б. «шарыбо́рьямъ» = сѣрымъ боромъ. Срв. ниже, въ Брянскомъ уѣздѣ).
Лю́ди ви́дють, до́бры̆ји слы́шуть,
Зави́дъвать бу́дуть,
Што хо́рӑша, што при́hӑжа
Мълада́я сва́хӑ». 'Уся́!

Визѣ́ть дружы́лушка мъладу́я сва́ху: он зака́зъвал ко́ника кава́ть. У мя́ — дѣ́вӑчькя: аднэ́й дися́тӑй hадо́чик. Јіе́ нъпуhа́ли руса́лки: сьвякро́ўья каза́ла — бѣ́hӑли! Кӑк палдня́, пъзӑкута́им во́кны, дьве́ри, а то бѣ́hӑють руса́лки: виски́ дли́нны̆ји — во какэ́ји! — руса́лки; зӑш̆ш̆яко́ч̆ить! С по́ля убира́лӑся дамо́й: ана́ маhи́ть ка́жнӑhа чйлавѣ́ка — нъ паля́х....

С рабо́тя.

«Ни ле^{і}та́й, hу́ля, ў по́ля,
Ни зама́хъвай даро́шки.
Куда́ мо́й дру́х мило́й заду́мӑл?
Заду́мӑл ми́л ў hо́ра̄т,
'А йз hо́рӑда — ў hо́сьти,
А маё се́рцӑ заўны́ла:
'На́ бис по́лымя зhарѣ́ла.
— Суда́рь-ба́тю̆шка ради́мӑй,
Паста́ў hо́ре^{і}нку но́ўӑю,
Прӑсяки́ ако́шкӑ
На сяло́, што́бы жы́ть
Мнѣ мъладэ́й бы́лӑ висяло́:
Саткэ́ль со́лнушка взайдѣ́ть,
Саттэ́ль мо́й дру́х мило́й пріѣ́дить,

Ми́л hасьти́ньчйка привизе́ть,
Ми́л hасьти́ньчькаў дыраhы́х, (sic!)
Сла́ткых пря́ничькяў мидавы́х».

Ну, ўся́ типе́рь! (Часто вы эти пѣсни поете?): «Жнитьво́, пако́с, кăпапе́лькяў бра́ть — бис пѣсьни никуды́! — Вйсилѣ́я ръбата́ть! Нă рабо́тя иhра́им». (А чѣмъ у васъ лѣчатъ золотуху?): «Рăзарьдʰ'и́тцă зълату́ха, памо́чиш кали́нăй, по́тым (sic!) аттáпливайш ў ма́ю мѣ́сьцу, ка́к цьвитѣ́ть: ирву́ть јіе́ и мо́чють. (Относительно обозначенія звука дʰ' см. выше, во Мценск. уѣздѣ, Каверинск. волости, д. Крепино: въ словѣ: «дʰ'рямў́чим»). 'Ат прасту́ды-буhу́н: пря́мă расьтѣ́ть на я́hăдьнику, хто́ нарьвѣ́ть; а то-бры́н: здо́ръвă пъмаhа́ить; как е́льничик о́н: цьвитка́ нѣ́т па је́й — никакы́х; ху́ть з' зи́мя пайди́, се́ така́я-ш: ни на́йдуть јіе́: ана́ така́я-ш: и зе́льнь, ня́ па́чи е́лки се́ зилёнăя: ня́ пи крые¹тцă, на ко́чькăх расьтѣ́ть — ку́сьтикъм; даро́жа је́й-нѣ́т! 'Ана́ маhи́ть вы́ля́чить ăт балѣ́зьни. Ай здаро́вăя! ня́ и нăпада́итцă рѣ́тка́: па хво́щи хто́ хо́дить, па лясам; не́штă ш тыје́ ви́диш? На́йде¹тцă, ту́т и бяhи́ш; хващю́ нарьвѣ́ш и пръдава́иш. У на́с жэ́нъшыны тэ́м и ко́рьмютцă. 'Этым хво́щям тру́ть палы́, шо́б билѣ́й бы́ли».

Въ амбулаторіи.

Д. Ма́зиево. «Hahá бали́ть; ду́ш палhо́да! Так жуди́ть и тре́скайтцă, и атмѣ́тъчьки је́сьть. Ну, да́! Ху́жă! Во́чинь тре́скайтцă: бо́льшы абу́мшы хо́диш. Та́хта чѣм прика́жуть — лѣ¹чим: кабы́ ана́ ду́жа му́чьла; а то́ басэ́й ста́ниш ходи́ть, ана́ и му́чить. Ды́ нѣ́тъти ничяю́! Ма́сьти да́ш? Памазъвать? А то́ у мя́ о́т у рибёнъчька hало́ўачька ръзмята́лăсь: адна́ нидѣ́лькя, пла́точькям накры́иш — приста́ѣть плато́чик!». «Апы́ о́т ăтрыhну́лись, как пашла́ пă вадѣ́ и дьнём и но́чю; с тэ́х-та по́р и апя́ть-та ста́ли». (Вы-чьи? Барскіе?): «Тимахве́я Хвёдъръвичь — мы́ ба́рских!».

С. Паһи́белка. «Я прикладáл тыjё: памáзăл, анá и прапáла: кой-калѝ һры́зйнь, анá и пя бóльнă ничо́ўă (sic!): зъжывéть, апя́ть ăтрыһнéть. Я брáл ты́й — алты́ннăй мáзи: анá кăк карóвья мáслă ръзайдéтьцă: стáла сярьбúть». «Адúн у нáс саўсúм асьлéп!».

Бóшипская волость.

Д. Дарьино. «Жыватóм дýжа и балúть спúна ат сáмэ"й ăт сьвятэ́й: пайдéть э́тă! Хтó һъварúть таһó-та купú: ўсё ни бирéть; һры́зь һъваря́ть хóдить: умóрăм умирáиш, таһó һле'дú штŏ умрéш: и судá-та, и марáнья плахóя: кътяшóк мáлйнькяй, ат сáмэ"й ăт сьвятэ́й: кăк вазьмéть рáзам — штó халóдьнинькяй вады́ прапýсьтиш. 'У примéту мнé э́тă на пéрвăй нидéли, в ве'лúкăм пóсту (sic!): адёжа — ни крéпка, а марóз — здарóвăй. Ну, һъварю́, пайдéм винцá вы́пьим: тáк пирязя́п, а я́ ăслабéл: сидéть лёх нá пе'ч"ь, на пéчьку; па друһóй дéнь — ни павéрьписсся: кáк на какóй бóк ля́жыш — пйривáльвайтцă и бурьч"и́ть: ўсё дáля, ўсё хýжа». (Ты чёмъ занимаешься?): «Зямлёю! у мя́ двá сы́на, а я — па дамáшьнiй: то бáбам лáпти сплятéш, ничл"ýо ни пъмаһнý дитям: ни снá нéту, и һăлавá во́ кăк схвáтить, — пъляжы́ш (ш́ — почти мягкое); на друһóй бóк пирьвéрьниш: бýттă кăк хърашó. Жалáю пъляжáть!».

Д. Кóробово. «һълавá балúть, кáшăль забúл! Ашшó липёшкъми сóпли вáлють из нóсу. Мнé вады́ дáйти! Маё дéлă дáльнiя, ашшó двá сы́на, а трéтiй ушóл: ў кáрты инрáить, ньля́ствуить: аштрăхъвáл да атьня́л вóсимь дисятúн — пъбираимси! Качнýтцă нильзя́: һълавá балúть ýсё с тых пóр кáк наһý (sic!) сламáл: с крышы убúлсй: мăслакú павыскъкали, ўправил пакóйник дóхтурь». (Старику 80 лéтъ).

Д. Вóлково. «Крéпка задышка, кáшăль забúл, сухóй: с Тúхфăна — крéпкăй; лёхкăй бы́л, ён спасóбян бы́л, а пéрь снý нéту: кăк ля́жу, тáк задóхси; спасóбья ни имéю, тáк сабé, а то

ничо̏ho̍ (sic!). Забьѣ́ть, — и атцы́дъва харко́ўья пъдайдѣ́ть и бьѣ́ть. Та́к у мя́ примѣ́та: с Ти́фăна. Я — па пло́тьницкăй да па пич̏нэ̄й ч̏я́сьти. Да́ли пăрашко́ў. Как пăтьреби́л и́х: мокр ни бы́л, то́льки и дяло́ў! Сухо́й ка́шāль, а hълава́, ду́мăю, ăт нату́hи».

С. Мураве́льникъ. «У мя́ — hлисты́: аны́ паткáтыва́ютцă, дьня́ три́ ути́хнуть. Кабы́-та вы́шли! 'Ат hлисто́ў я ăбразу́мьлась: аны́ — пат' се́рцă, атту́дъва прѣ́ть, рыhа́йтцă. Я и пънямно́шку і͡е́м-та. У меⁱне́ ишшо́ jе́тă: я ни ăч̏юнѣ́ла: дя́дя бы́л, Пархвё́н Яки́мъч̏ь; да што́-ш во́н: ничя̏ўо́ — во́къл мине́, а дите́й — кач̏я́й; у мине́ нѣ́ту си́л. Во́спăди Ису́сеⁱ! Нивѣ́ска руhа́йтцă: ни зьве́сна, hдѣ́ муш. А мнѣ́-та ч̏ижало́! Прăhлати́ть хо́чьцă, а п̏а́ ни нъзыва́йтцă. Мы ў Мураве́льнику жывё́м».

Дроновская волость.

С. Гли́нка. «Бали́ть: плеⁱска́ить миня́; ни хажу́ ужо́ де́вить дё́н. 'Учира́шнăй де́нь, как ўы́шла из бальни́цы, та́к-ху́жа! Жо́hа нъч̏яла́сь, но́hи млѣ́ють, ирьвё́тцă се́рцă, і͡е̏чю (= ѣду́) плеⁱска́ить ўо́н, ирьвё́ть, ны́jеⁱть ў жыватѣ́: ка́к заны́jеⁱть, — атцу́дăўа дьви́нить». (Въ д. Че́рнево этой же волости: «но́ить», а не «ны́jеⁱть»).

С. 'Яковлево. «Нихто́ ни признаѣ́ть: цѣ́лўю вясну́ хади́lа, вы́тяжно́ўа пла́стыря кла́lа: ста́нуть ръзмува́ть — ни даѣ́ть ана́ мнѣ́ пако́ю. Мо́жна прити́ в бальни́цу, то́льки на́да сазна́тцă мнѣ́ до́мă: шьч̏я́с у мя́ хо́дить мълади́чькя, нильзя́ ăтлуч̏и́тцă, ăдино́къя то́льки я: тя́hăва рăбата́ть ни маhу́».

Д. Хо́повка. «hăлаво́й хва́тить ды из ву́ха тикё́ть з hо́т. Мы бы́ли па зимѣ́: в у́хă ничя̏ўо́ ни дава́ли; ўре́мя хвата́ить. Када́ и тикё́ть, а хвата́ить и — рво́та: кружэ́нья крѣ́пка ў hăлавѣ́. Мнѣ́ пъмара́тцă нильзя́: как схажу́ — кро́ў, с мѣ́сяц запо́р: ўсё зhара́йтцă. Мнѣ́ ў по́лнăч̏ь случи́лăсь: ў дьвяна́тцы́ть ч̏ясо́ў: ни вражды́ ни было́, ничя̏ўо́; ўдру́х ўсю́ зъдеⁱрза́ла! Я у ватца́

Яhо́ра была́: о́н приказа́л мале́бны служы́ть и пи́ть да́л, ла́дъну ръсьтира́ть па кры́шы̆чьки, нямно́шка. А то́ луч̓я́лăсь и деⁱрза́нья не́ бы̆ла: пре́ждя ч̓и́рьз пидѣ́лю, адно́ ўре́мя — пат пя́тьпицу, а то́ ста́ла — кăжнадён. Я ража́ла, как сто́ить: ўре́мя сьтипянём идёть».

Д. Фроло́вка. Верхопо́льской волости.

«Мы вёрст восьмна́тцăть атцэ́ля; у на́с ряда̄м Нипре̄́хьнă (= Непря́хино. См. выше), Ба́бинка. Шы́сь пидѣ́ль пъпряhа́ить во́ кăк, штŏ из душы́ рвёть. Нидѣ́ли дьвѣ́ нъч̏яла́ ирва́ть, так ш̓ш̓ита́им».

Ру́жинская волость.

Д. Рёвны. «На присту́пя (= на призы́вѣ) бы́л; во́пуху пѣ́т, вре́меⁱм hру́ть во́ть э́тă мѣ́ста: но́hи ло́мють: тэ́-ји́кры э́ти. Я с папа́шкăю пріѣ́хăл, ў лѣ́си бы́ли: нънима́ють, ка́к у као́ даста́тăк. 'Усё дажжа́: папрѣ́ть, тада́ ўо́ўси аби́дить. Сярпо́м жа́ли, а пы́ньчи вѣ́трăм пъзавѣ́йла. Ра́ньшы ў суте́рьп бы́ла, а пе́рь жhѣ́ть ду́шу: прайдѣ́ть нямно́hа, и апя́ть: пи́шшы мнѣ́ никакэ́й нѣ́ту».

С. Ру́жное. «Нямно́hа зна́ю ч̓ю́дачькю hра́мăти: у на́с свая́ вуч̓и́лйшша. До́мă у на́с ма́лйнькіјі баля́ть: прашу́, што́п памо́ји да́ли (= помо́ги) ат ка́шлю. Я жына́т: у меⁱне́ два: або́и с нидѣ́лю та́хтă ка́шлїють. Мы хади́ли ў тэ́я, ў Кли́нскăя. Траўы́ дава́ли: нарўу́ть, нато́пють ў кушунѣ́ и пью́ть. У на́с Хвана́сеⁱй быва́ить я́рмăнка: вясно́й на фтарэ́й нядѣ́ли, на Хăмино́й, пасьля́ сьвятэ́й. Аны́ ма́лйнькји, да́ли-п какэ́й памо́ји: пря́ма заби́л ка́шāль: сухо́й, бьѣ́ть, у в або́их. Ска́зъвають — памрѣ́ть, э́сьли ско́рă атпу́сьтить, э́сьли ў до́лзѣⁱ пайдѣ́ть, то вы́дйть. И атке́ля приклю́чьтцă, hо́спăди зна́ить! Он чи̏ч̏я́с ни hъвари́ть ни̓ч̓о́ўŏ (sic!): аси́п. Ни крѣ́пка та́к даўно́: ў во́сеᵃм ч̏ясо́ў, та́к бу́дить, — вы́шли. Та́м у на́с и неᵃма́ э́тых ба́бāк: што́ аны́ мо́жуть лячи́ть! Нѣ́т, навда́ку ать јéтăй балѣ́зьни пъмаhнѣ́ть. Што́ палhо́да? он (ребе-

нокъ) ско́рă и захле́ⁱбьнитцă ка́шы̆ле̂ᵃм. Да, во́ба та́хтă: што́ ни да́ля, то бо́льша; ч̓я́щя дьнём: шо́стăй де́нь ужо́».

С. Богоро́дицкое. Хотынецкой волости. «'У ро́тику бали́ть ўсю́ зи́му, ў hло́тъчьки: hуба́ спры́шшы̆тьцă, кро́ўь пайдёть. Вады́ дава́ли. У jе́й то́жа ў ро́тику балѣ́ла: никакэ́я мѣ́ры ни ўзя́ли». «И ни было́ jе́тъва».

Брянскій уѣздъ.

С. По́лпино. Полпинской волости. «Сиряди́ дьня́, ў дьвяна́тцы̆ть чясо́ў дьня́, пъhарѣ́ли ўсѣ́: муш̓ш̓и́наў не́ бы̆ла — па рабо́тăм хади́леᵃ; на́шы рабо́ты — зьвѣ́снă, — hдѣ̆ придётцă, та́м и рабо́тъють; ўсё бо́льша ў лѣ́ся: па купса́м-диля́нки, у ты́х рабо́тъють: хто́ мăлаhо́дя̄н, хто́ сăстая́нья пастро́ить, а то ўыхади́ ўо́н ис ха́ты. Та́хта ўсѣ́ По́льпинскїjи! Дале́ч̓я пад hо́рку, я та́м была́: ва фчи́лищя, ў шко́ля, во́къла хра́му, кăраву́лю тэ́й: ўади́тсы на́да прине́сьть, палы́ мы́ю». (Какъ тебя зовутъ?): «'Уарўа́ра! Што́ ты сьміѣ́сьси? Што́ э́тă табѣ́ тако́я? Пра каку́ю-ш тээ́ сказа́ть? Пя́ть hадо́ў ужо́ ўво́синь я за́мъжāм, забы́ла ўсѣ́ пѣ́сьни-та! Ну, даhăвары́лиᵘся з ба́тькяⁱю, ўзя́ли яе́: на́да пра́ўду каза́ть — мы́ бра́ли ўдо́ўку к сабѣ́. А о́т кăк яе́ пирьвиньчя́ють, на ра́дăщях иhра́ють jе́тту:

Скака́льнăя.

Вы́рубйли сасну́
'Ш шы́рăhа бо́ру: («Сѣ́рый», или «сыро́й», — не знаю. срв. пѣ́сню изъ д. Трыковки Карачев. у. — выше):
'Узя́ли 'Уарўа́рушку
(Алдо́тьюшку)
З баhа́тăhа до́му,
Ра́ным ра́нă
'Узя́ли 'Уарўа́рушку
Шшы до́брăhа ро́ду,

Штóб нáшăму рóду
Нé бы̆ла пирявóду.

(Яhó саттыль приhнáли, а ён ўмёр дóмā).

Пирьвяньч̏ямшы, тáхтă дрóбнă иhрáють:

Пайдýть пăд^{т} атсá (sic!), пад мáтку:

«Ой дóбрăя hади́нушка пастáла,
'Уарўáрушка па бáтюшку паслáла;
Самá сѣ́ла ў бялѣ́ шатрѣ́^{і} на каўри́.
Саткы́дъва сьвятёл мѣ́сйц взыйдѣ́ть,
Саттыдъва мóй бáтюшкă прїѣ́дить,
Ён привязѣ́ть мнѣ́ чяты́ря капы́ пя́тăй ўóз, (с)
Да шóстай жы паóшшăчик шшó привёз, (с)
Да ўсё мнѣ́ мáтушка на хўалý». 'Уся́!

Сасўáтъють, винó стáнуть пи́ть. (Ря́душкāм балáкăй!); винó вы́пимшы, пѣ́сьни иhрáють:

«А прапóй-прапóйничяк,
'Уарўáрин бáтюшка,
Прапи́л 'Уарўáрушку
Яхи́мăвну за ви́ннăю ч̏^{ш}'я́ру,
Зă мядóўую стóпăч̏ьку.
Ён ч̏я́ру сьпивáить,
'Уарўáру збывáить:
Сьпи́л сваю́ ч̏я́ду,
За ви́ннăю ч̏^{ш}'я́ру,
Зă мядóўăю стóпăч̏ьку.
'Уыпóй, ўыпóйни́чик,
Сярьhѣ́яў бáтюшка,
'Вы́пāл нявѣ́стушку-hалýбушку
Ды ў бѣ́лāм бялéн̓ня,
У крáснāм румé^{а}н̓ня,
'У калýцких ч̏юлóчькăх,

'У сахвя́нных сапо́шкăх
'У зълаты́х пирьсьтянёчькăх». Jе́тă ўся́!

—

Ка́к на запо́й иду́ть, иҥра́ють:

—

(Въ это время вошла въ избу еще одна женщина, перекрестилась и сказала: «Здра́ствуйтё». Я спросилъ, знаетъ-ли она тоже эту свадебную пѣсню, которую играютъ, когда идутъ на запой, и она сказала: «Ня ду́жа по́мню». Я попросилъ ее участвовать тоже въ пѣніи и разсказѣ, но она воскликнула: «Зба́ў Бо́х! Я уш пѣ́сьни-ты ўсё́ забы́ла!». Оказалось, что эта женщина Полпинская уроженка, не выѣзжала никуда сроду, какъ и большинство Полпинскихъ, которые занимаются всѣ сплошь лѣсомъ и не берутъ и не выдаютъ дѣвокъ нигдѣ, кромѣ своего села).

—

На вйчири́нку зьбира́ютцă; на дяви́шнику:
«Падьѣ́хăл Сярьҥю́шка да пăт тѣ́сьтяў дў́ор,
Кли́кал цабѣ́ (sic!), выкликáл да 'Уарў́а́рушку:
— А мнѣ́, Сярьҥю́шка, ни хатѣ́лăся,
— Хуть хатѣ́лăсь, ни хатѣ́лăсь,
Я ўазьму́ с сабо́й,
'Уазьму́ с сабо́й, пъвяду́ с сабо́й!» 'Уся́!

—

К вянцу́ вяду́ть яё́.
«Шу́мнăя мая́ дубро́ушкă,
Што́ ты ра́нă зăшумѣ́ла?
— Ни сама́ я зăшумѣ́ла:
Зăшумѣ́ли бу́йныя вѣ́тры,
Бу́йныйи вѣ́тры, си́льныйи до́жжы (sic!),
Си́льныйи до́жжы, лю́ты маро́зы
При́ ў даро́зи».

—

Нивѣ́сту вйличя́ють:
Кра́снăя па́ша 'Уарў́а́рушка,

Што́ ты ра́нă ръспляла́ ко́су?
— Ни сама́ я ръспляла́ касу́,
Ръспляла́ касу́ ра́н̓нїя сва́хă,
Сярьhѣ́йва сястра́:
Пъhуби́ла красу́ дяви́ч̏ш'ю,
Кра́су́ дяви́ч̏ш'ю, мăлади́ч̏ш'ю». 'Уся́, пахо́жа!

—

Ну, ў друhэ́й ра́с ˘кажу́, с рабо́тя пѣ́сьню: пăнайшла́ наро́ду мно́hā ў ха́ту.

—

«Заплы́л, заплы́л силязе́нь ръскаса́стăй
Ва круты́я биряшка́,
Зайшо́л, зайшо́л дру́х любе́знăй
На ч̏южу́я да́льную стăрану́:
На ч̏южэ́й, на да́льнэ^{ы}й сто́рăни,
Та́м биз вѣ́тру хъладно́,
Ка́к у ме^{і}не́ младэ́й-младэ́нькăй
Рăжжурьли́вăя была́ сьвякры́:
Биз дяло́ў жури́ть-брани́ть,
Пъсыла́ла ме^{і}не́ мъладе́нькю
Тѣ́мны̆ю но́чьку пă ўаду́,
А я́ мъладе́нькя пăслухмёнăя была́:
Зя^{і}ла́ вёдры дай пашла́.
Пристая́лă сваи́ но́шки,
На ка́мушку сто́ю̏чи;
Признаби́ла сваи́ ру́чьки,
Хъладну́ ваду́ ч̏ирпа́мшы.
Прăhлядѣ́ла сваи́ hла́ски,
Нă мило́hŏ hле́дючи (sic!).

—

Ни ў адны́х у на́с та́хтă иhра́ють, то́льки мы ни зна́им: вярста́х ў дисятёх и за́муш у на́с ни выдаю́ть.

———

Скака́льнăя.

«Нăт табо́ю я де́нь прăстая́ла,
Да я́ з ба́тюшкăй рѣ́чи hăвари́ла:
— hăсуда́рь ты мо́й, ба́тюшкă,
Ни˘ддава́й миня́, ба́тюшкă, млăду́ за́муш!
Ни мяч̓и́ся, мой ба́тюшкă, нă баhа́ствă,
'Уо́й на ты́я на висо́кы̆я харо́мы:
Ни з баhа́ствăм мнѣ́ жы́ть, — ш̓ чйлавѣ́кăм,
Ни ш̓ ч̏я́стыми пирахо́дъми (sic), — с любо́ўью!
Да виси́ть маё пла́тьицă на hря́тки,
Да ляжы́ть мо́й ряти́вăй му́ш на ла́ўки:
Зъставля́ить мине́ ма́ладу́ рăзува́ти.
Я зă наhу́ ўзяла́сь: ми́л — ў шшо́ку!
Зă друhу́ю ўзяла́сь: ми́л — ў друhу́я!
И я́ яму́ ни смалч̏я́лă:
Да я́ су́кйным сы́нăм вйлич̏я́ла.
— Ты, рассу́кин сы́н, ръскана́лья,
Кăк и я́ ль табѣ́ ни ўhади́ла:
Кăраўа́тку зhăради́ла,
Пасьте́люшку пъсьтяли́ла,
Зhало́ўьицă пълажы́ла,
Сама́ сѣ́лă пъсидѣ́ла,
На мило́hŏ пъhлядѣ́ла». Ана́ и ўся́!

—

«У ўаро́т тра́ушка расла́,
У ўаро́т — шо́лкъвăя,
Пълушо́лкъвăя.
Хто́ па тра́ушки хади́л,
Хто́ шалко́вую лами́л?
Притапта́ли, прилама́ли,
Да три́ барйна hуля́ли:
'Асуда́рьчик — бая́рьчик
Хвёдăрушка,

Да што́ бѣ́лйнькяй, харо́шы́нькяй
Пётрăвичь:
Ён даро́дин, ён харо́ш,
Ён на ба́рйна пахо́ш»...
Пе́рь нивѣ́сьтя иҥра́ють та́хта:
(Повторяются въ пѣни 6 первыхъ строкъ цѣ́ликомъ, а далѣе):
«Да три́ ба́рыни ҥуля́ли:
'Асуда́ръня-баяръня,
'Аннушка,
Да што́ бѣ́лăя, хоро́шăя
Хвёдъраўна:
'На́ даро́дна, хăраша́,
На ба́рыню пăхажа́». 'Уся́!

Акўлицкая волость. (На границѣ съ Черниг. губ.).

Сᵐяло́ Мужы́лъва. (Мужылово). (Ты давно замужемъ? Гдѣ тебя вѣнчали?): «'У Пятро́ўцы, нядѣ́ля то́лькя прайшла́ ат Пятро́вăҥа дьня́. V Акўльчᵐ'ях. Зва́ть ҥряпи́на». (Какъ тебя сватали?): «Сва́тъють у на́с ни та́к што́ дѣ́ўки па сабѣ́, а ба́тькя, ате́с ăддаѣ́ть: наси́лнă! (sic!). Ка́гжа я бу́ду пирьпире́чьвăть: ате́с да сᵐистра́. Я ни хатѣ́ла йди́ть: сва́ты тады́ мене́, ба́тькя прапи́л, мене́ уҥъвари́ли, тады́ бы́ли зарўчᵐ'йны: мене́ сначя́ла прапи́ли. 'Ѣзьдють к сто́ (= къ тестю) и сᵐ'вёкру мăяму́. Пе́рвă са́мă — те́сьть и жани́х к нивѣ́сьти сва́тăть, да́ле'й — ро́зьлйды: ҥо́сти ѣзж'ьдють туда́, чᵐ'яськтя́ть, к цто́ к мăяму́, ји́х прйнима́ють да чᵐ'ьсьти́, яно́ ради́тьли, мо́й те́сьть, прйнима́ють маих ради́тьляф, тады́ пріяжжа́ють за нивѣ́стăй, — тады́ — к вянцу́. С аттэ́ля пріяжжа́ють, тады́ зъручᵐ'я́ють, чи́рьз нядѣ́лю — к вянцу́. Ручьᵐ'ни́к пъдаѣ́ть нивѣ́ста жыниху́ че́рьз(с) сто́л: така́я зăпавѣ́дйнья! Пато́м аны́ уяжжа́ють дамо́й.

Паткосᵐ'ьницы (подруги) маје́ шыю́ть руба́шки, ручᵐ'ьники́,

што́ дари́ть; на зару́ч^{ш}'ьнăх какі́я зка́ють пяю́ть: ўся́кїя — ящё мно́hā:

«Зăруч^{ш}'ёнъч^{ш}кă дяўч^{ш}'ёнкă,
Пада́й вади́цы:
Твая́ вади́цă сало́ткă,
Слажэ́й мёдă и вина́,
Што́ твая́ ру́ч^{ш}юшкă пъдала́». 'Ус^{ш}я́ э́тă!

—

Када́ касу́,—hăласи́ла: я пъзабы́ла ужо́. К вянцу́ ѣ́хăтч^{ш}'ыта́ свадёбнăя (sic!):

«Ч^{ц}е́ряс са́т даро́жы̆ч^{ш}ька,
Ч^{ц}е́ряс са́т тарнёнька:
Ко́нь бяhи́ть даро́hăю,
Пьриди́ дяўч^{ш}'ёнъч^{ш}ка,
Пъзади́ — мальч^{ш}ы́шкă:
— Дру́х ты́ мая́, дяўч^{ш} ёнкă,
Суде^{і}ржы́ майво́ каня́:
Ня зьде^{і}ржу́ каня́ твайhо́,
Ня зьде́ржу во́рънӑhа,
Баю́с^{ш}'я ба́тюшки,
Тăраню́сь ма́тушки». 'Ус^{ш}'я́!

(А скакальныя пѣсни иhрають?): «Ёсьть и скака́льны̆ји!».

(Я замѣтилъ, что женщина не хочетъ почему-то веселыхъ пѣсенъ пѣть и плачетъ. Я спросилъ ее о причинѣ. Она разсказала мнѣ свою печальную жизнь):

«Ни ўла́диш нич^{ш}'о́hă: сьч^{ш}'я́с праhна́ли, не́кăда мнѣ́ э́ты пѣ́с^{ш}ьни ду́мăть: брато́ў мно́hа, зямли́ ма́ла, ади́н ёсьть, а яhо́ му́жа майhо́ — д̆ы́к ужо́ то́тă чяты́ря бра́та, ящё 'сь^{ш}'вякра́ мая́ и 'с^{ш}'ве́кăр — те́с^{ш}'ьть. (У разскащицы «свекоръ» и «тесть» — слова однозначащія). 'С^{ш}'вёкăр праhна́л: мы у хаз^{ж}'я́йна нăняли́ся из му́жāм: па́шуть, а я́ hато́ўлю ји́м паје́сьть: и сабѣ́ и хаз^{ж}'я́йну, ня му́жу, а у като́ръhа найма́лăсь. Рабо́тă во́ч̆инь тижо́-

лăя: мóй-тэ́й — мýш пáшыть». (Что на тебѣ надѣто? Свита?): «Далжэ́й трóшки ’с^{ш}’ви́та, а э́тă ю́пка».

Vóvцаў стрыhё́м, прядё́м, изъ яе́ ўóлну таю́, тады́ ткё́м, тады́ шы́jе^{і}м и нóсим: ў каhó ё́сь ли́шьнїя, прăдаё́м. Панё́ва у чяты́ря палы́ ў Мужы́лъви: падhýзāк — ў три́ палы́ па э́тых дирéўнях: ў Мармазóўки, ў Лутьни́, а ў Кóршыви — ў чяты́ря. ’Я и щи́ла сабѣ́ кáк хóдють тýтăч̏ька: щи́ть нé нă штă, я и щи́ла ў три́ палы́ (т. е. переѣхавши на работу изъ Мужилова въ Акуличи).

«У нáс зáпāн завѣ́тцă, ни хвáртук.» (А что у тебя на головѣ подъ косами?): «’Ат пълатнá ăддярѣ́ш и падьвя́ртъваиш тря́пăч̏ьки: свóй вóлāс зъплятáиш, а э́тым ăбварáч̓ьваиш». (Ну, что же ты еще работаешь?): «Палы́ мы́ю ў нядѣ́лю рáс; штó хаз̓^{ж} я́ин затѣ́ить, тó и дѣ́лăю».

На границѣ со Смоленской губерніей.

Д. Литóўня. «Мы аднэ́й вóлăсьти с нéй: Vóрнаўскэй, дирéўни Vóръна́ўа, прихóт сялá Мăшанцá. Ме^{і}нé звáть Алдóтья. У нáс тóжа ўсё три́ палы́ шы́ють: хтó кáк пъжалáить: дастáтăк хватáить, — палýч̓ч̓я сашъё́ш! Завѣ́скă — свая́, а хвáртуки купля́ють: хвáртуки тóжа шы́ють: мы маhё́м сáми шы́ть, кълинкóру вазьмё́м и сáми шы́jе^{і}м. Кружо^{у}вá мы вязё́м сáми на крюч̏^{ш}’ё́к: ё́н кăк с прóвăлки — ўсё раўнó. (У васъ грамотныхъ много? Училище есть?): «Ё́сьть и ў нáс с казны́ ўчи́лйшша: бы́л уч̓и́те^{і}ль, ды ямý ни пъжалáлăсь: дё́шъва; чич̏я́с — уч̓и́те^{і}льницă. У нáс празóрьстăй нарóт: ў Мужы́нъви аднá и пъhавóркă, и прядýть Мужы́наўски бáбы кáк-тă ни па нáшъму: аны́ — ў друhóм краю́, аны́ hъваря́ть па-рýцки, а ни па нáшъму». (Ну, а скажи мнѣ, какія у васъ пѣсни на свадьбѣ бываютъ): «Ри́ч̓ч̓ю ръсказáть?».

«Кáк за стóл у нáс нивѣ́сту сóдють, ч̓ич̓я́с иhрáють»: «’Ох, ты́, бѣ́лăя, кудря́вăя бе^{а}рё́за,

Ты́ нямно́шкă ў ч̓ш̓ы́стāм по́ли прăстая́ла,
Су́ч̓ч̓ям-вѣ́т̓т̓ицъм маха́ла:
Саткýль ўзя́лись-пъдьяви́лись
Бýйны̆ји вѣ́тры:
Рăскач̏я́ли, рăзмаха́ли
Бѣ́лăю беᵃрёзу:
'Апада́ли ты́ листо́ч̓ьки
На сырýю зе́млю.
Ах, ты́, кра́снăя пищяснăя Алдо́тьюшкă,
Рăщиса́ли, рăсплеⁱта́ли рýсую ко́су
Алдо́тьюшки 'Стеⁱхва́нăвни». 'Уся́!

—

Дамно ни͡иһра́ла: памёрлă дѣ́ўăч̓ька, та́к и нй һра́лă!

—

Ка́к жани́х пріѣ́дить па нивѣ́сту бра́ть к сибѣ́: у жыниха́ иһра́ють, кăк нивѣ́сту привязýть г жыниху́:

«Прйлитѣ́ли һýси ш̓ ч̓южэ́й да́льнэᵘй Рýси:
Сѣ́ли-па́ли нă лядо́ч̏ьку,
Ста́ли мёт, вино́ пи́ть:
Ли́бă во́душку папьём,
Ли́бă рýч̓юшки па́бьём.
Вады́ ни папи́ли,
Рýч̓юшки наби́ли».

—

А на княжо́й сто́л, спăд вянца́ привязýть, ве́чьрăм, а дьнём һуля́ють:

«У мѣ́сьца у я́снăһа ўсё круты́я ро́шки,
У Мико́лушки у 'Якъличя любимы̆ји һо́сьти.
— Мико́лушкă а́й 'Якълеⁱвич̓ь,
Умѣ́й ч̓истуўа́ти!
Пра́вă умѣ́ю и пра́вă ръзумѣ́ю». Ина́ и ўся́!

—

Вёрст за три́тцăть ѣ́зьдим к ха́ти па драва́: сте́п у на́с. (А

слыхали-ль вы про русалокъ въ вашей деревнѣ?): «Слыха́ли ўражду́ ў хазя́йсьтви, ско́ту (sic!): тра́тють ско́т, ўро́ди по́рьтють мълако́, аны́ ш руса́лки-вѣ́дьмы нъзыва́ютцă: нахо́дить блаhа́я мину́та на ји́х. ʼЕсьли ни вы́льчють, то памрѣ́ш: маhѣ́ть спо́рьтить: ана́ ни шшако́чить, э́тăhа нѣ́т у на́с. Мы хо́дим h дъхтаря́м: мушшы́на, кăк и мы́: о́н вады́ нъhава́рьваить — э́тă яhо́ дѣ́лă; и г ба́пкăм хо́дим: ваду́ (sic!) даю́ть. Аны́ — мо́лч̓я: на взю́сь (sic!) ни ка́жуть, даду́ть мо́лч̓я на пя́ть-ли на шы́сь зо́рь. Мы́ ни маhё́м: ˘шэ я́ мла́да, hъваря́ть, по́льзы ни бу́дить: като́ры̆ји hадо́ў сăраки́, ат э́тăhа лу́ч̓ч̓и-по́льза, тады́ паў̓ч̓ю́сь видьмува́ть: је́тă-ш калду́ють: ё́сь такі́ји, като́ры̆ји — ўре́д: в аднэ́й а́ли в друhэ́й ё́сь и ăт абжо́hи выhава́рьвають, спасо́бія даю́ть. ʼАт абжо́hи карто́шку трё́м сыру́я: жа́р вынима́ить; на ти́рки трё́м а́ли но́жыкăм наскра́бăть, када́ ти́рки нѣ́т. А то́ лу́к пяку́ть и мы́лă талку́ть: э́тă ску́лă быва́ить на рукѣ́ а́ли hдѣ́ньбуть, ста́нить прасту́да вы̆хади́ть и привя́зъвăим: мяхч̓е́ить. Vадо́й пря́мă мы́јеⁱмса! Ка́жьнїю субо́ту́ то́пим ды͡и мы́јеⁱмсă: па даста́тку — дваро́ў чи́рьз дися́тāк, а то́ к ч̓ю́жы́м хо́дим. (А есть избы «по-черному»?): «Ни маhу́ таѣ́ сказа́ть: избы́ три́ ё́сьть. Хади́ па ха́тăм да ш̓ш̓ита́й! То́т жывѣ́ть ў ха́ти па-плашэ́йшы је́тăhа: в̆о́симь аршы́н ў цьвяту́, ў сирё́тки де́вить аршы́н и ў баhа́тых-то́жă: шпаре́лъми, а ў на́с — бѣ́лы̆ји пря́мă: ви́ш! Запа́дьнїй у́hāл — про́тиў сьвято́hă, дьли́ сьвято́hă — ку́т: хто́ памрѣ́ть, кладу́ть о́т ту́т, на ла́ўку, на кутю́, ў сьвято́м: зьли́ стала́. (А какъ причитаютъ у васъ, когда кто помретъ?):

«Дѣ́тка мая́, ми́лăя, дăраhа́я,
Куды́ ш ты́ ăт меⁱне́ ухо́диш,
Ни ўасьпѣ́лăя, ни ўазьрѣ́лая,
Ни нъhлядѣ́лăсь я, ни нълюбаўа́лăсь
Я на теⁱбе́».

—

Ка́к hо́ря при́диᵉть, та́к ўсё ўспо́мниш!

И яшшо́ мо́жнă!

«Ни ўзумѣ́ла я́ тибя́ ўсхади́ть и ўспаи́ть,
Зна́ть, я Бо́hă праhнѣ́вăла,
Што́ ни ўмѣ́ла за табо́й ўхади́ть».

Ну, вазьмѣ́ш и бро́сиш! У мя́ дьвѣ́: аднэ́й пъ́лhада: во́би прăжыли́. А ў као́ пăмира́ють: шэ́ᵘсь нидѣ́ль вы́шла, — правёш пра́вють: мы хо́дим нă маhи́лку, атслу́жым пăнахви́ду и пайдѣ́м дамо́й: ч̓и́м запи́сăна, — у на́с кни́жы̆ч̓ьки ёсьть.

Салы́нская волость.

С. hăлубе́й. «ʼўы́ зна́йтё? Дире́ўня Салы́нь! Ну, у на́с тахтă по́сють: задьни́к пăт пао́йник, шо̆б о́н стая́л, шо́б ни ўламы́шăўшы бы́л, стая́л ни слама́ўшы». (Какъ тебя звать? Разскажи мнѣ про ваши полевыя и домашнія работы!): «hа́хъя зва́ть! ʼВы миня́ зба́витя далжно́ бы̆ть далёкă?! У на́с па́шуть, скаро́дють з бăрана́ми; прядём, ўо́лну купля́им: мы jiē бьём на бо́йницу: машы́нка ёсьть — на не́й бьѣ́ть, как ўо́лну пушша́ть. Нѣ́т ни клыч̓ька́, мы и прядѣ́м jiē: у на́с пря́лки ёсьть, на рăhатю́лькю зьдѣ́лăиш и прибира́иш дьли́ э́тăhа слу́ч̓я́я: пайдѣ́ш и вазьмѣ́ш зь де́рйўа́ — как hра́бли: скре́сьть; во́т цуды́ jē и кладѣ́ш. А тады́ — ў си́нькю да́ʼ ў кра́сь: у на́с кра́сють мно́hā.

На сталѣ́ мата́иш: дѣ́ ка́к тра́пить; ч̓ю́дăчькя́ сиды́ть, тады́ друhа́я пăдайдѣ́ть. Зо́бăчьку паста́виш, шшо́ хо́дють па hрибы́, луко́шка. Я ни маhу́ шшы́ть, а мушшы́на шшы́jēⁱть зо́бăчьку с кары́ с ли́пи: ў лѣ́ся, дѣ́ на́йдѣⁱть, зьдярёть. Сва́йкя, шшо́ ла́пти плятýть: ты́й та́ плятýть». (А какъ у васъ: въ баняхъ моются, или нѣтъ?): «На палу́ мы́ймся: ў пеⁱч̓и́ нильзя́ — ду́шнă; мо́жнă си́дуч̓и па́рьцă: и па пу́зу, и мы́ютцă и па́рютцă».

III.

Изслѣдованіе въ области фонетики говоровъ Тульской и Орловской губерній.

Съ перваго же взгляда на помѣщенные выше матеріалы для изученія народныхъ русскихъ говоровъ Новосильскаго уѣзда Тульской губерніи и перечисленныхъ выше (Мценскаго, Орловскаго, Карачевскаго и Брянскаго) уѣздовъ Орловской губерніи замѣтно, что въ лексическомъ составѣ этихъ говоровъ присутствуютъ то въ большемъ, то въ меньшемъ числѣ малорусскія слова. Такъ, повсемѣстно мы слышимъ слово «нема» рядомъ съ словомъ «нѣту», «нѣтути»; слово «ажъ» (Карачев. у.), слово «крѣпко» (= очень, сильно; Карачев. у.), слово «трóшки» (Брянск. у.), слово «Рипéна» (= Аграфена, Агриппина; Карачев. у.) или «ћрепи́на» (то-же, Брянск. у.); наконецъ, повсемѣстно, — слово «хáта» рядомъ со словомъ «изба». Среди населенія Новосильскаго уѣзда Тульской губерніи слышны названія: «казáки», «казáчки», и этими названіями величаютъ себя крестьяне нѣкоторыхъ волостей этого уѣзда. Все это указываетъ на какія-то связи или сношенія мѣстнаго населенія съ малоруссами. Географическою близостью мѣстнаго населенія къ малоруссамъ, мнѣ кажется, нельзя объяснять присутствіе выше указанныхъ элементовъ лексическаго состава въ нашихъ говорахъ, такъ какъ вблизи съ ними и нѣтъ собственно-малороссовъ. Скорѣе эти элементы можно считать заносными путемъ отхожихъ промысловъ, преимущественно работою на шахтахъ, напр., въ Екатеринославской губерніи и т. п. Сами крестьяне говорятъ, что изъ нихъ многіе

бывали на югѣ Россіи на шахтахъ и отправляются туда нерѣдко на нѣсколько лѣтъ. Въ виду этого мы и не придаемъ значенія указаннымъ элементамъ лексическаго состава, тѣмъ болѣе, что въ фонетикѣ разсматриваемыхъ говоровъ въ общемъ и не замѣтно отраженіе малорусскаго произношенія даже и въ заимствованныхъ словахъ съ юга Россіи.

Совсѣмъ другое мнѣніе составится о нашихъ говорахъ, если мы будемъ ихъ разсматривать въ ихъ отношеніи, съ фонетической стороны, къ говорамъ бѣлорусскимъ. Въ такомъ случаѣ будетъ вполнѣ понятнымъ вопросъ: въ какомъ отношеніи находятся наши говоры къ говорамъ южно-великорусскимъ, съ одной стороны, и — къ говорамъ бѣлорусскимъ, — съ другой? Общій обзоръ фонетики нашихъ говоровъ не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что они сходятся съ бѣлорусскими не только въ тѣхъ особенностяхъ, въ тѣхъ чертахъ, которыя представляются и служатъ вообще общими признаками южновеликорусскихъ и бѣлорусскихъ говоровъ, свидѣтельствуя историку русскаго языка о быломъ единствѣ южновеликорусско-бѣлорусскаго нарѣчія. (Сюда, напр., относится *аканье* при произношеніи звука γ и *мягкости окончаній въ 3 лицѣ* ед. и множ. числа глаголовъ). Мы находимъ въ нашихъ говорахъ и такія черты, которыя *обязательны* для *бѣлорусскихъ* говоровъ, не будучи въ то-же время обязательными для южновеликорусскихъ или даже вовсе не встрѣчаясь въ большинствѣ послѣднихъ. Сюда, напр., относятся слѣдующія особенности нашихъ говоровъ: окончаніе *э́й* вм. *о́й* въ именахъ прилагательныхъ, окончаніе *э́я* вм. *ы́я* въ нихъ-же, ассимиляція согласнаго *ч, с, н, з, л, т* съ слѣдующимъ *j*, который обращается въ такомъ случаѣ въ такой же согласный, какой стоялъ передъ *j*; произношенія: *шы́я, мы́ю, кры́ю* и под. (начиная съ Карачев. у. Орлов. губерніи и простираясь на западъ и въ Брянскій уѣздъ), наконецъ, спорадическіе случаи переходнаго смягченія *г* въ *з* въ падежныхъ суффиксахъ именъ существительныхъ, произношеніе *ѣ́сьть* вм. *е́сть* и произношеніе конечнаго *ъ*, какъ *я*, въ открытомъ слогѣ, въ неударяемомъ положеніи, въ дат. и предл. паде-

жахъ имепъ сущ. ж. р. ед. ч. на — *а* и въ предл. падежѣ ед. ч. именъ сущ. м. р. па — *ъ*, напр., «*ў лѝся*», «*h ба́бя*». Послѣднія три особенности не обязательны и въ бѣлорусскихъ говорахъ, но, если встрѣчаются, то вообще — въ бѣлорусскихъ по преимуществу. Относительно «обязательности» перечисленныхъ выше особенностей для бѣлорусскихъ говоровъ замѣтимъ, что *безъ этихъ особенностей*, насколько намъ извѣстно, нѣтъ вообще бѣлорусскихъ говоровъ, но это не должно обозначать того, что *только этихъ особенностей и достаточно* для того, чтобы говоръ признать бѣлорусскимъ. Нѣтъ, напротивъ, одни эти особенности еще не дѣлаютъ говоровъ бѣлорусскими, если при этихъ особенностяхъ нѣтъ другихъ, характерныхъ *исключительно* для бѣлорусскаго нарѣчія. Изслѣдователь бѣлорусскаго нарѣчія, проф. Е. Ѳ. Карскій, въ своемъ послѣднемъ трудѣ («Къ вопросу объ этнографической картѣ бѣлорусскаго племени». Отд. оттискъ изъ №№ 8 и 9 «Могилев. Губ. Вѣдом.» 1902 г.) говоритъ: «Основой для опредѣленія границъ Бѣлорусской области у насъ исключительно служитъ языкъ; вслѣдствіе этого, напр., тѣ литовцы Виленской губерніи, которые въ настоящее время говорятъ только по-бѣлорусски, у насъ отнесены къ бѣлоруссамъ, а тѣ обитатели Калужскаго и Орловскаго Полѣсья, которые говорятъ по-южновеликорусски, отнесены къ южно-великоруссамъ, хотя предки ихъ, несомнѣнно, были бѣлоруссы». Стр. 1, столб. 1). Это рѣшительное утвержденіе проф. Карскаго, повидимому, ставитъ внѣ всякаго сомнѣнія для него, во-первыхъ, то, что обитатели Орловскаго Полѣсья говорятъ по-южновеликорусски, а, во-вторыхъ, то, что эти обитатели происходятъ отъ предковъ — бѣлоруссовъ. Отсюда выходитъ, что исторія говора орловскихъ «полѣховъ», несомнѣнно, привела-бы насъ къ своему *бѣлорусскому* источнику. Но, насколько мы знаемъ, говоръ Орловскаго Полѣсья до сихъ поръ не былъ никѣмъ изслѣдованъ: «Опытъ русской діалектологіи» проф. А. И. Соболевскаго, извлекшаго въ возможной полнотѣ всѣ доступные ему матеріалы въ 1897 году, какъ опубликованные, такъ и сообщенные ему частнымъ образомъ,

для характеристики великорусскихъ и бѣлорусскихъ говоровъ, сообщаетъ намъ, что «изъ говоровъ Орловской губерніи мы имѣемъ немного свѣдѣній о говорахъ Елецкаго, Ливенскаго и Малоархангельскаго уѣздовъ». («Опытъ». Спб. 1897 г. Вып. I, стр. 17). Въ «Дополненіяхъ» (ib., стр. 101) проф. Соболевскій сообщаетъ еще изъ «Брянскаго Вѣстника» намъ о томъ, что «въ говорѣ Брянскаго уѣзда отмѣчено: *устáть* = встать, *вь насъ* = у насъ, *ф* вм. *хв* и наоборотъ, формы род. на *но*». Наконецъ, въ послѣднее время намъ сдѣлался извѣстенъ говоръ Болховского уѣзда Орловской губерніи по труду А. И. Сахарова («Языкъ крестьянъ Ильинской волости, Болховского уѣзда Орловской губерніи». Сборникъ Отд. р. яз. и слов. Ак. Наукъ. Томъ 68-й. Спб. 1901 г.). Вотъ и все, что̀ намъ извѣстно по *печатнымъ* матеріаламъ о говорахъ Орловской губерніи, причемъ о говорахъ, именно, *полѣховъ* Орловской губерніи извѣстно было до моей поѣздки къ нимъ всего менѣе, т. е. только то, что у нихъ звуки *в* и *у* чередуются между собой, что звуки *ф* и *хв* также чередуются другъ съ другомъ, и что род. падежъ можетъ оканчиваться на — *но*. Такимъ образомъ, печатаемые мною матеріалы теперь являются едвали не единственнымъ источникомъ нашихъ свѣдѣній о говорѣ полѣховъ Орловской губерніи. («Полѣхи» начинаются въ Орловской губерніи *съ Карачевскаго уѣзда*, по утвержденію мѣстныхъ жителей, именно: дд. *Мокрая*, *Рёвны*, *Ру́жное*, *Прилѣпы*, *Верхопо́лье* и друг. уже заселены «полѣхами». Да и вообще лѣса и болота начинаются почти сейчасъ-же около Карачева, къ западу отъ него. Сравни примѣчаніе 4 на стр. 15, въ «Опытѣ» Соболевскаго). Равнымъ образомъ и говоръ Новосильскаго уѣзда Тульской губерніи не былъ совершенно извѣстенъ намъ до выхода въ свѣтъ печатаемыхъ нынѣ матеріаловъ, какъ объ этомъ можно судить изъ замѣчаній того-же Соболевскаго въ «Опытѣ» на стр. 16—17. А между тѣмъ эти всѣ говоры находятся въ какой-то связи, какъ можно видѣть изъ моихъ матеріаловъ. Далѣе: и наблюдатели, и изслѣдователи, повидимому, затрудняются точнымъ опредѣленіемъ гра-

ницъ между двумя нарѣчіями въ виду существованія переходныхъ и смѣшанныхъ говоровъ, которые могутъ быть съ равнымъ основаніемъ причислены и къ одному и къ другому нарѣчію (т. е. и къ великорусскому и къ бѣлорусскому или къ малорусскому)[1]. «Насколько говоръ черниговскій», говоритъ наблюдатель, «составляетъ переходъ изъ малорусскаго нарѣчія къ бѣлорусскому, настолько *сѣверскій*, распространенный въ восточной половинѣ Новгородсѣверскаго, сѣв. части Глуховскаго уѣзда Черниговской губерніи, въ юго-зап. углу Трубчевскаго и въ зап. части Сѣвскаго уѣзда Орловской губерніи, составляетъ переходъ къ нарѣчію великорусскому»[2]. Слѣдовательно, юго-западный говоръ въ Орловской губерніи названъ «сѣверскимъ» и переходнымъ отъ малорусскаго къ великорусскому. Проф. Соболевскій считаетъ «смѣшанные» говоры Орловской губерніи принадлежащими къ великорусскому нарѣчію, хотя и оговаривается, что «пограничная черта великорусскаго нарѣчія съ малорусскимъ опредѣляется съ трудомъ»[3]. Далѣе мы узнаемъ, что и «граница бѣлорусскаго нарѣчія съ нарѣчіемъ малорусскимъ можетъ быть опредѣлена лишь условно» (ib. стр. 69), причемъ эта граница опредѣлится въ зависимости отъ того, будемъ-ли мы относить говоры съ *бѣлорусскимъ аканьемъ и дзеканьемъ* и съ сѣверно-малорусскими дифтонгами къ числу бѣлорусскихъ, а говоры съ малорусскими дифтонгами при аканьѣ или только при дзеканьѣ — къ числу малорусскихъ, или мы примемъ какое-либо другое(?) дѣленіе. Слѣдовательно, по Соболевскому, выходитъ, что, *аканье и дзеканье, находясь вмѣстѣ* въ одномъ и томъ-же говорѣ, даютъ перевѣсъ надъ малорусскими дифтонгами и прочими, конечно, особенностями въ смыслѣ опредѣленія даннаго говора, какъ говора *бѣлорусскаго*; наоборотъ, *одно аканье* или *одно дзеканье* не даетъ права причислять говоръ къ бѣлорусскимъ, и въ этомъ случаѣ малорусскіе дифтонги такихъ говоровъ

1) Соболевскій. Ibid. Стр. 5. Примѣч. 1.
2) Ibid. Стр. 6. Примѣч. 2.
3) Ibid. Стр. 6. Срв. ibid. Стр. 23—24 и примѣч. 4 на стр. 23.

признаются достаточнымъ основаніемъ для опредѣленія такихъ говоровъ, какъ *малорусскихъ* (ib. 69). Очевидно, что, если нѣтъ *аканья* и *дзеканья* заразъ, то нѣтъ основанія считать говоръ бѣлорусскимъ. Микуцій въ своемъ «Отчетѣ» Академіи Наукъ говоритъ, что Суражскій уѣздъ Черниговской губерніи должно причислить *къ бѣлорусскому* говору (ib. стр. 69, прим. 1). Говоръ Суражскаго уѣзда признается *чистымъ бѣлорусскимъ:* онъ имѣетъ: *сильное аканье, дз* и *ц, твердое р* и проч. (ib. стр. 99). Другой наблюдатель и собиратель бѣлорусскихъ матеріаловъ, Романовъ, говоритъ, что восточные и южные говоры въ Могилевской губерніи «выходятъ въ Могилевскую губернію *изъ Черниговской*» (ib. стр. 99). *Чистый же бѣлорусскій говоръ* характеризуется, по Романову, *дзеканьемъ, твердымъ р, формами 3 л. на -ть* (*цъ*?) и, конечно, — *аканьемъ* (?)[1]). Соболевскій, наконецъ, въ числѣ особенностей бѣлорусскаго нарѣчія, отличающихъ послѣднее отъ южно-великорусскаго, ставитъ переходъ твердаго *л* въ неслоговое *у: воўкъ, спа́ў*... (ib. стр. 70). Болѣе всѣхъ другихъ изслѣдователей и наблюдателей даетъ намъ проф. Карскій для опредѣленія бѣлорусскихъ говоровъ въ своемъ послѣднемъ, уже цитованномъ, трудѣ. Здѣсь читаемъ: «Единственно вѣрнымъ критеріемъ, по моему мнѣнію, для различенія малоруссовъ отъ бѣлоруссовъ служитъ... то или другое произношеніе общерусскихъ *е* и *и*, а въ связи съ ними и предшествующихъ имъ согласныхъ: у бѣлоруссовъ эти звуки (или ихъ замѣнители) всегда мягки..., тогда какъ у малоруссовъ эти звуки всегда тверды... Еще въ смѣшанныхъ говорахъ слѣдуетъ обращать вниманіе на то, есть-ли въ нихъ аканье..., или нѣтъ: акаютъ только бѣлоруссы... Если при этомъ еще окажется *дз—ц* мягкое и *р* твердое, то говоръ несомнѣнно бѣлорусскій, хотя-бы остальныя черты и были малорусскія, напр., дифтонги *у͡о, ю͡о, і͡е* и под.». («Къ вопросу».... Стр. 3, столб. 2). Такимъ образомъ,

1) Ibid. Стр. 85. Сравни Романова. Бѣлорусскій Сборникъ. Вып. III. Витебскъ, 1887 г. Введеніе. Стр XVI. Также XIV—XV.

здѣсь даны надежныя указанія для отличія бѣлорусскихъ говоровъ отъ малорусскихъ (качество согласныхъ передъ *е* и *и*; *аканье*), но, само собой разумѣется, что этими указаніями нельзя пользоваться при разграниченіи говоровъ *бѣлорусскихъ* и *южновеликорусскихъ*, такъ какъ *указанными особенностями* какъ разъ отличаются и южновеликорусскіе говоры отъ малорусскихъ и совершенно совпадаютъ въ указанныхъ особенностяхъ съ бѣлорусскими. Очевидно, нужно признать, что для отличія бѣлорусскихъ говоровъ отъ южновеликорусскихъ должны служить звуки: *дз*, *ц* — мягкіе, *р* твердое. Неправда-ли? Но въ томъ-то и дѣло, что среди говоровъ, слывущихъ подъ названіемъ *бѣлорусскихъ* и считающихся таковыми безъ всякаго сомнѣнія, *есть говоры безъ дз и ц мягкихъ и безъ твердаго р*. Эти послѣдніе говоры либо должны имѣть другихъ предковъ, чѣмъ прочіе бѣлорусскіе говоры, либо звуки *дз* и *ц* мягкіе и *р* твердое не составляютъ характерныхъ признаковъ исключительно бѣлорусскихъ говоровъ. Послѣднее положеніе однако трудно признать справедливымъ въ виду утвержденія всѣхъ наблюдателей и изслѣдователей бѣлорусскаго нарѣчія, что *дз* и *ц* мягкіе и твердое *р* (или смѣшеніе его съ мягкимъ) относятся къ числу отличительныхъ признаковъ и исключительныхъ особенностей бѣлорусскаго нарѣчія отъ южно-великорусскаго и малорусскаго. Въ малорусскомъ нарѣчіи звуки *дз* и *ц* мягкіе признаются проф. Карскимъ заимствованными *отъ бѣлоруссовъ* (ib. стр. 3, столб. 1—2). Карскій признаетъ *исключительно бѣлорусскими чертами* въ фонетикѣ и морфологіи слѣдующія: 1) *дз* — *ц* мягкіе (*дзѣци*; съ оговоркою, что «иногда этихъ свистящихъ звуковъ и не бываетъ»). 2) *ў* на мѣстѣ *у* безударнаго передъ согласными (ўмёръ). Или на мѣстѣ *в*: *ў мѣхъ*. Или («что особенно характерно») на мѣстѣ *л*: *быў*, *поўны*. 3) Удвоеніе согласныхъ передъ *j*: *свиннѣ*. 4) Появленіе слоговъ *ыj* — *ij* вм. *великорусскихъ оj* — *ej*: *мыю*, *шія*... 5) Смѣшеніе *р* твердаго и *р* мягкаго: *цара*, *рядъ*. 6) Появленіе *дж* вм. *ж*: *гляджу*. 7) Смягченіе *г*, *к*, *х* въ склоненіи: *на дузѣ*... 8) Множ. число при *два-четыре* въ муж. родѣ: *два ваўки*... И возможность

двойств. ч. при жен. и ср. родѣ: *три бядзъ*. 9) Возможность зват. падежа: *сынку*... 10) Особый видъ повел. наклоненія со звукомъ *е* изъ стараго *ѣ*: *хадземъ, купецця*... (ib. стр. 4—5, столб. 2—1). Первыя *четыре* черты Карскій считаетъ «*особенно существенными*» (ib. стр. 4, столб. 2). Далѣе Карскій говоритъ: «Не стану перечислять другихъ бѣлорусскихъ особенностей, *не извѣстныхъ великоруссамъ* (курсивъ мой), такъ какъ и приведенныхъ достаточно, чтобы отличить рѣчь бѣлорусса отъ рѣчи великорусса» (ib. стр. 5, столб. 1). Далѣе, Карскій, принимая во вниманіе указанныя особенности блр. говоровъ, проводитъ границу ихъ съ великорусскимъ нарѣчіемъ въ Орловской губерніи приблизительно въ Трубчевскомъ уѣздѣ по правому берегу Десны, въ Брянскомъ уѣздѣ по Деснѣ и ея притоку Болвѣ. Карскій ссылается на С. Максимова, который отмѣчаетъ *дзеканье* Орловскихъ «полѣховъ» (Др. и Нов. Россія, 1876 г. № 8). Но мы не слыхали этого *дзеканья* въ Брянскомъ уѣздѣ, какъ читатель можетъ замѣтить изъ приведенныхъ выше нашихъ матеріаловъ. Наконецъ, Карскій упоминаетъ о томъ, что и де-Ливронъ (Живоп. Россія, III, 250) относитъ *къ Бѣлоруссіи* Брянскій, Сѣвскій, Трубчевскій и Карачевскій уѣзды Орловской губерніи. (Карскій, ib. стр. 5, столб. 1).

Послѣ всего сказаннаго здѣсь и приведенныхъ выше матеріаловъ, собранныхъ мною въ послѣднюю мою поѣздку, мнѣ представляется вполнѣ естественнымъ вопросъ: не кроется-ли въ названіи «*бѣлорусскіе говоры*» какого-либо недоразумѣнія; иначе говоря, не названы-ли *бѣлорусскими* говорами, говоры, восходящіе къ разнымъ предкамъ, между прочимъ, и къ тѣмъ, которые не были предками нынѣшнихъ бѣлоруссовъ по прямой восходящей линіи? Не заключается-ли въ такомъ названіи «*бѣлорусскій*» неточности, обусловленной все еще скудными нашими свѣдѣніями по русской діалектологіи и малочисленностью изслѣдованій по ея вопросамъ? Я полагаю, что классификація діалектическихъ признаковъ русскихъ говоровъ, а въ связи съ нею и классификація самыхъ говоровъ, въ особенности въ отношеніи генеалогіи этихъ

говоровъ, еще очень мало разработана и оставляетъ желать очень и очень многаго. Причины такой слабой разработки русской діалектологіи, помимо самой трудности вопроса о генеалогической классификаціи, заключаются, по моему мнѣнію, въ недостаточномъ количествѣ спеціалистовъ-работниковъ на этой нивѣ и въ затруднительности самыхъ поѣздокъ по нашимъ деревнямъ и селамъ при существующихъ условіяхъ.

Не считая себя въ состояніи теперь окончательно разрѣшить поставленный выше вопросъ, такъ какъ я всетаки еще не собралъ матеріала изъ *всѣхъ* интересующихъ меня угловъ Россіи, важныхъ, съ моей точки зрѣнія, для научныхъ цѣлей генеалогической классификаціи южно-великорусскихъ говоровъ, я, тѣмъ не менѣе, попытаюсь, на основаніи собраннаго мною матеріала изъ завѣдомо-интересныхъ уголковъ центральной Россіи, хоть нѣсколько уяснить этотъ темный вопросъ, не теряя надежды на то, что въ очень недалекомъ будущемъ можно будетъ получить достаточное количество матеріаловъ для болѣе точнаго и близкаго къ истинѣ отвѣта на вопросъ, поставленный мною выше.

Прежде всего обращу вниманіе читателей на то, что въ тѣхъ говорахъ, которые по своимъ особенностямъ признаются нами за *смѣшанные* изъ великорусско-бѣлорусскихъ или бѣлорусско-малорусскихъ чертъ, чаще всего замѣчается отсутствіе *дз* и *ц* мягкихъ и *р* твердаго, между тѣмъ какъ другія «*бѣлорусскія*» черты въ этихъ говорахъ сохраняются: сохраняется, напр., удвоеніе согласныхъ передъ *j*, произношеніе «*шыя*», «*мыю*», *ляпэ́й*, *аднэ́й* и проч. — при соприкосновеніи *бѣлорусскихъ* говоровъ *съ великорусскими*. При соприкосновеніи-же *бѣлорусскихъ съ малорусскими* говорами мы находимъ нерѣдко сохраненіе *аканья* въ такомъ смѣшанномъ говорѣ при отсутствіи *дз* и *ц* или твердаго *р* и т. под. Сравните, напр., говоры городка Погара Черниговской губерніи, говоры Новгородъ-сѣверскаго уѣзда Черниговской губерніи, говоръ Рославльскаго уѣзда Смоленской губерніи (с. Краснозаборья) и др. — См. «Опытъ» Соболевскаго, стр. 23, 24, 80. И что особенно при этомъ интересно, такъ это то, что

и въ самомъ центрѣ *бѣлорусскихъ* говоровъ, среди *бѣлорусскаго* населенія, въ мѣстностяхъ, куда, повидимому, не могли бы занестись никакія другія черты, кромѣ *бѣлорусскихъ*, мы встрѣчаемъ говоры съ мягкими *д* и *т* (безъ *дз* и *ц*), съ мягкимъ *р*. Таковы говоры Могилевской губерніи Горецкаго уѣзда и отчасти другихъ, а также частью говоры Минской губерніи разныхъ уѣздовъ. («Опытъ» Соболевскаго, стр. 80, 81, 82, 83, 84. Сѣнн. у. Могилев. губ. Горецк. уѣздъ, Чаусск. у., Могилев. у., Мстисл. у., Климовиц. у., Рогачев. и Гомельск. у. Въ Минской губ. Мозыр. у. — ib. 88. Также 96 и друг.).

По Карскому Могилевская губернія *вся* заселена бѣлоруссами (ib. стр. 4, столб. 1; стр. 6, столб. 1). Слѣдовательно, въ этой губерніи мы не могли-бы ожидать ни смѣшанныхъ, ни переходныхъ говоровъ. Другими словами, всѣ разновидности говора Могилевской губерніи какъ-бы восходятъ *къ одному* предку. Едва-ли это такъ! Мы въ этомъ сомнѣваемся.

Смѣшанными говорами могутъ считаться, по нашему мнѣнію, лишь тѣ говоры, въ которыхъ смѣшаны, или *одновременно присутствуютъ*, особенности *исключительно* одного говора и *исключительно* другого. Къ такимъ говорамъ, кажется, должно отнести говоры Смоленской губерніи (Смол., Ельн., Порѣцк., Духовщинск., Бѣльскій и Рославльск. уѣзды въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ. Соболевскій, ib. 79, 80). Эти говоры имѣютъ *ў* вм. *в* и вм. *л* и при этомъ *д* и *т* мягкіе и *р* мягкое; или они имѣютъ: *дзеканье* и твердое *р* и при этомъ дифтонги: *у͡о*, *уы͡*, *ы͡о*, *і͡е*, какъ, напр., говоры центра Минской губ. (въ Слуц., Игумен., Бобруйск., Мозыр. и отчасти Минск. уѣздахъ — ib. 91). Или, напр., третій видъ смѣшанныхъ говоровъ: *дз* и *ц* рядомъ съ *д* и *т*; *р* твердое рядомъ съ мягкимъ. Это мы наблюдаемъ въ нѣкоторыхъ селахъ Новгородсѣв. у., Черниговской губ. (Соболевскаго, ib. 99). Смѣшаннымъ говоромъ будетъ также говоръ Островскаго у., Псковской губерніи, или, точнѣе, *южныхъ* уѣздовъ Псковской губерніи (ib. 31). Также говоры Тверского у. на

границѣ съ Корчевскимъ (ib. 55) и говоры Ржевскаго уѣзда, которые имѣютъ: *дз* и *ц*, *ў* вм. *у*, *в* и *л*, а рядомъ — мягкое *р* и мѣну *ц* и *ч* (ib. 76. Образцы говора с. Холмецъ, Ржевск. у., Тверской губ., записанные нынѣшнимъ лѣтомъ и во многихъ чертахъ сходные съ записанными нами въ Орловской губ., доставлены намъ нашимъ слушателемъ-студентомъ г. Архангельскимъ).

Наоборотъ, для *переходныхъ* говоровъ вовсе не требуется, по нашему мнѣнію, *соприсутствованія* особенностей, принадлежащихъ *порознь исключительно* какому-нибудь говору: переходными говорами будутъ такіе, въ которыхъ является своеобразная комбинація различныхъ элементовъ одного и того же звукового явленія; напр., комбинація явленій сильнаго аканья съ явленіями умѣреннаго аканья, комбинація явленій цоканья и чёканья съ явленіями чистаго произношенія *ц* и *ч* въ видѣ особаго *шепелявaго* или *средняго* произношенія съ шепелявыми звуками и т. п. Переходные говоры обыкновенно и сидятъ на границѣ двухъ различныхъ говоровъ, происходящихъ отъ различныхъ предковъ. Смѣшанные-же говоры указываютъ на переселенія или пути колонизаціоннаго движенія племенъ, а не на взаимныя сношенія осѣдлыхъ сосѣдей, между которыми образуются мало-по-малу переходные говоры. (Сравни говоры Вязем. и Юхнов. уу. Смолен. губ., а также говоры Касимов. уѣзда, Рязанской губерніи).

Теперь обратимъ вниманіе читателей на то, что всѣ *бѣлорусскіе* говоры, насколько мы знаемъ по опубликованнымъ матеріаламъ, имѣютъ при *дз* и *ц* и твердомъ *р* еще переходъ звука *л* твердаго и *в* въ *ў* (вóўкъ, спáў, ўдавá, ў томъ; рѣдко: въ насъ = у насъ). Но *ни въ одномъ «бѣлорусскомъ»* говорѣ мы не нашли мягкаго *к* (чайкю́, си́нькя, до́чкя...), насколько мы можемъ судить объ этомъ опять-таки на основаніи опубликованныхъ матеріаловъ. На это обстоятельство, кажется, не было обращено особаго вниманія, а между тѣмъ, если сопоставить отсутствіе мягкаго *к* въ падежныхъ флексіяхъ «бѣлорусскихъ» говоровъ съ мягкимъ *ц* изъ *к* въ томъ-же положеніи (на ла́ўцѣ) въ этихъ говорахъ, то

это сопоставленіе наведетъ насъ на мысль о томъ, не находятся-ли эти фонетическія явленія однихъ и тѣхъ-же говоровъ въ какой-либо исторической связи другъ съ другомъ. Въ особенности это становится интереснымъ, если мы вспомнимъ при этомъ, что и замѣна звука *ц* черезъ *с* въ большинствѣ случаевъ какъ-разъ неизвѣстна тѣмъ говорамъ, которые знаютъ издавна мягкіе *дз* и *ц*, т. е. говорамъ «*бѣлорусскимъ*». Въ самомъ дѣлѣ, если этимъ послѣднимъ говорамъ свойственны мягкіе звуки *дз* и *ц* (срв. ци́ха, би́ць, руцэ́, которое, конечно, изъ древняго руцѐ, и т. под.), то *твердый* элементъ свистящій *с* не могъ выдѣлиться изъ *мягкаго ц*, которое когда-то состояло въ этихъ говорахъ, очевидно, *изъ двухъ мягкихъ* элементовъ *т́* и *с́* (*ц́* = *т́* + *с́*). Такимъ образомъ, тѣ говоры, гдѣ мы *теперь* имѣемъ *твердое с* вмѣсто *ц* (сарь, атéс, купсы́...), должны, повидимому, указывать на свое происхожденіе отъ предковъ, не имѣвшихъ *мягкаго ц* ни изъ *т* мягкаго, ни изъ *к* мягкаго, т. е., повидимому, въ нихъ *мягкое т* и *мягкое к* (ти́хо, бить, свайкя, дочькя, дочькѣ, чайкю) оставались *безъ измѣненія*, безъ перехода въ другой звукъ съ свистящимъ оттѣнкомъ. Въ нихъ, вѣроятно, раньше, чѣмъ въ другихъ *отвердѣло ц*, какъ уже готовый *сложный* звукъ, и въ связи съ этимъ здѣсь произношеніе слова *цвѣтъ* имѣетъ *ц* твердое, а произношенія: *твѣтъ* и *свѣтъ* звуки *т* и *с* тоже *твердые*. Наоборотъ, говоры, сохранившіе долѣе другихъ слѣды мягкости звука *ц*, сохраняли, поскольку я могу судить по записямъ другихъ и отчасти по собственному слуху, и въ произношеніи слова *цвѣтъ* звукъ *ц* болѣе мягкій, а равно и въ произношеніяхъ *тьвѣ́тъ* и *сьвѣ́тъ* — звуки *т* и *с мягкіе*. Далѣе, говоры, восходящіе къ предкамъ, развившимъ въ своей средѣ мало-по-малу мягкіе звуки *дз* и *ц* (изъ *д́*, *т́*, частью изъ *ќ* — *ц́* и *ц*), повидимому, обладали рядомъ съ этими звуками (*дз́* и *ц́*) и твердыми *д* и *ц* въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ эти послѣдніе звуки (*д* и *ц*) были *иного* происхожденія (*дам*, *цар*...), и въ этихъ случаяхъ звукъ *ц* пережилъ, но не перенесъ общую судьбу *отвердѣнія* всѣхъ *шипящихъ* и *свистящихъ* звуковъ (*ж*, *ш*, *щ*, *ч*. О звукѣ *ч* въ «*бѣлорусскихъ*» говорахъ см. Соболевскаго. «Опытъ», стр. 71).

По крайней мѣрѣ, очевидно, на основаніи опубликованнаго матеріала, что въ «*бѣлорусскихъ*» говорахъ звукъ *ч твердое*, чѣмъ въ «*южновеликорусскихъ*» (срв. рэ́чынька, чы́стый...). Въ послѣднихъ-же говорахъ при общемъ отвердѣніи звука *ц* и отсутствіи мягкаго звука *ц* (какого-бы то ни было происхожденія) мы замѣчаемъ, наоборотъ, *сохраненіе мягкости* звука *ч*, иногда доходящаго до крайняго смягченія, почти съ оттѣнкомъ *свистѣнія*. Этотъ звукъ мы и изображаемъ въ своихъ матеріалахъ выше знакомъ *ч̑*. Наконецъ, «южновеликорусскимъ» *чистымъ* говорамъ, насколько я ихъ знаю, неизвѣстенъ звукъ *ў* изъ *л* твердаго (спа́ў, ўза́ў, во́ўк, по́ўный), а «*бѣлорусскимъ*» онъ извѣстенъ *всѣмъ безъ исключенія* (см. Соболевскій, ib. 70, 76 — и, между прочимъ, въ Ржев. у., Тверск. губерніи, тоже — вышеназваннымъ уѣздамъ Смоленской губ. — 79, 80, 86 и др.). Само собой понятно тогда, что звукъ *л* средній, который мы обозначаемъ выше, въ своихъ матеріалахъ, латинскою буквою *l*, могъ препятствовать переходу въ *ў* (только изъ *л твердаго*) и могъ развиваться, въ свою очередь, тамъ, гдѣ не было искони перехода *л* въ *ў*. Такимъ образомъ, въ указанномъ отношеніи (*л*=*ў*) «бѣлорусскіе» говоры заставляютъ насъ оглянуться на свое прошлое, въ которомъ мы найдемъ общую судьбу ихъ съ «малорусскими» говорами, гдѣ сохранилась та-же особенность перехода *л* въ *ў*. Само собою разумѣется, что, если имѣютъ значеніе для исторіи русскихъ говоровъ и всѣ эти, повидимому, *мелочныя* особенности ихъ фонетики (а въ этомъ значеніи я не сомнѣваюсь), то по этимъ особенностямъ мы можемъ судить о племенномъ составѣ даннаго населенія, можемъ прослѣдить путь колонизаціоннаго движенія разныхъ племенъ и усматривать присутствіе того или другого племенного элемента въ данномъ современномъ населеніи, отмѣчая на этнографической картѣ русскаго племени какъ-бы *вкрапленныя* поселенія, восходящія къ *инымъ* предкамъ, чѣмъ окружающія ихъ массы *одного* происхожденія. Такъ, думается, мы поймемъ и присутствіе въ Могилевской губерніи какихъ-то *особыхъ* говоровъ (напр., Горецкій уѣздъ и др.) отъ общей массы, хотя мы и слы-

шимъ утвержденіе, что будто-бы *вся* Могилевская губернія заселена «*бѣлоруссами*». (См. выше). Если отмѣченные нами признаки (*дз* и *ц только при условіи л=ў* и проч.), дѣйствительно, указываютъ на *особыхъ* предковъ, то мы будемъ видѣть участіе «*бѣлоруссовъ*» въ колонизаціи тѣхъ мѣстъ, гдѣ на-лицо эти признаки (*при отсутствіи мягкаго к* и *сильномъ аканьѣ*). Равнымъ образомъ другіе признаки (отсутствіе *дз* и *ц*, при этомъ *мягкое к* и отсутствіе *л=ў съ колебаніями въ аканьѣ*) укажутъ намъ на *другихъ* предковъ и на недопустимость въ данныхъ мѣстахъ «*бѣлорусской*» колонизаціи. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что въ составъ современныхъ «бѣлоруссовъ» вошли разныя русскія племена, но также нѣтъ никакого сомнѣнія и въ томъ, что каждому племени соотвѣтствовалъ свой языкъ, или свое особое *нарѣчіе*, и что потому названіе «бѣлоруссовъ» ничего не даетъ историку языка, такъ какъ смѣшиваетъ всѣ нарѣчія, вошедшія въ составъ политическаго, искусственно образованнаго тѣла, въ *одномъ* условномъ понятіи-названіи. То-же можно сказать и про составъ современныхъ «южновеликоруссовъ», и дѣло лингвистовъ со временемъ разобраться въ составныхъ элементахъ этихъ сложныхъ этнографическихъ единицъ, объединенныхъ на глазахъ позднѣйшей исторіи началами общихъ культурныхъ и политическихъ интересовъ.

Въ вопросѣ о томъ, въ какомъ отношеніи разсматриваемые нами говоры юга Тульской губерніи и сѣверной половины Орловской губерніи находятся къ такъ называемымъ «южновеликорусскимъ» говорамъ, съ одной стороны, и такъ называемымъ «бѣлорусскимъ» — съ другой, надо высказаться за то, что наши говоры *безусловно* «*южновеликорусскіе*», такъ какъ въ нихъ *нѣтъ дз* и *ц*, нѣтъ *твердаго р* и нѣтъ *л=ў*. Само по себѣ *-э́й* вм. *-о́й*, *-э́я* вм. *-ы́я*, въ именахъ прилагательныхъ, находимое и въ «бѣлорусскихъ» и въ «южновеликорусскихъ» говорахъ, еще не служитъ типичной чертой какого-нибудь одного говора, такъ какъ это окончаніе именъ прилагательныхъ извѣстно, кромѣ того, и говорамъ нынѣшней Олонецкой губерніи (Соболевскій, ib. 48), но

при другихъ особенностяхъ оно характеризуетъ извѣстные говоры. Равнымъ образомъ произношенія *крыю, мыю, шыя* и под. сами по себѣ не указываютъ на какихъ-либо особыхъ предковъ, такъ какъ въ старомъ русскомъ языкѣ мы найдемъ эти произношенія повсемѣстно, т. е. эти произношенія принадлежали общерусскому языку, но судьба ихъ была различна впослѣдствіи въ разныхъ частяхъ русскаго языка, и потому эти произношенія *также лишь въ связи съ другими особенностями* говоровъ могутъ указывать на объединеніе этихъ говоровъ въ суммѣ извѣстныхъ фонетическихъ процессовъ, характеризующихъ лишь въ общей своей сложности группу племенъ, пережившихъ общую судьбу. Другими словами: произношеніе *шыя* и проч. въ какомъ-либо «южновеликорусскомъ» говорѣ при всѣхъ характерныхъ чертахъ послѣдняго еще не будетъ свидѣтельствовать объ участіи въ образованіи этого говора какого-либо *особаго* племени, которое характеризовалось произношеніемъ *шыя* въ отличіе отъ другихъ племенъ. Въ такомъ случаѣ скорѣе можетъ быть вопросъ о сохраненіи *стараго* произношенія въ данномъ говорѣ, тѣмъ болѣе, что произношеніе *шыя, мыю* и проч. не обязательно соприсутствуетъ всегда съ произношеніями *дурн́эй, слѣп́эй, молод́эя* или, что́ еще характернѣе, не обязательно всегда живетъ совмѣстно съ произношеніями: *дурны́й, слѣпы́й, молоды́й, молоды́я* и проч., какъ мы это видимъ и въ бѣлорусскихъ и въ малорусскихъ говорахъ, гдѣ извѣстно и *дурн́эй* и *дурны́й* при *шы́я* и под. (Соболевскій, ib. 76, 78.—Витебск. губ. 79. — Смолен. губ. 80.—Могилев. губ. 87. — Минск. губ. Срв. также 94 — говоры съ малорусскими дифтонгами и проч.). Точно такъ-же ни *л*=*ў*, ни *дз* и *ц* сами по себѣ, безъ другихъ особенностей, не характерны: первая извѣстна въ говорахъ Новгородской и Вологодской губерній, вторая — въ говорахъ Поситья Ярослав. губ., въ Владим. губ. и въ Нижегородской губерніи: трудно допустить, чтобы говоры, принесшіе съ собой при переселеніи въ новую землю звуки *дз* и *ц*, только и сохранили эти звуки, а все остальное свое утратили. То-же и относительно перехода *л* въ *ў*. Напротивъ того, звукъ *к*

мягкое (*си́нькю, то́лькя...*) настолько сросся съ *сильнымъ аканьемъ*, что можно съ увѣренностью сказать, что тамъ, гдѣ мы имѣемъ мягкое *к*, принимали участіе въ заселеніи края племена съ сильнымъ аканьемъ въ говорѣ (вятичи).

Сильное аканье легко поддается видоизмѣненіямъ, переходя въ умѣренное подъ вліяніемъ умѣренно-акающаго культурнаго центра, и само сильное аканье, вопреки моему прежнему мнѣнію, надо признать болѣе позднимъ явленіемъ; слѣдовательно, если мы находимъ мѣстами мягкое *к* въ Пошехоньѣ Ярославской губерніи, въ Костромской и Новгородской губерніяхъ, то это явленіе не противорѣчитъ тому обстоятельству, что мягкое *к* зашло сюда изъ говоровъ, развившихъ въ себѣ сильное аканье. Но *л*=*ў* не такъ легко видоизмѣняется, а потому тамъ, гдѣ нѣтъ *л*=*ў*, но есть *дз* и *ц*, еще нельзя усматривать присутствія тѣхъ племенъ, которымъ было извѣстно *л*=*ў* лишь *совмѣстно* съ *дз* и *ц* мягкими, такъ какъ *дз* и *ц* извѣстны были и независимо отъ *л*=*ў* въ говорахъ, восходящихъ не къ тѣмъ, которые могли-бы быть болѣе точно, но тоже условно, названы бѣлорусскими въ *узкомъ* смыслѣ (дреговичи и полоцкіе кривичи). Напр., въ Боровицкомъ уѣздѣ, Новгородской губ. (Соболевскій, 44), въ Юрьевскомъ уѣздѣ, Влад. губ. (ib. 57), въ Арзамаск. у. Нижегородской губ. (ib. 58) извѣстны разные оттѣнки свистящаго произношенія *д́* и *т́*, но при этомъ нѣтъ *л*=*ў*. Наоборотъ, присутствіе *л*=*ў* почти навѣрно приводитъ насъ къ заключенію объ участіи въ говорѣ слѣдовъ дреговичскаго или полоцко-кривичскаго элемента, какъ это мы видимъ особенно рѣзко въ говорѣ нѣкоторыхъ уѣздовъ Смоленской губерніи, гдѣ нѣтъ *дз* и *ц*, но есть *л*=*ў*. (Соболевскій, ib. 79). Дѣйствительно, *л*=*ў* не могло зайти ни въ какой говоръ изъ центра культурной Москвы, такъ какъ въ говорѣ послѣдней не было и нѣтъ *л*=*ў*.

Разсматриваемые нами говоры Орловской губ. (и Новосильскаго у., Тульской губ.) во многихъ отношеніяхъ очень близки къ говорамъ Смолен., Ельнинск., Порѣцкаго, Духовщин., Бѣльскаго и Рославльск. уѣздовъ Смоленской губерніи, очень близки

къ говорамъ Могилевской губерніи, но всетаки наши говоры *другого* происхожденія, говоры *иные*, и это ясно видно при взаимномъ ихъ сопоставленіи: въ нашихъ говорахъ нѣтъ ни *дз*, ни *ц*, ни *л*=*ў*, но есть *к* мягкое.

Такъ напр., пользуясь матеріалами г. Романова, мы видимъ, что наши говоры во многомъ совершенно сходятся съ говорами Могилевской губерніи, имѣя слѣдующія общія особенности: **въ фонетикѣ:** *при ў дарóги* (Ром. Бѣлор. Сборн. I. 369. Гомельск. у. Срв. у насъ выше); *по крышкъ водки пьемъ* (I. 413. Горец. у. Срв. у насъ выше Новос. у. Тульск. губ. Косар. вол., Карачев. у. Орлов. губ. Драгун. вол.). Постоянно мягкое *с* въ *ся*: *повáлисься* (II. 11. Сѣнн. у.); *Лютэ́е морозы* (II. 21. 119. Сѣн. у.), *пошы́ю, шы́я* (II. 31. 225. Рог. у., Сѣн. у.), *помы́юся* (II. 47. 119. Сѣн. у.), *бы́ши* (II. 174. 175. Рогач. у.), *бы́цёся* (II. 189. Быхов. уѣздъ. Срв. у насъ «здрáствуйтё» — Брян. у. Орл. губ. Полнин. вол.), *ёсть* (II. 291. Рогач. у.), *ўсю́, ўсю́-таки* (II. 323. 337. Рогач. у.), пóтумъ (II. 385. Рогач. у.), *старэ́й, молодэ́й, тэ́й* (VI. 195. Черик. у.), *выше садику* (I. 1. Г. Бѣлица); *ёнъ* (I. 1. III. 67. Горец. у.), *зайшли* (I. 2. Бѣлиц.), *тьвяточковъ* (I. 2. 19. ib.), *пяёш, пьютъ* (I. 44. Гом. у. I. 413. Горец. у.), *ирвать* (I. 20. Гом. у. I, 115), *ссець* (III. 79. Горец. у.), *ны́е, выють* и под. (I. 22. Перерост.; I, 180. Сѣн. у., I. 23. Гом. у., I. 28. 127. 165. 215. 281. Гом., Сѣн., Рогачев. у.у.), *справъ* (у насъ: *стáў* — пов. н.; I. 45. Гом. у.), *рашотушка* (у насъ: рашэ́тчятый; I. 65. Рогач. у.), *перщаточки* (I. 76. Рогач. у., I. 164. Гом. у., II. 161. Рогач. у. У насъ: *першатки*), *подъ иһрушую* (I. 96. Рогач. у. У насъ: «пäд ыһрýшäю»), *шы́ры* (I. 219. Сѣн. у. VI. 433). *Однако въ Могилевской губерніи есть* **повный** и под. (Ром. Бѣлор. Сб. I. 35. Рогачев. у.), чего въ нашихъ говорахъ не найдемъ, если не считать *единственнаго* слова (Орлов., Мценск. у.у.) «Русáўки» и «русáфки», которое можетъ быть образовано прямо отъ прил. «русáвый».

Въ морфологіи: род. и мѣстн. ед. на *у*: *выше садику* (Ром. I. 1), *времено́* (I. 74. Рогач. у. У насъ: *именó*), окончанія именъ прил.

эй рядомъ съ *ой*. При этомъ замѣтимъ, что въ нашихъ говорахъ почти совсѣмъ не встрѣчаются формы 3 л. ед. ч. глаголовъ безъ окончанія — *ть*. (Есть два-три случая).

Въ удареніи: *ничо́го* (III. 67. Горец. у. I. 45. Рогач. у. II. 115. Сѣн. у.), *селязе́нь* (I. 245. Гом. у.), *на гору́, воду́, руку́, голову́* (II. 51. Сѣн. у. II. 117. 119. Сѣн. у. II. 225. VI. 141. III. 71. Горец. у. III. 75. I. 111. Рогач. у.); **въ лексикѣ:** *трохи* (II. 77. Гом. у.), *нема* (I. 2. Сѣн. у.), *хата* (I. 3. Горец. у.), *дро́бный* (I. 3. Рогач. у.), *неўдалая* (I. 5. Сѣн. у. Гом. у.), *крѣпко* (III. 69. Горец. у.), *ужо́* (III. 72. Горец. у.), *любчикъ* (I. 100. Сѣн. у.), *скародить* (I. 159. Гом. у. II. 167. Быхов. у. VI. 185. Мстисл. у.), *Грипина* (I. 195. Бѣлица).

Само собой разумѣется, что сходство въ отдѣльныхъ чертахъ нашихъ говоровъ и говоровъ Могилевской губерніи, а также нѣкоторыхъ (см. выше) уѣздовъ Смоленской губерніи, распространяется гораздо дальше приведенныхъ здѣсь случаевъ въ фонетикѣ, морфологіи, удареніи и лексикѣ, но мы имѣемъ цѣлью указывать *не сходство* нашихъ говоровъ съ этими и подобными, а ихъ *различія*. И въ этомъ отношеніи мы обращаемъ вниманіе читателя еще разъ на слѣдующія особенности нашихъ говоровъ: 1) *аканье* на переходной ступени изъ сильнаго къ умѣренному. 2) Повсемѣстное *употребленіе звука к'* (мягкаго), которое однако извѣстно *рядомъ* съ *к* твердымъ; слѣдовательно, на пути къ отвердѣнію. 3) Отсутствіе *дз* и *ц* мягкихъ. 4) Отсутствіе *л* = *ў*. 5) Отсутствіе *твердаго р* (хотя есть 2—3 случая у насъ: рӑшато́, пираўлӑк...). 6) Случаи употребленія *с* вм. *ц*. 7) Особенно мягкое *ч'*. 8) Средніе звуки $з^{ж}$, $с^{ш}$ (изрѣдка).

Мнѣ думается, что, въ виду перечисленныхъ особенностей, къ которымъ нужно еще прибавить и обычные признаки южновеликорусскихъ говоровъ, напр., окончаніе *-ть* въ 3 л. ед. и множ. чиселъ глаголовъ, мѣну *у* и *в*, звукъ *h* вм. *г*, наши говоры несомнѣнно относятся къ типу южновеликорусскихъ говоровъ, которые однако испытали на себѣ вліяніе какихъ-то другихъ говоровъ, но во всякомъ случаѣ не тѣхъ, изъ которыхъ образова-

лись нынѣшніе «*бѣлорусскіе*». Слѣдовательно, утвержденіе, будто въ Брянскомъ уѣздѣ Орловской губерніи по р. Деснѣ и ея притоку Болвѣ можно провести границу бѣлорусскихъ говоровъ съ великорусскимъ нарѣчіемъ (Карскій, ib. 5, столб. 1), и будто у жителей Брянскаго уѣзда есть *дзеканье*, или что ихъ можно относить къ Бѣлоруссіи, подлежитъ поправкѣ въ томъ смыслѣ, что это утвержденіе несправедливое: мы были въ самомъ западномъ углу Брянскаго уѣзда (Акулицкая волость), на границѣ съ Черниговской губерніей, вблизи границы со Смоленской губерніей, и не слыхали тамъ ни *дзеканья*, ни твердаго *р*, ни *л*=*ў*, ни бѣлорусскаго *сильнаго аканья* (выдержаннаго); мы тамъ не видѣли и *типа бѣлоруссовъ*. Какіе-же говоры оказали вліяніе на наши? Ясно, что не тѣ, въ которыхъ были *дз* и *ц* мягкіе и *л*=*ў*, не тѣ въ которыхъ находится твердое *р*. Очевидно, что на наши говоры оказано вліяніе *тьми*, которые оказали вліяніе и въ «Бѣлоруссіи», измѣнивъ нѣкоторые говоры послѣдней то въ смыслѣ уничтоженія въ нихъ звуковъ *дз* и *ц*, то въ смыслѣ уничтоженія твердаго *р* или порознь, или заразъ: и *дз*, и *ц*, и твердаго *р*. Чѣмъ-же нарушенъ чистый типъ южновеликорусскаго нарѣчія въ нашихъ говорахъ? — Уничтоженіемъ рѣзкости сильнаго аканья, внесеніемъ *к* твердаго и спорадическими случаями употребленія *с* вм. *ц*, а также, быть можетъ, формами именъ прилагат. на *э́й* вм. *о́й*; *э́я* вм. *ы́я*, *ы́ји*, которыя однако существуютъ рядомъ съ формами на *о́й*, *ы́я*, *ы́ји* и под. Всѣ же остальные признаки нашихъ говоровъ (*сильное аканье*, которое сквозитъ въ основѣ нашихъ говоровъ; мягкое *к* и мягкое *ч̑*, а также окончаніе 3 л. ед. ч. глаголовъ на *-ёть* вмѣсто и рядомъ съ *-ёть*) указываютъ намъ несомнѣнно на свое туземное происхожденіе, объединяя наши говоры въ ихъ основѣ съ прежде описанными нами говорами Рязанской губерніи, въ южной ея половинѣ. Если признавать, на основаніи данныхъ лѣтописи, перечисленные въ скобкахъ признаки, характеризующими говоръ потомковъ *вятичей*, какъ мы и признаемъ, то указанное выше вліяніе на наши говоры придется приписывать *сѣверянамъ*, что́ вполнѣ согласуется и съ показа-

ніями лѣтописи и съ историческимъ изслѣдованіемъ «бѣлорусскихъ» говоровъ. Сѣверяне несомнѣнно не предки бѣлоруссовъ: на долю сѣверянъ остаются въ нашихъ говорахъ: умѣренное аканье, твердое *к* и *с* вм. *ц* рядомъ съ формами на *э̀й* вм. *бй* и под. Но у сѣверянъ и ихъ потомковъ, повидимому, не было ни *дз*, ни *ц*, ни твердаго *р*, ни *л*=*ў*.

Наконецъ, остановимся нѣсколько на географическихъ названіяхъ въ мѣстностяхъ, изслѣдованныхъ нами. Насъ поражаетъ здѣсь обиліе названій селъ и деревень съ окончаніемъ *-ичи*, *-чи*. Напр., мы находимъ: *во Мценск. у.* Орловской губерніи — *Никуличи*, въ *Болховскомъ у.* — *Серидичи*, *въ Карачевскомъ у.* — *Рядовичи*, т. е. еще очень мало такихъ названій, но *въ Брянскомъ уѣздѣ* мы нашли: *Журиничи*, *Дарковичи*, *Чайковичи*, *Тешиничи*, *Теменичи*, *Елисѣевичи*, *Княжичи*, *Старшевичи*, *Бейтичи*, *Тваришичи*, *Издешичи*, *Акуличи*, *Барковичи*, *Рябчичи*, *Ходиловичи*, *Вѣковичи*, *Давидчичи*, *Селиловичи*, *Немѣричи*, *Ивановичи*, *Чернятичи*, *Умысличи*. Такимъ образомъ, въ одномъ Брянскомъ уѣздѣ мы насчитали 22 названія селъ и деревень на *-ичи*.

Въ прилежащихъ уѣздахъ Калужской губерніи мы тоже встрѣчаемъ подобныя названія: *Сухиничи*, *Фоминичи*, *Хвастовичи*... Мы не имѣемъ подъ руками свѣдѣній о томъ, какое количество подобныхъ названій находится въ Калужской, Смоленской, Черниговской губерніяхъ, но, пользуясь матеріалами, собранными г. Романовымъ въ Могилевской губерніи, мы видимъ, что въ послѣдней находится громадное количество подобныхъ названій мѣстностей. Выпишемъ для примѣра хоть нѣкоторыя изъ нихъ: въ Сѣнненскомъ уѣздѣ мы встрѣтили, между прочимъ: *Лугиновичи*, *Головачи*, *Алексѣничи*, *Ульяновичи*, *Земковичи*, *Каровичи*, *Климовичи*; въ Гомельскомъ уѣздѣ: *Терешковичи*, *Юрковичи*, *Носовичи*, *Марковичи*, *Азаричи*, *Чеботовичи*, *Романовичи*, *Дятловичи*, *Маровичи*; въ Рогачевскомъ уѣздѣ: *Меркуловичи*, *Нисимковичи*, *Свѣтиловичи*, *Тихиничи*, *Княжичи*; въ Горецкомъ уѣздѣ: *Любиничи*, *Литвиновичи*, *Бабиничи*; въ Могилевскомъ уѣздѣ: *Бѣлыничи*, *Сметаничи*, *Полыновичи*; въ

Климовицкомъ уѣздѣ: *Надъйковичи*, *Братьковичи*, *Михевичи*; въ Чериковскомъ уѣздѣ: *Мхиничи*, *Зеленковичи*, *Братьковичи*, *Манятичи*; въ Мстиславскомъ уѣздѣ: *Дѣдковичи*, *Ляховичи*. Мы не подсчитывали подобныхъ названій въ Трубчевскомъ и Сѣвскомъ уѣздахъ Орловской губерніи, но, судя по 20-ти верстной картѣ Орловской губерніи, и здѣсь ихъ довольно много.

Нельзя не обратить при этомъ вниманія на такія названія, какъ: *княжичи*, *литвиновичи*, *ляховичи*, *дѣдковичи* и под. При этихъ названіяхъ невольно воскресаютъ въ памяти названія: *радимичи*, *вятичи*, *дреговичи*, *кривичи*, съ одной стороны, какъ названія, образованныя помощью суффикса, обозначающаго происхожденіе; съ другой-же стороны, припоминаются названія: *сѣверяне*, *поляне*, *древляне*, *полочане*, *велыняне*, *бужане* и под., какъ названія не по лицамъ, а по мѣстностямъ, съ другимъ суффиксомъ. Если мы при этомъ припомнимъ еще указаніе лѣтописи, что: «*И Радимичи, и Вятичи, и Сѣверъ одинъ обычай имяху.... Си же творяху обычая Кривичи*». (Лавр. лѣт. 3-е изд. стр. 12—13), то мы въ вышеприведенныхъ географическихъ названіяхъ будемъ вправѣ, быть можетъ, усматривать указаніе на слѣды однообразныхъ обычаевъ тѣхъ племенъ, которыя заселяли разсматриваемыя мѣстности по Окѣ, по Сожѣ, по Деснѣ, по верховьямъ Днѣпра, Волги и Двины; а въ данныхъ русской діалектологіи — указаніе на особенности говоровъ этихъ племенъ. «Обычай» эти племена могли имѣть *одинъ*, и географическія названія сохранили намъ преданіе объ этомъ; а языкъ-то ихъ различался по нарѣчіямъ, и діалектологія сохранила намъ въ современныхъ говорахъ доказательства этихъ діалектическихъ различій. Не желая подвергать натяжкѣ объясненіе фактовъ языка и въ то же время оставляя въ сторонѣ вопросъ о *смѣшанныхъ* говорахъ, хотя и не отрицая возможности и естественности образованія такихъ говоровъ, но признавая, что мы часто не можемъ точно установить: *что̀ съ чѣмъ смѣшалось*, такъ какъ мы часто не знаемъ, *что̀ чему принадлежало* въ говорахъ, какъ неотъемлемое и характерное, я представляю себѣ выводъ свой о нашихъ

говорахъ, какъ о говорахъ, восходящихъ къ одному типу съ южнорязанскими, т. е. къ *вятичамъ*[1]), но видоизмѣненныхъ влія-

---

1) Въ числѣ русскихъ городовъ значится въ Приложеніи къ Новгородской Лѣтописи по Комис. списку (Новг. Лѣт. по Синод. списку. Изд. Арх. Ком. Спб. 1888 г., стр. 448) городъ *Вятическъ*, отнесенный вмѣстѣ со Смоленскомъ, Вязьмою, Дорогобужемъ, Козельскомъ и другими *къ городамъ Смоленскимъ*.

Къ Кіевскимъ городамъ здѣсь-же (стр. 447) отнесены: *Брянескъ*, *Трубческъ*, *Лошичи*; къ Волынскимъ — *Дубичи*, къ Литовскимъ (стр. 448) — *Мченескъ*, *Карачевъ*, *Оболчи*. Къ Залѣскимъ (стр. 449) — *Новосиль*, *Орльчь*. Что касается распространенія вятичей на Волгу, то объ этомъ упоминаетъ Лавр. лѣтопись подъ 964 г. Вятичей приходилось долгое время и *не одному* князю усмирять: и Олегу, и Владимиру — два раза. На Десну и Сулу Владимиръ переселялъ и Вятичей и Кривичей. Владимиръ Мономахъ также не одинъ разъ ходилъ на Вятичей. Вятичи бьются вмѣстѣ съ Святославомъ Ольговичемъ противъ Изяслава Кіевскаго. Святославъ имѣлъ Вятичей въ своемъ войскѣ и подъ Карачевымъ. Вятичи сидятъ и подъ Козельскомъ. Ихъ города беретъ у Ольговичей великій князь Всеволодъ въ 1197 году. Съ Сѣверянами повидимому очень скоро и разъ навсегда управился еще Олегъ въ 885 году. Тоже вѣроятно было и съ Радимичами, которые «волчья хвоста бѣгаютъ». Ни Сѣверяне, ни Радимичи не могли долго отстаивать своихъ областей и скоро разошлись и растворились въ сборныхъ княжескихъ дружинахъ и войскахъ. Въ Ипат. спискѣ лѣтописи подъ 1146 г. земля близъ Карачева названа «лѣсною землею»; Изяславъ Мстиславичъ Кіевскій, воюя съ Святославомъ Ольговичемъ, взялъ у послѣдняго много полону подъ Карачевомъ, а Святославъ бѣжалъ «за лѣсъ къ вятичамъ». Подъ 1147 г. сказано, что вятичи сидятъ при городахъ: Брянскѣ, Мьченскѣ, Подесеньѣ: «Въ то же веремя выбѣгоша посадничи Володимери Изяславли из Вятичь, изъ Брянска и изъ Мьченьска, и изъ Блеве (вар. из Блове. Не изъ Болхове-ли?)... Иде заемъ вси Вятичи и до Брянескъ, и до Воробнинъ, Подесенье, Домагощь и Мценескъ. Подъ 1148 г. читаемъ: «поити имъ *на Вятичь к Ростову*». Владимиръ Давыдовичъ и Святославъ Ольговичъ стоятъ «въ своихъ Вятичѣхъ» неподалеку отъ Углича и устья Мологи. (Ипат. лѣт. Спб. 1871 г., стр. 260). На стр. 316 читаемъ: «И тако Гюрги пойде *Суждалю* туда *на Вятичь*, и тако прокъ Вятичь взя». На стр. 344 читаемъ: «Изяславъ же... пойде изъ Гомья (Гомеля?) к Вятичемъ и взя городъ,... оттуда иде у Вятичѣ и зая вси Вятичѣ... Святославъ же увѣдавъ, оже Обловь (городъ въ землѣ Вятичей) взята и Вятичѣ заяти».... На стр. 430 читаемъ: «Тогда же Святославъ князь иде *въ Вятичь Корачеву* орудьй дѣля своихъ». Таковы были владѣнія Вятичей въ XII столѣтіи по даннымъ лѣтописи. Едва-ли не вся центральная Россія была занята этимъ могучимъ племенемъ; по крайней мѣрѣ, многіе города нынѣшнихъ Калужской, Смоленской, Ярославской, Орловской, Могилевской губерній, не говоря уже о Тульской и Рязанской губерніяхъ «по Оцѣ рѣцѣ» и на Волгѣ, (см. Лавр. лѣт. подъ 964 г.), значились лежащими въ землѣ Вятичей. Въ Ипатскомъ спискѣ лѣтописи слѣдующіе города лежатъ въ землѣ Вятичей: 1) *Блеве*, 2) *Болдыжъ*, 3) *Брянскъ*, 4) *Воробнинъ*, 5) *Воротинескъ*, 6) *Вщижъ*, 7) *Девягорскъ*, 8) *Домагощь*, 9) *Дьдославль*, 10) *Карачевъ*, 11) *Козельскъ*, 12) *Мценскъ*, 13) *Обловъ*,

ніемъ *сѣверянъ*, говоръ которыхъ я въ общихъ чертахъ возстановляю изъ самыхъ же фактовъ языка, вполнѣ естественнымъ и отвѣчающимъ вышеприведенному матеріалу при его сопоставленіи съ извѣстнымъ мнѣ изъ печатныхъ источниковъ.

---

14) *Росусь*, 15) *Спашъ* (Спасскъ?), 16) *Сѣвскъ*, 17) *Ярышевъ*. (Всѣ эти города значатся въ Указателѣ Географическомъ при изданіи Ипат. списка Арх. комиссіи. Спб. 1871 г.). Въ землѣ Вятичей текутъ изъ большихъ рѣкъ — рѣки: Ока и Десна. Нѣкоторые города получили свое названіе отъ названія племени Вятичей, напр., *Вятическъ* — изъ Смоленскихъ городовъ (въ Прилож. къ Новг. л.). Такимъ образомъ, если древнѣйшее преданіе, занесенное въ лѣтопись, знало Вятичей на Окѣ, а въ теченіи историческихъ событій Вятичи оказываются и на Деснѣ, и близъ Волги, и около Ростова и Мологи, и около Козельска, и около Гомеля, и въ Смоленской области, то, значитъ, это племя продвигалось въ разныя стороны центральной Россіи, захватывая другія области и отстаивая свою независимость. Свидѣтелями этого служатъ названія *Вятическъ* и друг. Быть можетъ, и названіе *Вятка* и *вятичи* этой области стоятъ въ связи съ передвиженіями древняго могучаго племени. Правда, Вятичамъ не удалось образовать своего княжества, но это только можно заключать изъ отсутствія названія «Вятичскаго» княжества, между тѣмъ какъ *этнографически* нѣкоторыя древнія русскія княжества составлены были по преимуществу изъ вятичей. Таковы, вѣроятно, Рязанское княжество, Смоленское, Сѣверское, Черниговское. По крайней мѣрѣ, изъ прямыхъ указаній лѣтописи видно, что племена сѣверянъ и радимичей были ничтожны и по своей численности и по своей территоріи: лѣтопись указываетъ намъ, на основаніи древнѣйшаго преданія, поселенія сѣверянъ по Деснѣ, Сейму и Сулѣ; у сѣверянъ есть еще рѣчка Рахня, а въ числѣ сѣверскихъ городовъ лѣтопись знаетъ только *два:* Новгородъ-Сѣверскъ и Трубчевскъ. Принимая во вниманіе указаніе той же лѣтописи, что Вятичи извѣстны были и на Деснѣ, и что ихъ города были Брянскъ, Карачевъ, Сѣвскъ, мы, конечно, приходимъ къ заключенію о томъ, что въ составъ сѣверскаго княжества вошли вятичи съ ихъ Брянскомъ и другими городами. О Радимичахъ преданіе знаетъ еще менѣе, чѣмъ о сѣверянахъ: у нихъ одна рѣка — Сожъ и рѣчка Пищань: они-трусы и не имѣли князей-предпринимателей, которые могли-бы положить начало княжеству и сообщить ему свое названіе, какъ это было у сѣверскихъ князей. Повидимому, Ольговичи (Святославъ) хотѣли было образовать «свое» — вятичское княженіе. Сѣверскіе города (Трубчевскъ) и Вятичскіе (Брянскъ, Козельскъ, Мченескъ, Карачевъ) сами не могли удержаться въ самостоятельномъ положеніи и причислялись къ разнымъ областямъ въ разное время: Трубчевскъ и Брянскъ — къ городамъ Кіевскимъ (Прилож. къ Новг. л.), Козельскъ — къ Смоленскимъ (ibid.), Мченескъ и Карачевъ — къ Литовскимъ (ibid., см. выше).

III.

Теперь приведу въ алфавитномъ порядкѣ тѣ слова, которыя собраны мною въ Новосильскомъ уѣздѣ Тульской губерніи и въ Орловской губерніи. Это и составитъ послѣднюю часть моего отчета — **Словарикъ.**

Алфавитный списокъ словъ, вошедшихъ въ діалектологическіе матеріалы, помѣщенные въ I-й части. Здѣсь приводятся только тѣ слова, которыя представляютъ особенности сравнительно съ словами литературнаго языка или по ударенію, или по значенію, или по образованію; а также — слова, неизвѣстные въ литературной рѣчи. Правописаніе обычное, но въ скобкахъ, гдѣ нужно, дано фонетическое. Оправдательные примѣры см. также въ матеріалахъ, въ соотвѣтствующихъ уѣздахъ.

А.

Аба́лъ-фартукъ до пояса. (Тул. губ. Новосил. у. Вяжев. вол. С. Духово). У Даля нѣтъ.

Алты́нная мазь-? (Орл. губ. Карачев. у. Драгун. в. С. Поги́-белка). У Даля нѣтъ.

Альмо́ўка-? (Орл. губ. Карачев. у. Драгун. в. Д. Тры́ковка. Въ пѣснѣ:

«Привя́зъвал во́ръна ко́ня
Г зилёнай альмо́ўки»). У Даля нѣтъ.

Аряпе́й (чяло́-иначе) — блестящее, изъ бисеру, украшеніе на макушкѣ головы, въ видѣ розетки, поверхъ головного убора. Тул. губ. Новос. у. Каменск. вол. С. Пяту́шки. См. слово «чяло́»). См. «кочето́къ» — въ Н. Залегощи. Новос. у.

Астаме́нтъ — стаме́тъ. (Орлов. губ. Карачев. у. Драгун. вол. Д. Тры́ковка. «Астаме́нт пъку́па́им, са́ми ръшшыва́им». Въ Тул. губ. Новос. у. Камен. вол. С. Пяту́шки — «стаме́тъ»).

Б.

Бала́кать — говорить; разговаривать. (Тульск. губ. Новос. у. Вяжев. в. С. Духово).

Бахмара́ — бахрома. (Тул. губ. Нов. у. Залегощ. вол. Д. Нижн. Залегощь и др.).

Безуда́лая — неудачная, озорная. (Тул. губ. Нов. у. Камен. в. С. Пяту́шки). У Даля нѣтъ.

Беке́шка — праздничная свита. (См. это слово. Орловск. губ. Орлов. у. Покров. в. С. Становой Колодезь).

Благаро́цки (по-) — по благородному. (Тул. губ. Нов. у. Камен. в. С. Пяту́шки. «Акӑрати́сь — па блӑhаро́цки, ў Михале́ўки, три вярсты́ ат на́с: ани́ хо́дють у пла́тьяхъ; у на́с ис Пяту́шӑк та́к ни hӑваря́ть).

Блага́я (мину́та) — «наха́дить блаhа́я мину́та на ји́х» (на русалокъ, вѣдьмъ). (Орл. губ. Брян. у..).

Блева́ть — рвать, рыгать. (Тул. губ. Нов. у. Прудовской вол. Д. Черны́шино).

Богоро́дицкая трава — лѣчебная трава, употребляемая отъ простуды. (Тул. губ. Нов. у. Каменск. в. Д. Ху́тарь).

Бодри́къ — холстинное кольцо (см. слово «пу́пухъ»), накладываемое на голову для того, чтобы выше стояла сорока (см. это) и кичка. (См. это слово). (Орл. губ. Мценск. у. Каверин. в. Д. Заро́шша). У Даля нѣтъ. Срв. слово «чва́нки».

Бое́нье — боязнь, страхъ. (Орл. губ. Мцен. у. Тельчин. в. С. Де́шкино).

Бокони́на — бокъ. (Орл. губ. Карачев. у. Д. Аксиньино).

Боль — больной человѣкъ. (Орл. губ. Карачев. у. Повсемѣстно. «Паѣха́л г бо́ли» — говорится про доктора, уѣхавшаго къ больному).

Больша́къ — большая дорога. (Орлов. губ. Орлов. у. Лавров. в. С. Лаврово).

Больно́ — бо́льно. (Орл. губ. Мценск. у. Тельч. в. С. Дешкино).

Болота́ — боло́та (им. мн. ч.). (Орл. губ. Карач. у. Драгун. в. Д. Тры́ковка).

Бо́лѣть — становиться больше («ўсё бо́лiе́ть». Орл. губ. Мцен. у. Чичинев. в. Д. Фроло́вка).

Бра́нки — «братые» узоры. (Орл. губ. Мценск. у. Стрѣлец. в. Д. Толмачёво).

Брыжы́ — манжеты на рукавахъ женской рубашки. (Орл. губ. Карач. у. Непряхин. вол. Д. Непря́хино).

Брыжжы — сборки на рукавахъ. (Орл. г. Орл. у. Покров. в. С. Кулико́вка).

Брын̀ъ — трава лѣчебная («как е́льничик»). (Орл. губ. Карач. у. Драгун. в. Д. Мо́края). У Даля нѣтъ.

Бугу́нъ — трава отъ простуды. (Орл. губ. Карач. у. Драгун. в. Д. Мо́края). У Даля нѣтъ.

Бу́квица — трава отъ живота, отъ глотки. (Орл. губ. Мцен. у. Чичинев. в. Д. Бабiй Скокъ).

Буха́рки — платокъ будничный на голову. («Биз бу́сарӑф, бяз ле́ндаў». Тул. Новос. Залегощ. вол. С. Верх. За́легощь).

Бѣдне́йшы (по-) — побѣднѣе, (Тул. г. Нов. у.). См. замѣчаніе при сл. «опосле́йша».

Бяги́шь, бяги́ть, бяги́мъ, бяги́тя, бяга́ть — (спряженіе гл. бѣгу́. Тул. Новос. Орл. Карач. Повсемѣстно).

В.

Варагу́ша — лихорадка. (Тул г. Новос. у. Камен. в. С. Пяту́шки). У Даля s. v. «ворогъ» — *орл.*

Взбры́кивать — вздрагивать. (Тул. Новос. Перестряж. вол. Д. Козло́во).

Взгра́биться — вскарабкаться. (Тул. Новос. Косарев. в. Д. Соко́лье).

Вели́къ день — Пасха. (Тул. г. Новос. у. Камен. в. С. Пяту́шки).

Вертану́ться — повернуться. (Орл. Карачевъ).

Верхняки́ — верховые дружки въ свадеб. поѣздкѣ. (Тул. губ. Новос. у. Камен. в. С. Пяту́шки).

Весь, вязу́, вязёть, вязу́ть, вязёный — (спряж. гл. *вязать*. Тул. Новос. Вяжев. вол. С. Духово). Орл. Карач. и др.

Виски́ — косы женскихъ волосъ. (Тул. губ. Нов. у. С. Ду́хово. Вяжев.вол.).

Ви́сьли — ленты сзади на головномъ уборѣ. (Тул. губ. Нов. у. Залегощ. в. Д. Нижн. За́легощь).

Вла́стница — имѣющая свою волю. (Орл. губ. Мц. у. Тельч. в. С. Де́шкино).

Вобра́та — убрана въ нарядъ. (Тул. губ. Нов. у. Вяжев. в. С. Ду́хово).

Водя́нка — водяной пузырь, нарывъ. (Орл. губ. Мц. у. Чичинев. в. С. Горо́хово). Орл. Карач. Д. Аксиньино.

Воду́ — во́ду (вин. ед. Орл. губ. Карачев. у. Брянск. у. Полпин. в. С. По́лпино).

Впрети́мъ — вдомекъ, замѣтно. (Тул. г. Новос. у. Прудов. в. С. Пруды́).

Вреда́ — вредъ. (Орл. Карач. С. Вельяминово).

Вре́менное — menstruatio. (Орл. г. городъ Карачевъ).

Всходи́ть — быть похожимъ. (Орл. губ. Орл. у. Плещеев. в. Д. Панько́во).

Вся́киски — вся́чески. (Орл. г. Мц. у. Чичинев. в. Д. Фроло́вка).

Выгова́ривать — выгонять болѣзнь заговорами. (Орл. г. Мц. у. Чичинев. в. С. Горо́хово).

Вы́рѣзать — замучить. («Жыво́т вы́рѣзал». Орл. губ. Карач. у. С. Ма́льтино).

Вы́тягомъ — «на́ голосъ». (Тул. г. Новос. у. Вяжев. в. С. Духово).

Вы́тянуть — спѣть голосомъ. (Тул. губ. Новос. у. Камен. в. С. Зарѣ́чье).

Вы́четъ — заговоръ противъ чего. (Произн. «вы́чят.». Орл. губ. Мц. у. Чичин. в. С. Горо́хово).

Вычь!—окликъ на овецъ. (Тул. губ. Новос. у. Прудов. вол. С. Пруды́).

Г (=h).

Га́дывать (при-) — предсказывать будущее гаданіемъ. Орл. губ. Мц. у. Кавер. в. Д. Зарóшша).

Гита́нъ (мн. ч. «гита́нья»)—шерстяная тесемка разныхъ цвѣтовъ волнистой формы (для креста — чернаго цвѣта). (Тул. губ. Новос. у. Прудов. в. Д. Пруды́ и др.).

Гло́точная трава — трава лѣчебная отъ простуды. (Орл. губ. Мц. у. Чичинев. в. С. Горóхово).

Глудова́тый—твердый, съ комками. (Орл. г. Мц. у. Кавер. вол. С. Спасское-Лутовиново). У Даля нѣтъ. См. «глу́дкій».

Говѣ́йно — постъ. (Тул. г. Новос. у. Камен. в. С. Пяту́шки).

Года́ться — годиться. (Орл. г. Карач. у. Непряхин. в. Д. Непряхино). «Друhи́м hада́ютцă, кады́ пъстаре́ють» (кичка и сорока, которыя нерѣдко передаются матерями дочерямъ, если головной уборъ дорого стоитъ. Лучшій головной уборъ стоитъ около 25 рублей въ Новос. у. Тул. губ. и вообще въ этихъ мѣстахъ).

Гожа́ться — годи́ться. (Орл. губ. Мц. у. г. Мценскъ).

«На́шы ре́чи ни hажа́ютцă».

Голоси́ть — пѣть (выть) голосомъ (жалобную причеть). (Тул. г. Нов. у. Вяжев. в. С. Духово и друг.).

Горну́ть (на-)—нагнать, наскочить. (Тул. губ. Нов. у. Косарев. вол. Д. Соко́лье).

«Наза́дѣ[1] саба́ки бяhа́ть, саба́ки нăhарну́ли».

Грамату́шка — узкая ленточка цвѣтная. (Тул. губ. Новос. у. Залегощ. в. Д. Нижн. За́легощь).

Грани́шный — заграничный? Такъ говорится про матерію на панёву, сарафанъ, про платокъ, если ихъ покупаютъ готовыми въ лавкахъ, а не ткутъ сами. (Тульск. губ. Нов. у. Камен. в. С. Пяту́шки).

Грепи́на (Рипе́на, Репья́на, Ре́пка) — Агриппина (Аграфена). (Орл. г. Карач. у. Драгун. в. Д. Тры́ковка).

Гри́вки — проймы на сарафанѣ. (Орл. губ. Орл. у. Лавров. вол. С. Лавро́во). «hри́фки па на́шъму».

Грудки́ — женскія груди, соски. (Тул. губ. Нов. у. Камен. вол. С. Пяту́шки).

Грудни́чка — лѣчебная трава отъ простуды. (Орл. губ. Мц. у. Чичинев. в. Д. Фроло́вка).

Гры́зь, гры́зень — ревматическая боль, ломота въ костяхъ. (Орл. губ. Карач. у. Бо́шин. в. Д. Да́рьино. Драгун. вол. С. Погибелка).

Гу́нька — рубашка (женская). — (Орл. губ. Карач. у. Брянск. у. С. Жури́ничи). У Даля см. «гу́на».

Гу́рбачка — толпа. (Тул. губ. Нов. у. Залегощ. вол. С. Верх. За́легощь).

Гуркова́ть — ворковать. (Орл. г. Мц. у. Кавер. в. Д. Кре́нино. Въ пѣснѣ). У Даля см. «гу́ргать».

Д.

Дари́ться — мѣняться подарками на свадьбѣ. (Тул. губ. Нов. у. Вяж. в. С. Ду́хово).

Да́ромъ — лишне, не нужно. (Тул. губ. Нов. у. Залегощ. вол. Д. Нижн. За́легощь). Срв. такое употребленіе слова «даромъ» въ старомъ русскомъ языкѣ, въ московской «Шутовской комедіи» Петровскаго времени по рукописи Ундольскаго у В. Н. Перетца: Пам. русск. драмы. Спб. 1903 г., стр. 528:

«Мнѣ *даромъ* обѣдъ, у меня теперь иное есть въ головѣ».

Или: «Мнѣ *даромъ* люди, я нынѣ самъ господинъ надъ женою своею».

Двои́чка — близнецы-дѣти. (Орл. губ. Карач. у. Драгун. в. Д. Тры́ковка).

Дворово́й — домово́й (духъ). (Орл. г. Мц. у. Стрѣлец. в. С. Сторожево́е).

Двору́ — ко двору (домой). (Орл. г. Орл. у. Покров. в. С. Становой Колодезь).

Дворя́ниться — держать себя, говорить по-дворянски. (Тул. губ. Нов. у. Вяж. в. С. Ду́хово).

Дерза́нье — подергиванье, вздрагиванье. (Орл. губ. Карач. у. Дрон. в. Д. Хо́повка).

Дерза́ть (за-) — начать подергивать кого въ болѣзни. «Ме'ня́ зъде'рза́лъ у́дру́х». (Орл. г. Карач. у. Дрон. в. Д. Хо́повка).

Ди́вно — чудно́, удивительно. (Тул. г. Нов. у. Вяж. в. С. Ду́хово).

Доёнка — подойникъ. (Орл. г. Брян. у. Полпин. в. С. По́лпино).

До́ить (по-) — подои́ть. (Орл. г. Брянск. у. Полп. в. С. По́лпино).

Доказа́ть — допѣть пѣсню. (См. сл. *каза́ть* и сложн. съ нимъ. (Орл. губ. Орл. у. Лавров. в. С. Лаврово и повсемѣстно въ Нов. у. Тул. г. и Орл. губ.).

Дро́бный — мелкій. (Орл. губ. Орл. у. Лавров. в. С. Лавро́во. Мцен. у. и повсемѣстно).

Дружки́ — свита со стороны жениха. (Тул. г. Нов. у. Залегощ. в. Д. Нижн. За́легощь).

Дру́жно — вдругъ, сразу, порывисто. (Тул. г. Нов. у. Прудов. в, С. Пруды́).

Ду́жо — очень, сильно. (Орл. г. Мц. у. Стрѣлец. в. С. Сторожево́е. И повсюду).

Ду́маться — полагать. «Я ду́мался» — въ пѣснѣ. (Орл. г. Карач. у. Драгун. в. Д. Трыковка).

Дуро́мъ — глупо, безъ разбору. «Ани́ та́к, дуро́м ѣъваря́ть». (Тул. г. Нов. у. Залегощ. в. Д. Нижн. За́легощь).

Ду́ться — пухнуть. (Орл. г. Мц. у. Тельч. в. С. Дешкино).

Ду́хъ — теплый воздухъ отъ натопленной печи. «У духу́ ръсьтира́тцъ». (Тул. г. Нов. у. Прудов. в. С. Пруды́).

Души́ца — трава лѣчебная (отъ кашля). (Орл. г. Орл. у. Лавр. в. Д. Фоми́нка).

Ды́хать (от-) — очнуться, отдышаться, ожить. (Орл. г. Орл. у. Лавр. в. Д. Фоми́нка).

Дѣви́къ — дѣвичникъ. (Тул. г. Нов. у. Вяжев. в. С. Ду́хово).

Дѣви́шница — присутствующая на дѣвичникѣ. (Орл. г. Мц. у. Чичинёв. в. Д. Бабій Скокъ).

Дю́жо — ду́жо: сильно, очень. (Тул. г. Нов. у. Вяжев. в. С. Ду́хово).

Дя́дьки — свита со стороны невѣсты. (Тул. г. Нов. у. Залегощ. в. Д. Нижн. За́легощь).

Дяко́пъ — декоктъ. (Тул. г. Нов. у. Камен. в. Д. Ху́торь. И повсемѣстно, и въ Орл. губ.).

Ж.

Жа́мочки — пряники. (Тул. губ. Новос. у.).

Жарко́вый — краснаго цвѣта (о платкахъ). (Тул. губ. Нов. у.). У Даля см. «жаръ».

Же́нское — menstruatio. (Орл. г. Карачев. у.).

Же́нѣ — женѣ́. (Тул. г. Нов. у.).

Жерёлокъ — бисерное украшеніе на шеѣ, ошейникъ. (Орл. губ. Мценск. у.).

Жма́ть — жать. (Орл. губ. Мц. у.).

Жо́га — изжога. (Орл. губ. Карач. у.).

Жо́лѣзы — же́лѣзы. (Тул. губ. Нов. у.).

Жуди́ть — зудить. (Орл. г. Карач. у.).

Жу́т! жу́т! — окликъ на поросятъ. (Тул. г. Нов. у.).

З.

Завернýться — отвернуться и отойти. (Ана́ заве^{i}рнýлăс ăт не^{i}во́ и не^{i}ста́лă бóльшэ ръзнава́рьвать». (Тул. г. Гор. Новосиль. Мѣщанка).

Завѣ́ха — фартукъ съ рукавами. (Орл. г. Мц. у.).

Загнѣ́та — заслонка у печи, устье печи. (Тул. губ. Нов. у.).

Задьни́къ — подкладка подъ повойникъ, чтобы онъ стоялъ, не заламывался. (Орл. г. Брян. у.).

Зака́жу — спою пѣсню, запóю. (Тул. г. Нов. у. Орл. г. повсемѣстно).

Заку́ски — сласти, конфеты. (Тул. губ. Нов. у.).

Закута́ть — закрывать окна ставнями. (Орл. г. Карач. у.).
Зама́шка — посконь у конопли. (Тул. губ. Нов. у.).
Занавѣ́ска — фартукъ безъ рукавовъ. (Тул. г. Нов. у. Орл. г. повсемѣстно).
Запада́ть — пропадать. (О голосѣ. Тул. г. Нов. у.).
Запа́дній уголъ — уголъ противъ святого, кута́. (Орловск. губ. Брян. у.).
За́панъ — фартукъ безъ рукавовъ, надѣваемый выше грудей. См. сл. «завѣ́ха», «занавѣ́ска». (Тул. г. Нов. у.).
Запо́й — пропой, начало сватанья. (Орл. г. Брян. у.).
Засы́почка — присыпка (лѣкарство). (Орл. г. Карач. у.).
Зауны́ть — пріунынть. (Орл. г. Карач. у.).
Захле́бнется — 3 ед. — захлебнётся, (о ребенкѣ съ коклюшемъ). (Орл. г. Карач. у.).
Здоро́вый — большой (о зеркалѣ). (Орл. г. Карач. у.).
Зе́мъ — «пли́ннай пол» въ избѣ. (Тул. губ. Нов. у.).
Зерна́ми — зёрнами. (Орл. губ. Орл. у.).
Зи́мѣ (къ-, съ-) — зимѣ́ (зимы́). (Орл. губ. Карач. у.).
Зипу́нъ — поддѣвка, халатъ безъ шиворота и «капота». (Тул. г. Нов. у.).
Зна́тный — знакомый, извѣстный. (Орл. губ. Мц. у.).
Зно́бить — знобѝть. (Орл. губ. Карач. у.).
Зо́бачка — лукошко для грибовъ изъ липовыхъ лыкъ. (Орл. губ. Брян. у.).
Зу́бчики — кружевной узоръ. (Орл. г. Мц. у.).
Зы́нь (не) — не трогай, пускай! (Тул. г. Нов. у.). У Даля нѣтъ.
Зьвирябо́й — звѣробой, трава. (Орл. г. Мц. у.).
Зя́брянь — лѣчебная трава. (Орл. г. Мц. у.). У Даля нѣтъ.

И.

Игри́ца — «названая» дѣвица на свадьбѣ. («Орл. г. Мц. у.).
Изнима́ть — одолѣвать (про болѣзнь). (Тул. губ. Нов. у.).
Именно́ — имя. (Тул. г. Нов. у. Орл. г. Мц. у.).
Именно́ — и́менно, по имени. («Именно́ зову́ть». Орл. г. Брян. у.).

Индюшы́ныи (перья) — индюшьи. (Тул. г. Нов. у.).
Иртуть — ртуть. (Тул. губ. Новос. у.).

К.

Кавы́лъ — кавыль (трава). (Тул. г. Нов. у.).
Каза́ть — пѣть пѣсни. (См. сложныя: за-, до-). (Тул. г. Нов. у. и Орл. г. повсемѣстно).
Каза́ться — пѣться. Стр. зал. «У на́с та́хта пѣсьня ка́жытцӑ». (Тул. губ. Нов. у. и Орл. г. повсемѣстно).
Каза́ться — показываться, являться (о домовомъ и проч.). (Орл. губ. Мцен. у.).
Кали́шка — поясъ. (Орл. г. Карач. у.).
Кали́шиваться (под-) — подпоясываться. Говорится про особый шарфъ (поясъ), которымъ женщины подпоясываютъ понёву и потомъ подтыкаются. Срв. малороссійск. «підперезатися». (Орл. г. Карач. у.).
Карто́хъ — картофель. (Орл. г. Орл. у.).
Кате́лка — баранка. (Тул. губ. Нов. у.).
Кати́шка — пучекъ пеньки. (Тул. г. Нов. у.).
Катяшо́къ—испражненіе овцы, excrementum. Отсюда вообще—ка́тышокъ. (Орл. г. Карач. у.).
Ки́дается — кида́ется. (Тул. губ. Нов. у.).
Кипяте́лая вода — кипяченая, отварная вода. (Орл. г. Карач. у.)
Ки́чка — родъ парусиннаго чепца, надѣваемаго на голову подъ платокъ (сороку), чтобы придерживать имъ косы (волосы) въ извѣстномъ положеніи на затылкѣ, свернутыя въ клубокъ (пукъ) и прикрытыя еще клубкомъ полотняныхъ тряпокъ (пу́пухомъ), чтобы онѣ казались пышнѣе и выше. Этотъ чепецъ дѣлается на проволочныхъ рамкахъ иногда. (Особенно Тул. г. Нов. у. Залегощ. волость и Зарѣчье, но въ Орл. губ. въ разныхъ мѣстахъ).
Кишо́чки — кисточки на подзатыльнѣ. (См. это слово Орл. г. Брян. у.).

Кли́кать — приглашать, вызывать, провозглашать. (На свадебномъ обрядѣ). (Тул. губ. Новос. у.).

Кликáть (от-) — отчитывать, отгонять наговоромъ и причетомъ (криксъ- — см. это слово). (Тул. губ. Нов. у.).

Кли́чивать (при-) — подзывать, приглашать. (Тул. г. Нов. у.).

Княжóй обѢдъ — обѢдъ отъ жениха, въ его домѣ, на свадьбѣ. (Орл. г. Мц. у. и повсемѣстно).

Козлёночки — жаворонки, печеніе изъ тѣста. (Орл. г. Мц. у. С. Дéшкино. Тельчин. в.).

Козю́лькя — змѣя вредная. (Орл. г. Мц. у.).

Колпáкъ (колпáшныя рукавá) — коленкоръ, изъ котораго дѣлаются рукава, пришивные къ кисейной рубахѣ, прикрывающей только верхнюю часть тѣла до пояса и надѣваемой дѣвками при юпкѣ. «Станъ» (см. это слово) рубахи, подъ юпкой, шьется изъ грубой поскони, и къ нему пришивается верхъ или изъ кисеи, или изъ болѣе тонкаго полотна, иногда изъ ситцу. (Тул. г. Нов. у.).

Колыхáться — шататься (про зубъ). (Орл. г. Карач. у.).

Коля́ть (каля́ють- 3 л. мн. ч.) — стрѣлять колотьями, колоть (про боль). (Орл. г. Карач. у.).

Кóмонь — конь. (Орл. г. Карач. у. Въ пѣснѣ).

Кóникъ — лавка въ «кутовомъ», святомъ углу избы (Тул. г. Нов. у.).

Кóпонь (мн. ч. копоня́) — выкопанная яма для мочки льна (Тул. г. Нов. у. Залегощ. в.), для посѣва (Орл. г. Мц. у. Срв. это слово въ формѣ «копоня́» въ Бѣлев. у. Тул. губ. и нашу статью: «Замѣтка о городѣ Копоновѣ нашей лѣтописи». Въ Извѣстіяхъ Отд. р. яз. и слов. Академіи Наукъ 1898 г. Т. III. кн. 1-я. Стр. 144).

Копчёная (изба) — курная, «по чёрному», безъ трубы. (Орл. г. Орл. у.).

Коре́шки — корешки́ (корни, коренья лѣчебные). (Орл. г. Мц. у).

Корогóдъ (произн. «кăраһóт») — хороводъ. Интересно, что слово «хороводъ» *нигдѣ* не понимаютъ: ни въ Нов. у. Тул. губ.,

ни въ Орл., Мц., Карачев., Брян. уу. Орл. губерніи; но, кромѣ того, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ слова «танóкъ» не понимаютъ, а въ другихъ (Орл. г. Орл. у. Лавров. вол.) различаютъ: «ў кăраhóди скáчють (см. это слово), танóк: рукá зá рўку бярýтцă и пѣсьни паю́ть». Повсемѣстно, напр., въ Тул. г. Нов. у.).

Косúкъ, косичёкъ (произн. «кащёк») — платокъ головной, сложенный косякомъ. У бабъ онъ подобранъ въ повойникъ (въ барскихъ селахъ), а у дѣвокъ спускается по спинѣ: «э́нтă забрáтă, а ў мeíнé — ръспрастáтă». (Тул. г. Нов. у.).

Косúцы (произн. «касúсы») — селезневыя перышки на вискахъ женщинъ для украшенія. (Тул. губ. Нов. у.).

Косничёкъ — головной платокъ *дѣвичій* (Орл. г. Мц. у.).

Коты́ — полуботинки женскіе. (Орл. г. Карач. у.).

Кочятóкъ (см. аряпéй, чялó) — кругленькая розетка изъ лентъ на макушкѣ при праздничномъ головномъ уборѣ. (Тул. г. Нов. у.).

Кошёлочки — узоры, образуемые выдергиваніемъ нитокъ и перевивкою на ручникахъ (полотенцахъ). (Орл. г. Мц. у.).

Кравáяцъ — короваецъ. (Орл. г. Мц. у.).

Крáсь — краска (дѣйствіе, крашеніе: «ды ў крáсь ăддаём, ў сúнькю»). (Орл. г. Брян. у.).

Кривонóжка — обшивка изъ тесьмы на краю понёвы. (Орл. г. Мц. у.).

Крúксы — какое-то миѳическое существо, воплощающее въ себѣ дѣтскій крикъ и требующее «отговора», заговора. (Тул. г. Нов. у.).

Кричáть — пѣть пѣсни. (Орл. г. Мц. у.).

Кроúть — рѣзать хлѣбъ. «Крóють нажóмъ карвáй». (Тул. г. Нов. у.).

«Раскроить ковригу» — разрѣзать. ibid.

Кругú — eczema, особый видъ — кружками — на тѣлѣ. (Орл. г. Карач. у.).

(По указанію земскаго врача въ Карач. у. это слово — обычное названіе у народа болѣзни eczema).

Кру́гликъ — бѣлый траурный платокъ на голову. (Тул. г. Нов. у. Залегощ. в.).

Круго́мъ — совсѣмъ, со всѣхъ сторонъ, весь. «Саўси́ᵉм низдаро́ў», «круѣо́м низдаро́ў». (Орл. г. Карач. у.).

Кру́тно — сразу, порывисто, быстро. («Крутно повернулся» — Тул. г. Нов. у.).

Кре́пкій (голосъ) — низкій, басистый. (Орл. г. Орл. у.).

Кре́пко — сильно, очень. («Крѣпко болитъ, любитъ» и под. Орл. г. Карач. у.).

Кряжо́вникъ — крыжовникъ. (Тул. г. Нов. у.).

Кряпи́ва — кропива. (Орл. г. Мц. у.).

Куба́нъ — глиняный кувшинъ для молока. (Орл. г. Мц. у.).

Ку́дры — бисерныя висюльки вмѣсто косицъ (см. это слово) на вискахъ женщинъ для украшенія. (Тул. г. Нов. у.).

Кукши́нъ — кувшинъ. (Орл. г. Брян. у.).

Кулѐшъ — жидкая каша. (Орл. г. Мц. у.).

Куманика — трава лечѣбная. (Орл. г, Орл. у.).

Ку́р! ку́р! — окликъ на куръ. (Туг. г. Нов. у.).

Курья́къ — курятникъ. (Орл. г. Орл. у.).

Ку́тъ — святой уголъ въ избѣ, направо отъ входной двери, съ образами. (Тул. г. Нов. у.).

Кызи́кать — щупать руками, шарить по тѣлу, щекотать. См. слово «шалокта́ть». (Орл. г. Мц. у.).

Л.

Ла́дить — договариваться, уговариваться съ родителями о свадьбѣ дѣтей. (Тул. г. Нов. у).

Ла́днить — дружить: «дабре́ хърашо́ жыву́ть» между собой: «ла́дьніють». (Орл. г. Мц. у.).

Лады́ — сговоръ, свадебный договоръ между родителями жениха и невѣсты. «С лада́ми» пріѣхали. (Тул. г. Нов. у.).

Ле́нды — ленты. (Тул. г. Нов. у.).
Ле́нки — ленты. (Тул. г. Нов. у.). } и въ Орл. губерніи.

Лихо́й палецъ («лихо́й») — ногтоѣда, болѣзнь. (Орл. г. Мц. у. «Ат лихо́ўа»).

Лихома́нка — лихорадка. (Орл. г. Карач. у.).

Ло́бникъ (и «нало́бникъ») — часть головного убора въ видѣ ленты украшенной бисеромъ и надѣваемой надо лбомъ подъ платокъ, откуда она виднѣется. (Тул. г. Нов. у.).

Луча́ться — случаться, приключаться. (Орл. г. Карач. у).

Лѣче́йка — лѣкарка. (Орл. г. Мц. у.).

Лю́бчикъ — любезный, милый, возлюбленный. (Тул. г. Нов. у. Въ пѣснѣ).

Лю́бь («по люби́» пи́шуть) — охота, своею охотою. (Тул. г. Нов. у.).

М.

Магни́тъ — достатокъ, средства. («Маһни́ту ни хвата́ить». Тул. г. Нов. у.).

Ма́зево — мазь, (Тул. г. Нов. у.).

Ма́ло — ма́линькя = чуть-чуть. (Орл. г. Мц. у.).

Мама́шка — мать. (Орл. г. Мц. у.).

Мара́нье — испражненіе изъ кишечника. (Орл. г. Карач. у.).

Мара́ться — испражняться за большой нуждой. (Орл. г. Карач. у.).

Маслаки́ — сочлененія костей. (Орл. г. Карач. у.).

Ма́сть — мазь. (Орл. г. Карач. у).

Ма́тка — мать, ма́ма. (Орл. г. Карач. у.).

Махо́тка — горшокъ для молока. (Тул. г. Нов. у.).

Ме́нѣть («хлѣба ўсё ме́ніе[і]ть») — становиться меньше. Срв. сл. «бо́лѣть». (Орл. г. Мц. у.).

Ме́читься — соображать. «Я ме́чился» — въ пѣснѣ. (Орл. г. Карач. у.).

Младе́нская — младенческая болѣзнь. (Орл. г. Орл. у.). «Родимчикъ».

Мла́дъ — младенческая болѣзнь, родимчикъ. (Орл. г. Мц. у.).

Модѣ́ть (из-) — исхудать, истощать. (Орл. г. Мц. у.).

Мо́лебны — моле́бны. (Тул. г. Нов. у.).

Молоди́къ («на молодику́») — при появленіи молодого мѣсяца. (Орл. г. Карач. у.).

Молоди́чка — молодайка, только что вышедшая замужъ женщина. (Орл. г. Карач. у.).

Мо́лоный — молотый. (Орл. г. Орл. у.).

Мостю́ — 1 л. ед. ч. — мощу́. (Орл. г. Карач. у.).

Мохры́ — головной платокъ съ бахромой, образующій на головѣ мохнатую повязку въ видѣ турецкой чалмы. (Орл. г. Орл. у.).

Мушара́ — золотая бахрома. (Тул. г. Нов. у.).

Му́шечки — кружевной узоръ, напоминающій мушекъ. (Орл. г. Мц. у.).

Н.

Набо́й — щебень? отбросы? («Кидаютъ ф праўлъкъ». Тул. г. Нов. у.).

Навда́ку — наврядъ-ли. (Орл. г. Карач. у.). У Даля: *пск. кур. вор.*

Навзю́сь — наизусть. (Орл. г. Брян. у.).

Нага́живать — обнажать до-нага при медиц. осмотрѣ. (Орл. г. Карач. у.).

На́гой — нагой, голый. (Орл. г. Мц. у.).

Названьё — имя. (Орл. г. Орл. у.).

Называ́ться — вызывать охоту къ ѣдѣ, аппетитъ. («Кусо́къ ни нъзыва́йтцъ». Орл. г. Карач. у.).

На́йдуть — найдутъ. (Орл. г. Карач. у.).

Наки́ски — бахрома на полотенцѣ, которымъ обвиваютъ женщины голову здѣсь, какъ чалмой: одинъ конецъ полотенца виситъ по спинѣ, другимъ прикрытъ лобъ. Головной уборъ очень красивъ. (Орл. г. Карач. у.).

Концы такихъ вышитыхъ полотенецъ мною пріобрѣтены для музея.

Нало́бникъ — см. ло́бникъ. (Тул. г. Нов. у. Орл. г. Карач. у.).

Намѣ́ріе — намѣреніе. (Орл. г. Орл. у.).

Нападáется — находится кѣмъ-либо гдѣ-либо, отыскивается послѣ исканія, попадается. (Орл. г. Карач. у.). Про лѣчебную траву сказано.

Напóлъ — кадушка для воды, которою берутъ воду изъ колодцевъ. (Тул. г. Нов. у.). Срв. у *Лѣскова* «Соборяне». I ч. Гл. 16.

Науш́нички — бисерныя висюльки на вискахъ для украшенія женщинъ. (Орл. г. Мц. у.).

Нашнýть — 3 мн., нáшня — 3 ед. буд. вр. — начнýтъ, начнётъ. (Тул. г. Нов. у.).

Немá — нѣтъ. (Тул. г. Нов. у.).

Нехáй — пускай, пусть. (Орл. г. Орл. у.).

Ни́тъ — нитка. («ʾУ чяты́ри нитá». Орл. г. Мц. у.).

Ногá — вин. мн. ч. — нóги: «ʾУ nahá клóнитцă». (Тул. г. Нов. у.).

Ногý — в. ед. — нóгу. (Орл. г. Карач. Брян. уу.).

Нянька — старшая подруга, старшая сестра. (Орл. г. Мц. у.).

О.

Обáпольный — сосѣдній, смежный. (Тул. г. Нов. у.).

Обмочáть — обмачивать. (Тул. г. Нов. у.).

Обмыря́ть — кидать въ обморокъ. («Меⁱня́ ăбмыря́еⁱть». Орл. г. Карач. у.).

Обóрка — свивальникъ. (Тул. г. Нов. у.); завязка у онучей. (Орл. г. Орл. у.).

Образовáніе — благословеніе образомъ жениха и невѣсты. (Тул. г. Нов. у.).

Образовáть — благословлять образомъ жениха и невѣсту. (Тул. г. Нов. у.).

Образýмиться — придти въ память, очнуться послѣ обморока и забытья. (Орл. г. Карач. у.).

Обрýга — весь головной уборъ со всѣми принадлежностями: кúчкой, сорóкой, пýпухомъ, аряшьёмъ, налóбникомъ, пýшками, косúцами, вúслями, подзаты́льнемъ, досóчкой, лéндами,

опу́шиной и проч. «'Этă на́шă hăлаўна́я абру́hă». (Тул. г. Нов. у.). Части головного убора см. подъ соотвѣтствующими названіями, перечисленными здѣсь, а также см. ихъ синонимы: аряпе́й = чяло́ = кочято́къ; нало́бникъ = ло́бникъ; коси́цы = ви́сьли = висю́льки; ле́нды = ле́нки.

Обу́жа — обувь. (Орл. г. Орл. у.).

Обы́грывальная — (пѣсня) — «вечериночная» пѣсня, въ отличіе отъ «свадѣбной». (Орл. г. Карач. у.).

Окороти́сь — остановись. (Когда кто ѣдетъ, ему скажутъ: «акăрати́сь», онъ и «ăкаро́тйтцă» — остано́вится. Тул. г. Нов. у.).

Ополоте́ниться — повязаться головнымъ свадебнымъ полотенцемъ, отправляясь къ вѣнчанью. (Тул. г. Нов. у.). Послѣ вѣнчанья надѣваютъ уже сороку и кичку.

Опосле́йша — послѣ, позже. Срв. въ другихъ словахъ образованіе *нарѣчія* въ сравн. степени суффиксомъ—*ѣйше*. Иногда нарѣчіе — сказуемое. (Тул. г. Нов. у.). См. слова: «скоре́йше», «прѣсне́йше» и под. другія.

Опухъ — опухоль. (Тул. г. Нов. у.).

Опу́шина — собранныя сборами ленты вокругъ головы, иногда въ два — три ряда, смотря по состоянію; ленты шириною въ четверть аршина почти; онѣ стоятъ вокругъ головы на подобіе нимба на иконахъ святыхъ, «кăлясо́м». (Тул. г. Нов. у.). См. фотографич. снимки. У Даля нѣтъ.

Осо́бя — осо́бѣ, особенно, само-по-себѣ. (Орл. г. Орл. у.).

Отво́ды — обратные визиты родителей невѣсты къ родителямъ жениха. «Ув атво́ды е́дуть». (Тул. г. Нов. у. Орл. г. Брян. у.).

Отгово́ръ — заговоръ противъ чего-либо, отогнаніе болѣзни заговорами. (Орл. г. Мц. у.).

Оти́шиться — стихнуть (о боли). (Орл. г. Карач. у.).

Отказа́ть — отговорить, отвѣтить, сказать въ отвѣтъ. См. слово «каза́ть» и сложныя: до-, за-; (Орл. г. Карач. у.).

Откашну́ться — отлучиться, быть разлученной, разстаться. (Тул. г. Нов. у. Въ пѣснѣ — голошеньѣ).

Отмѣ́точки — знаки на тѣлѣ отъ болячекъ. (Орл. г. Карач. у.).

Отрыгну́ть — возвратиться, вновь появиться (о болѣзни и ея признакахъ). (Орл. г. Карач. у.).

Отры́гъ — возвратъ. Въ заговорѣ. («Штѣ́бы́ атры́hу ни было́». Орл. г. Карач. у.).

Оттряпе́зовать — откушать, кончить ѣсть, отъѣсть. (Тул. г. Нов. у.).

Очуне́ть — очнуться, придти въ себя. (Орл. г. Карач. у.).

Оше́йникъ — шиворотъ у свитки, кафтана, зипуна; воротникъ. (Тул. г. Нов. у.).

П.

Па́вла — род. ед. (Па́велъ?) — павли́на. («Перо па́вла»). (Тул. г. Нов. у.).

Папа́шка — отецъ, папаша. (Орл. г. Карач. у.).

Па́рина — поле, стоящее подъ паромъ. (Тул. г. Нов. у.).

Па́рное (молоко) — парно́е. (Тул. г. Нов. у.).

Перекры́ть — покрыть иначе (про голову), другимъ уборомъ (послѣ вѣнчанья). (Тул. г. Нов. у.).

Перепере́чивать — переспоривать, противорѣчить. (Орл. г. Брян. у.).

Перето́рга — переговоры о приданомъ, переторжка насчетъ приданаго. (Орл. г. Орл. у.).

Пе́ртачь — перетыка бумажная по холстинѣ. (Орл. г. Мц. у.).

Перша́тки (ш = щ. Срв. др. р. «перщатый» — перстъ) — перчатки. (Тул. г. Нов. у.).

Пе́сики — бисерныя висюльки на вискахъ для украшенія женщинъ. (Орл. г. Карач. у.).

Пискля́та — цыплята. (Тул. г. Нов. у.).

Пла́тъ — плотина, плотъ, мостки для мочки льна, полосканья бѣлья и проч. (Тул. г. Нов. у.).

Плеска́ть — рвать, рыгать; тошнить. («Меня плескаетъ»). (Орл. г. Карач. у.).

Плетухи́ — кружевной узоръ. (Орл. г. Мц. у.).

Плошѣ́йшы (по-) — поплоше, похуже. (Орл. г. Брян. у.). См. замѣчаніе при словѣ: «Опослѣ́йша».

Повѣ́рье — обычай. (Тул. г. Нов. у.).

Повѣщева́ть — предсказывать, давать знакъ, предзнаменованіе. (о «дворово́мъ»). (Орл. г. Мц. у.).

Погля́дки — смотрины невѣсты. (Орл. г. Орл. у.).

Подгу́зокъ — понёва въ три полы. (Орл. г. Брян. у.). У Даля нѣтъ.

Поддубе́нь — сортъ грибовъ. (Тул. г. Нов. у.).

Поддуши́никъ — лента на шеѣ, «подъ душо́ю». (Тул. г. Нов. у.).

Подзатылень — задняя часть головного убора, состоящая изъ картонки почти въ квадратную четверть аршина, обшитой матеріей и унизанной бисеромъ. (Тул. г. Нов. у.). См. части головного убора въ Новос. уѣздѣ подъ словомъ «Обру́га».

Подкла́дочка — обшивка на подолѣ понёвы въ четверть аршина шириной, цвѣтная, иногда съ «мушарой». См. это слово. (Тул. г. Нов. у.).

Подко́сницы — подруги невѣсты. (Орл. г. Брян. у.). У Даля нѣтъ.

По́днизъ (произн. пу́дьнѧс) — бисерный уборъ, надѣваемый подъ платокъ на лобъ. См. «нало́бникъ», «лобникъ». (Тул. г. Нов. у.). См. части головного убора подъ сл. «Обру́га».

Подоба́етъ — помогаетъ, годится, облегчаетъ. (Про полынь). (Орл. г. Орл. у.).

Подпоя́ска — поясъ на юпкѣ. (Тул. г. Нов. у.).

Подраки́тникъ — трава лѣчебная. (Орл. г. Орл. у.).

Пока́ль — поколѣ, пока. (Орл. г. Карач. у.).

Покра́съ — цвѣтная обшивка на понёвѣ, иногда вдоль понёвы, сверху внизъ, въ одинъ, два и три ряда, сзади или спереди, иногда — на подолѣ. См. слово «подкла́дочка». (Орл. г. Мц. у.).

По́лно — будетъ, довольно. («Ды и по́лнă: бро́сиш ĥаласи́ть». Орл. г. Мц. у.).

По́лъ — часть пола избы «зъмашшо́на», т. е. досчатая, налѣво отъ

входной двери, отъ двери до печки. «Полъ» представляетъ возвышеніе на $^1/_4$ аршина отъ земли. На немъ подъ маленькимъ окошечкомъ, выходящимъ на дворъ, на лавкѣ, сажаютъ жениха и невѣсту. См. слово «зе́мъ» — «ћли́ннай». (Тул. г. Нов. у.). Остальная часть пола въ избѣ — земляная, называется «зе́мъ».

Поль́нъ — полынь. (Орл. г. Орл. у.).

Помогну́ (произн. пăмаћну́, 3 ед. — пăмаћнѐ́ть) — помогу́. (Орл. г. Крч. у.).

Помо́лки — помолвка жениха и невѣсты. (Тул. г. Нов. у.).

По́мочи — проймы на сарафанѣ. См. слово «гри́вки» (Орл. г. Орл. у).

Послухме́нный — послушный, покорный. (Орл. г. Брян. у.).

По́спа, по́спица — сусло на квасъ. (Произн. «по́сьписа»). У Даля показано только «*тмб.*». (Тул. г. Нов. у.).

Пости́лка — половикъ. (Орл. г. Орл. у.).

По́сту (въ) — въ посту́, посто́мъ. (Орл. г. Крч. у.).

Похме́лки — похмелье послѣ свадебнаго пира. (Орл. г. Мц. у.).

Поясни́ка — поясница. (Тул. г. Нов. у.).

Поясни́чка — поясъ на юпкѣ. См. сл. «подпоя́ска». (Орл. губ. Мц. у.).

Правёжъ — поминки покойника на кладбищѣ черезъ 6 недѣль. (Орл. г. Брян. у.).

Пратяни́на — холстина. (Срв. по́рты, порткй́, портомойня и протомойня, откуда, по народной этимологіи, по осмысленію: «платомойня»). (Тул. г. Нов. у.).

Прибира́ть — придумывать, подбирать на случай и по памяти. (Про подходящій къ случаю заговоръ). (Орл. г. Мц. у.).

Привали́ть — приступить, начаться (о кашлѣ). (Тул. г. Нов. у.).

При́виска — кичка съ хвостикомъ на головѣ. См. «ки́чка». (Орл. г. Брян. у.).

Приклю́чится — 3 ед. — приключи́тся. (Орл. г. Карач. у.).

Прилюба́ть — помогать, облегчать (о лѣкарствѣ: «не прилюба́ить». (Тул. г. Нов. у.).

Прилюби́ть — ути́шить, облегчить. («прилюби́ло» — о боли). (Тул. г. Нов. у.).

Приспѣ́хъ — приготовленіе, запасъ хозяйственный. (Тул. г. Нов. у.).

При́стрижь (произн. «при́стря̄ш») — осенняя шерсть съ овцы. Срв. «Стари́ка». (Тул. г. Нов. у.).

Присту́пъ (былъ «на присту́пя») — призывъ къ воин. повинности. (Орл. г. Крч. у.).

Притуги (произн. «притуйи») — жерди, которыя кладутся на соломенной крышѣ избы, чтобы вѣтромъ не раздувало солому. То-же, что «сле́ги». См. это слово. (Тул. г. Нов. у.).

Притя́мить — забыть. (Орл. г. Крч. у.).

Причёлокъ — украшеніе на лбу изъ бисеру, ло́бникъ, нало́бникъ. См. эти слова. (Орл. г. Крч. у.).

Прія́ить (прош. «прія́ила» — въ пѣснѣ) — пріютить, приголубить. (Орл. г. Орл. у.).

Прогу́льный (день) — праздничный, назначенный для прогула. (Тул. г. Нов. у.).

Прозо́ристый — ясный. (Орл. г. Брян. у.).

Пропи́ть — просватать дѣвку за виномъ. (Тул. г. Нов. у.).

Пропо́й — просватаніе дѣвки за виномъ (обрядъ). «Инра́ть пропо́й» — пѣть пѣсни по этому случаю. (Орл. г. Мц. у.).

Пропо́йница — пропо́йца, пьяница. (Въ пѣснѣ. Орл. г. Мц. у.).

Протяжна́я (пѣсня) — протя́жная. (Орл. г. Мц. у.).

Прошáть — проси́ть. (Орл. г. Крч. у.).

Пружо́чекъ — палочка для сученія пряжи. См. сл. «сѣ́точка». (Тул. г. Нов. у.). У Даля s. v. «пру́жить» — *сар.*

Прѣснѣ́йшай (по-) — попрѣснѣе. Срв. замѣчаніе при сл. «опослѣ́йша». (Тул. г. Нов. у.).

Пуга́ется (сердце) — ёкаетъ, сжимается, какъ при ощущеніи страха. (Орл. г. Карач. у.).

Пу́жило — пугало на огородѣ, чучело. (Тул. г. Нов. у.).

Пукле́ты — вышивка на плечахъ кисейной или миткалевой рубашки. (Тул. г. Нов. у.).

Пу́къ — клубокъ волосъ на головѣ женщины. (Орл. г. Мц. у.).

Пули́ка — растеніе лѣчебное (павилика?). (Тул. г. Нов. у.).

Пунёцъ — кумачъ. (Орл. г. Мц. у.). У Даля нѣтъ.

Пупёночки — титьки на груди женщины. (Тул. г. Нов. у.).

Пу́почекъ — тоже, грудь женщины. (Тул. г. Нов. у.). («Дѣ́ўьки прикрыва́ють за́панам пупёнáчки, пу́пáчик: йи́м сты́днá». См. сл. «за́панъ»).

Пу́пошникъ — клубокъ изъ косъ на головѣ женщины. Срв. «пу́къ». (Тул. г. Нов. у.).

Пу́пухъ — лоскутья; ветошь, подкладываемая подъ кичку, чтобы пышнѣе казалась прическа женщины. (Тул. г. Нов. у.). Срв. сл. «бодри́къ».

Пу́пушекъ — тоже; макушка головы. (Тул. г. Нов. у.).

Путля́ть — путать, сбиваться въ рѣчи, говорить неточно. (Тул. г. Нов. у.).

Пухи́ — гусиный пухъ на ушахъ для украшенія женщинъ и дѣвицъ. (Тул. г. Нов. у.).

Пы́шечка — лепешка изъ тѣста, булочка. (По праздникамъ). (Тул. г. Нов. у.).

Пѣ́тухъ — пѣту́хъ. (Въ пѣснѣ). (Орл. г. Мц. у.).

Р.

Работа́ть — рабо́тать. (Тул. г. Нов. у.).

Ра́дощи («на ра́дощахъ») — радости. (Орл. г. Брян. у.).

Разла́тый — широкій, съ расширяющимися краями (про кадушку). (Тул. г. Нов. у.). См. у *Лъскова*. «Соборяне». Ч. I. Гл. 16. У Даля безъ указанія мѣста.

Разлёты — ленты, спускающіяся съ головы внизъ по спинѣ и груди, надѣваемыя на головной платокъ, повязанный извѣстнымъ образомъ. (Орл. г. Карач. у.).

Размета́ться — разбросаться, сильно высыпать (о сыпи). (Орл. г. Карач. у.).

Разнаряди́ть — снять нарядъ, раздѣться, переодѣться. (Тул. г. Нов. у.).

Разорд'ѣться — разгорѣться (о золотухѣ), сильно разойтись по тѣлу и горѣть. (Орл. г. Карач. у.).

Ра́ковыя ше́йки — лѣчебная трава. (Орл. г. Мц. у.).

Расклы́чить — разорвать въ клочья, разнести, разбросать, расклочи́ть. Въ заговорѣ. (Орл. г. Карач. у.). Кло́къ — клы́къ; срв. кро́шка — кры́шка? У Даля нѣтъ. См. мои «Матеріалы» стр. 72. 73 и друг.

Распе́рсница — лѣчебная трава. (Орл. г. Мц. у.).

Распра́ва — изба для мірского схода. (Тул. г. Нов. у.).

Распроста́та (про ленту) — свободно опущена, не подобрана, разостлана. (Тул. г. Нов. у.).

Расти́ръ — растираніе, мазь. (Орл. г. Карач. у.).

Растрѣ́лъ — лѣчебная трава. (Орл. г. Мц. у.).

Расхо́дьникъ — лѣчебная трава. «Мать и мачеха». (Тул. г. Нов. у. Орл. г. Мц. у.).

Раштво́ — Рождество Спасителя. (Тул. г. Нов. у.).

Ре́ли — качели. (Орл. г. Орл. у.).

Рёпка — см. Грепина. (Орл. г. Карач. у.).

Рипе́на — см. Грепи́на. (Орл. г. Карач. у.).

Рипья́на — см. Грепи́на. (Орл. г. Карач. у.).

Рогати́лькя — рогатка, вилка, на которую мотаютъ кудель. (Орл. г. Брян. у.).

Рога́чъ — ухватъ. (Тул. г. Нов. у.).

Ро́зледы — визиты родителей жениха и невѣсты другъ другу. (Быть можетъ, «ро́зhляды» — смотрины, визиты съ цѣлью смотринъ? Срв. слово «*погля́дки*»). (Орл. г. Брян. у.).

Ро́зьвясть — ощущеніе пріятной свободы въ сочлененіяхъ, прежде тяжелыхъ отъ болѣзни. («Ро́зьвя'сьть пайдёть». Орл. г. Орл. у.).

Ру́но — шерсть («ве́шьнія — ана́ ру́нами») длинная, волнистая. У *Даля* нѣтъ. (Орл. г. Орл. у.).

Рыга́ться («hру́ть рыhа́йтцъ»). — сотрясаться отъ икоты. (Тул. г. Нов. у.).

Ре́зка — рѣзаная солома для корма скота. (Орл. г. Мц. у.). Здѣсь-же она, какъ лѣкарственное средство.

Рябу́шка — пестрая ленточка, тесемка, для обшивки широкихъ лентъ на головномъ уборѣ. (Тул. г. Нов. у.).

Ря́душкомъ — по порядку. («Бала́кай ўсё ря́душкъм»). (Орл. г. Брян. у.).

С.

Савасто́жить — сумѣть, быть способнымъ сдѣлать, смастерить, сообразить. (Тул. г. Нов. у.). У Даля нѣтъ.

Сба́вить — отправить съ глазъ долой, угнать, отписать. (Орл. г. Брян. у.). Когда я записывалъ рѣчь крестьянки с. Голубей Брян. у., то она сказала: «Я ви́жу, пахо́жа, вы мине́ далёкă зба́вить хати́тя». У Даля нѣтъ.

Свадёбный — сва́дебный. (Орл. г. Карач. у.). У Даля нѣтъ.

Сва́дьбишный — сва́дебный (про пѣсню). (Орл. г. Карач. у.).

Сва́йкя — кочедыкъ; палочка, которой плетутъ лапти. (Орл. г. Брян. у.). У Даля только: *кур.*

Сви́нью — вин. ед. — свинью́. (Тул. г. Нов. у.).

Сви́та, сви́тка — распашной мужской халатъ, родъ зипуна (см. это слово), иногда съ шиворотомъ. (Тул. г. Нов. у. Орл. г. Мц. у.).

Свѣжина́ — свинина, какъ кушанье. (Тул. г. Нов. у.).

Семьяни́тый — многосемейный (Тул. г. Нов. у.). У Даля нѣтъ.

Сере́чь (прош. вр. «засерёгъ») — стеречь (стерёгъ) — (Орл. г. Карач. у.).

Серьби́ть (за-) — начать чесаться и болѣть, ныть (о больномъ мѣстѣ). (Тул. г. Нов. у.). У Даля нѣтъ.

Си́льное — тяжелая работа́. См. сл. «тя́гое». (Орл. г. Карач. у.). «Си́льнавă ни маӈу́ ръбата́ть». У Даля нѣтъ.

Сине́льникъ — лѣчебная трава. (Орл. г. Мц. у.). Б. м. Campanula patula — У Даля: «сине́лька».

Си́пъ — задница. (Тул. г. Нов. у.). У Даля только: *тмб. вор.*

Скака́льный — плясово́й (про пѣсни). (Орл. г. Карач. у.). У Даля нѣтъ.

Скака́ть — плясать. (Орл. г. Орл. у.). У Даля нѣтъ.

Ски́нуться — принять видъ, оборотиться. Про «дворово́го». (Орл. г. Мц. у.). У Даля только: *юж.*

Ско́бка — («скобка косицъ») — связанныя на ленту косицы. (См. это слово). (Тул. г. Нов. у.). У Даля нѣтъ.

Сковоро́день — сковородникъ. См. «ча́пля». (Орл. г. Брян. у.). У Даля съ удареніемъ на первомъ слогѣ. S. v. сковорода.

Скоро́дить — бороновать. (Тул. г. Нов. у.). Слова «бороновать» здѣсь не понимаютъ. У Даля съ удар. на «и».

Скорѣ́йша — скорѣе. Срв. замѣчаніе при словѣ: «опослѣ́йша». (Тул. г. Нов. у.).

Скра́бать (на-) — настрогать. (Орл. г. Брян. у.). У Даля — *зап. пск.*: скря́бать — *смл. тмб.* s. v. скресть.

Ску́ла — опухоль ноги, руки (болѣзнь). (Орл. г. Брян. у.). У Даля — *юж.* и *зап.* — безъ ударенія.

Сле́ги — жерди на крышѣ, чтобы не развѣвалась отъ вѣтра солома. См. слово «притуги». (Тул. г. Нов. у.). Чаще употребляется слово «притуги», чѣмъ «сле́ги», которое я слышалъ только въ г. Новосилѣ.

Слезно́ — слёзно (Орл. г. Мц. у.). У Даля съ этимъ удареніемъ нѣтъ.

Слони́ться — прилегать другъ къ другу (про ленты: «ани́ сло́нютцă»). (Тул. г. Нов. у.). У Даля нѣтъ.

Слухи́ — слу́хи. (Орл. г. Мц. у.). У Даля съ этимъ удареніемъ нѣтъ.

Случа́й — слу́чай. (У Крылова — тоже). (Орл. г. Карач. у.).

Смотрѣ́ться — глядѣть во что (про панораму въ крестикѣ: «а э́тă — сматрѣ́тцă». Тул, г. Нов. у.).

Сни́зки — нанизанныя бусы. (Тул. г. Нов. у.). У Даля — *ряз. орл.*

Созна́ться — сказаться, предупредить кого о чемъ. (Орл. г. Карач. у.). У Даля нѣтъ.

Соло́дкій — сладкій. (Орл. г. Брян. у. Въ пѣснѣ). У Даля — *смл. пск. вор.*

Соплашно́й (произн. «сӑплашно́й) — сплошной, смежный. (Тул. г. Нов. у.).

Сопло́шъ (произн. «сапло́ш») — сплошь, рядомъ, бокъ о бокъ. (Орл. г. Орл. у.).

Соро́ка — верхній головной платокъ. (Орл. г. Карач. у. Тул. г. Нов. у.). Срв. У Даля s. v. соро́ка. «Соро́ка» въ Тул. г. Нов. у. иная, чѣмъ въ Орл. г. Крч. у.: въ первой — «соро́ка» — не простой платокъ, повязанный извѣстнымъ образомъ, а сдѣланный изъ платка родъ повойника; во второй — это простой платокъ безъ пришитыхъ къ нему лентъ и «граматушекъ». Надо отличать «кичку» (нижній чепецъ) отъ «сороки» (верхняго головного убора).

Спи́на — им. п., спи́нѣ — дат. п. (Орл. г. Крч. у. и Тул. г. Нов. у.) — спина́, спинѣ́.

Спосо́бный — терпимый, сносный. (Про болѣзнь и состояніе больного). Орл. г. Карач. у.

Спосо́бье — приспособленіе, мочь, могота, удобство. («Спасо́бья мнѣ нѣ́т никако́ўӑ»). Орл. г. Крч. у.

Спро́ба — испытаніе, медицинскій осмотръ и совѣтъ. («Ходила въ больницу на спробу»). Орл. г. Крч. у. У Даля нѣтъ.

Спры́щиться — покрыться прыщами, превратиться въ прыщи. (Орл. г. Крч. у.). У Даля нѣтъ.

Ста́нъ — станокъ рубашки женской, обыкновенно «посконный», грубый, а верхъ къ станку пришивается отъ пояса или льняной, или миткалевый, или ситцевый, или кисейный. (Орл. г. Орл. у.).

Стари́ка — весенняя шерсть. (Тул. г. Нов. у.). У Даля только «ста́ричка» безъ указанія мѣста. S. v. «ста́рый».

Старно́вка — вымолоченная солома въ снопахъ. (Тул. г. Нов. у.). У Даля: *орл. кал. кур. ряз.*

Стебану́ть — хлестнуть, ударить плеткой. (Орл. г. Мц. у.). У Даля только: *смл.*

Степянёмъ — какъ слѣдуетъ, своимъ порядкомъ, степенно. («Женское степянёмъ шло, какъ стóить». «Ражáла, какъ стóить»). Орл. г. Крч. у. У Даля нѣтъ.

Стóитъ — слѣдуетъ, быть должно, согласно съ правиломъ. Примѣръ см. подъ сл. «степянёмъ». (Орл. г. Крч. у.). У Даля нѣтъ.

Стригунéцъ — бисеръ, стеклярусъ. (Орл. г. Мц. у.). У Даля нѣтъ.

Стю́дянь — студень. (Орл. г. Мц. у.).

Сукни́на — шерстянка, шерстяная ткань, матерія; сукно. (Тул. г. Нов. у.). У Даля нѣтъ.

Сусьтрéли — встрѣтили. (Тул. г. Нов. у.).

Сутéрпъ (ў-) — втерпёжъ. (Орл. г. Карач. у.). У Даля — «сутéрпь» — *юж.*

Сходáтай — ходатай, помощникъ. (Въ заговорѣ). (Орл. г. Мц. у.).

Схóдъ — ущербъ, убыль (мѣсяца). «На схадý и на мáладикý» — во время ущерба и во время новолунія. (Орл. г. Крч. у.).

Сшибáться — походить на кого, смахивать на кого, быть похожимъ на кого. У Даля: *нвг. кур.* (Тул. г. Нов. у.).

Сы́п! — цы́п! Окликъ на куръ (именно, цыплятъ). (Тул. г. Нов. у.).

Сѣмянóў — сѣмянъ, род. п. мн. ч. отъ *сѣмя*. (Орл. г. Орл. у.).

Сéнцы — сѣни въ избѣ, раздѣляющія избу отъ горницы. (Орл. г. Мц. у.).

Сéочка — палочка для сученія пряжи. Срв. сл. «пружóчекъ». У Даля нѣтъ. (Тул. г. Нов. у.).

Т.

Танóкъ — хороводъ. См. слово «корогóдъ». Въ танкѣ не пляшутъ. (Тул. г. Нов. у. Орл. г. Орл. у.). У Даля только: *юж. зап. мск.*

Тесáть (произн. «тясáть») — гладить («hалóушку тясáла» — въ пѣснѣ. Можетъ быть, фонетически изъ *чесать*, но элементъ *ш* не прослушивается отдѣльно отъ элемента *т* въ этихъ говорахъ: здѣсь *ч* вообще очень мягкое: не то, что въ гово-

рахъ Поволжья и въ говорахъ бѣлорусскихъ). (Тульской г. Нов. у.). У Даля нѣтъ.

Ти́рка — тёрка. (Орл. г. Брян. у.). У Даля нѣтъ этого значенія. См. s. v. тереть.

Тра́пить — потрафить, сдѣлать удобно, нравиться. (Орл. г. Брян. у.). У Даля s. v. «траплять» — *юж., зап., пск., твр., кал.*

Тра́тить — уничтожать, губить, переводить. «Ско́т тра́тють дўарявы́ји». (Орл. г. Брян. у.). У Даля нѣтъ.

Тра́титься (ис-) — погибнуть, уничтожиться, перевестись, перестать водиться. (Про скотъ, который «истра́тится», если домовой его не взлюбитъ). Орл. г. Мц. у. У Даля только — *пск.*

Тращáть — стращать. (Орл. г. Мц. у.). У Даля только — *тмб.*

Трéпется — 3 ед. — трепещется, бьется (про сердце). Тул. губ. Нов. у.

Тройни́къ — три рубля. (Орл. г. Мц. у.). У Даля нѣтъ. См. s. v. *три.*

Тро́шки — немного, чуть-чуть. (Орл. г. Брян. у.). У Даля: *юж. зап.* S. v. тро́ха.

Трудно́ — тру́дно. (Орл. г. Мц. у.). У Даля нѣтъ.

Трускóмъ — рысцою. (Тул. г. Нов. у.). У Даля нѣтъ.

Трухá — остатки сѣна, мелкое сѣно, соръ. (Тул. г. Нов. у.). Сѣнной трухой лѣчатся здѣсь отъ кашля и простуды вообще.

Трухну́ть (про-) — просѣять, протрясти сквозь рѣшето или сито. (Тул. г. Нов. у.).

Трясéнье — лихорадочная тряска. (Орл. г. Карач. у.).

Тряхну́ться — сдѣлать порывистое, быстрое движеніе; повернуться. («Мнѣ тряхнуться нельзя»). Орл. г. Карач. у.

Тусмéть — тускнѣть, затмеваться, темнѣть. (Про лицо больного). Орл. г. Орл. у. У Даля нѣтъ. То же слово извѣстно въ Твер. г. Корчев. у. — и «тусмéнный», какъ значится у меня на поляхъ Слов. Даля.

Ту́точка — здѣсь. (Орл. г. Брян. у.). У Даля только — *кстр.*

Тя́гое — тяжелая работа. См. слово «си́льное». (Орл. г. Крч. у.). У Даля s. v. «тянуть» — тягóй — *ярс.*

Тя́жьшѣть — становиться тяжелѣ. («'Усё тя́жьшы́е'ть»). Тул. г. Нов. у. У Даля нѣтъ.

У.

Уговóрныя (дéньги) — деньги, обѣщанныя при сговорѣ, на «ладáхъ». См. это слово. («Уговорныхъ денегъ 11 рублевъ». Тул. г. Нов. у.).

Ужáка — ужъ, безвредная змѣя. (Орл. г. Мц. у.). У Даля: *вор. тмб.*

Ужó — ужé. (Орл. г. Крч. у.). «Мнѣ ужó не носить больше». «Я ужó была въ больницѣ». Особаго оттѣнка въ значеніи это слово здѣсь не имѣетъ: оно по значенію совершенно равно *ужé.*

Узьлячёкъ — узелочекъ. (Тул. г. Нов. у.).

Упадáть — унывать; голосить до усталости, до паденія голоса, падать. («Такˆы упадáиш: hалóсиш, вóчинпă жáлкă»). Орл. губ. Мц. у.

Уступю́ — уступлю. (Орл. г. Крч. у.).

Х.

Харкови́на — харкóтина, мокрóта. (Орл. г. Крч. у.). У Даля нѣтъ.

Хáрчъ — кушанье, ѣда. (Орл. г. Орл. у.).

Хáта — изба. Повсемѣстно рядомъ со словомъ «изба». (Тул. губ. Нов. у. Орл. г. Орл. Мц. Крч. Брян. уу.). У Даля — *юж. зап.*

Хвáртукъ — фартукъ безъ рукавовъ. (Тул. г. Нов. у.).

Хви́лькя — Фи́лька (уменьш. отъ Филиппъ). У Грибоѣдова. Орл. г. Брян. у.

Хворóба — болѣзнь, хворь. (Орл. г. Мц. у.). У Даля — *юж. зап. ярс.*

Хво́щъ — род. ед. хвощю́ — растеніе (Equisetum?). Орл. г. Крч. у.

Ходакъ — мн. ч. ходаки́ — туфли, полуботинки кожаные. (Тул. г. Нов. у.). У Даля — *орл. кал.* s. v. ходить.

Хозя́я — хозяйка. («Я сама́ хозя́я».). Тул. г. Нов. у. У Даля нѣтъ. Срв. мн. ч. «хозяе-ва», дат. п. у Пушкина «хозя́ямъ», им. ед. «хозяй-инъ».

Хотю́ — хочу. (Орл. г. Крч. у.).

Хра́пище — носъ (внутри). Орл. г. Крч. у. У Даля нѣтъ.

Ц.

Цвѣти́ть (произн. «тьвяти́ть») — красить, окрашивать. (Орл. губ. Мц. у.).

Цвѣту́ (ў) — въ фасадѣ? («ха́та во́симь аршы́н ў цвяту́, ў сирётки де́вить аршы́н»). Орл. г. Брян. у. У Даля нѣтъ.

Цыба́рка — ведро для воды. (Тул. г. Нов. у.). У Даля только — *орл.* s. v. «це́барь». S. v. «цыба́рка» — *кур. тмб.*

Цыга́рка — самодѣльная папироска изъ свернутой извѣстнымъ образомъ бумаги (въ видѣ воронки, перегнутой поперекъ въ серединѣ), въ которую насыпанъ тертый табакъ. (Орл. г. Карач. у.).

Цѣпо́къ (произн. «цапо́к» и «сапо́к»). — подъемный рядъ пичепо́къ въ ткацкомъ станкѣ. (Тул. г. Нов. у.). «Ткѣ́м ану́чи ў пя́ть сапко́ў». У Даля s. v. «цапа́ть» и «цѣпля́ть» — безъ указанія мѣста.

Ч.

Ча́пля — сковородникъ. См. сл. сковородень. (Тул. г. Нов. у.). У Даля s. v. «ча́пать» безъ указанія мѣста: «мѣстами».

Чапца́ — цѣпочка. (Орл. г. Мц. у.).

Чва́нки — нарядъ на лобъ изъ бисеру. (Орл. г. Мц. у.). У Даля нѣтъ. (Предметъ чванства? Срв. у Даля s. v. «чва́нить»).

Черва́ — черви — им. мн. ч. (Орл. г. Мц. у.). «Чеⁱрва́ у скати́ни зъвяду́тцъ».

Че́меръ — болѣзнь живота. (Орл. г. Мц. у.).

Че́резъ — «недѣль черезъ шесть» = шесть недѣль тому *назадъ*. (Тул. г. Нов. у.). У Даля только: *влд.-суд.*

Черепни́ца (произн. «чиряпни́ца») — черепица, которой кроютъ здѣсь *мѣстами* крыши избъ. (Тул. г. Нов. у.). У Даля нѣтъ.

Четово́е — находящееся на счету. («Усё чьтаво́я»). Орл. г. Мц. у.

Чу́пко — ощутительно. (Тул. г. Нов. у.). У Даля нѣтъ. «Мнѣ чю́пкă ста́лă».

Чю́х! — окликъ на свиней. (Тул. г. Нов. у.).

Ш.

Шалокли́вый — щекотливый. (Орл. г. Орл. Мц. уу.). У Даля — «шалыкли́вый» безъ указанія мѣста. S. v. «шалыкта́ть».

Шалокта́ть (или: шылокта́ть) — щекотать. (Орл. г. Мц. Орл. уу.). У Даля «шалыкта́ть» только *вор.* «Щелокта́ть» — *орл. ряз.*

Шало́нъ — шерстяная кайма для понёвы. (Тул. г. Нов. у.). У Даля s. v. сказано: «нынѣ замѣнена другими».

Ша́лочка — платокъ шейный, шаль. (Орл. г. Орл. у.).

Ша́фартъ }
Ша́хваръ } — шарфъ. (Тул. г. Нов. у.).

Шири́нка — полотенце свадебное, ручникъ. (Тул. г. Нов. у.).

Шлёнка — шерстяная бахрома. (Тул. г. Нов. у.).

Шо́стый — шесто́й. (Орл. г. Крч. у.).

Шпаре́лы — шпале́ры, обои. (Орл. г. Брян. у.).

Шу́бки — сарафа́ны. (Орл. г. Орл. у.). У Даля только — *кур.*

Щ.

Щелу́шка (произн. «шшалу́шка») — скорлупа орѣховъ. (Орл. г. Орл. у.). У Даля — «щелуха́» *южс. зап. твр.*

Ѣ.

Ѣдо́къ — ѣдящій человѣкъ. «У ко́ ѣ'дако́ў мно́hă». (Орл. г. Мц. у.).

Ѣча (произн. «іе́чя») — ѣда. (Орл. г. Крч. у.).

Я.

′Ягодникъ — растеніе, лѣсная ягода. Лѣчебная трава. (Орл. г. Мц. у.). У Даля нѣтъ.

Ядрена́—груба́, крупна́. (Орл. г. Орл. у.).

Ядрене́йшы — покрупнѣе, побольше, погрубѣе. См. замѣчаніе при словѣ «опосле́йша». (Тул. г. Нов. у.).

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Перечень фонетическихъ особенностей говоровъ, матеріалы по которымъ представлены въ I части Отчета.

1. *Аканье*: а) сяло́, Пяту́шки, вярсты́, вяду́ть, зъпряhѣ́ть, нъбяръ́ть, тьвяты́..
   б) саро́ку, апу́шъну, радьня́; шыта́йси — 62.
   в) дире́ўня, виньчя́нью, шшэка́х, бе^{i}ре́м, ве^{ъ}рха́ми, ве^{i}не́ц, жани́х... 56. 67.
   г) ăбува́ютцă, пръдава́ють, hълавѣ́, чьвярно́й, чьлавѣ́к, жы^{ъ}нихо́мд. Срв. 37. 55. 75.
   д) пятна́тцыть.
   е) hрани́шнъя, сукни́нă, за э^{i}ди́нъй.

2. *Долгота гласныхъ*: пълушу́бак, hли́ннай, ря́дам, бѣ́днай... Стр. 12. 32. 37. 41. 46. 45. 54. 55.
3. *Дифтонгическія сочетанія*: тьвѣ́ат, пуо́дняс и поу́дняс... Стр. 12. 13. се͡ам — 15. Хе͡о́дар.
4. *Звукъ о въ предударномъ слогѣ*: руковам — 13. рукова́ — 13. Срв. 69 (изъ *е*). 76.
5. *Звукъ е вм. ё*: жывѣ́ть, зъпряhѣ́ть, ткѣ́м, jejё... 13. 14. 37. 75. Срв. 57.
6. *Звукъ ў вм. в*: дире́ўня, ўо́сям, ў hавѣ́йна,...
7. *Звукъ в вм. у*: в атца́, ф каўо́... 46. 72.
8. *Звукъ h вм. г*: hълавѣ́, hавѣ́йна, hо́т... $h' = j$ — 78.

9. *ть въ 3 л. ед. и мн. ч.:* пръдавають, зъпряhѣ́ть.
10. *3 л. ед. ч. безъ окончанія рѣдко:* хвата́я — 12. 18.
11. *Мягкое к:* па́лăчькя, чяйкю́... Срв. 66. 76. 30.
12. *Очень мягкое ч̏:* ч̏юлки́, су́ч̏им... 13. 23... 65. 67... 82. Срв. 85.
13. *с вм. ц:* сапко́ў, купсо́ў... 13. 14. 21. 20.
14. *ш и шш вм. щ:* хришшэ́нья... 13.
15. *Ассимиляція согл. съ j:* но́ч̏ч̏ю, о́син̏н̏ю... 41.
16. *Особый звукъ l.* — Стр. 15. 17. и слѣд. 69.
17. *Звукъ е не смягчающій предш. согласную — рѣдко.* Стр. 20. 18.
18. *Твердые губные въ концѣ:* зе́м — 13. се́ам — 13. ўо́ся̄м — 13.
19. *Твердое р* — очень рѣдко: пирастануть — 21. 24. 25. 40. Срв. *р́* — 65. 66. 69. 80. 92. 96.
20. *Звукъ ю вм. ё (е):* ўсю́ — 21. о́чюнь — 29.
21. *Звукъ х, хв вм. ф:* Ахи́мушка — 38. 39. 41. 54. Вм. *ф — п* — 60.
22. *Окончаніе ся* и *сь* въ глаголахъ послѣ гласныхъ, і̯ и мягкихъ согласныхъ; рѣже — *си* и *-сы, -са, -с.* Стр. 60. 23. 76. 16.
23. *Звукъ о́ вм. а́:* нацо́плйна, ко́тють, пасо́дють... 30. 37.
24. *Звукъ 'а (я) вм. е* послѣ ударяемаго слога въ закрытомъ слогѣ и вм. *е (ѣ)* въ конечномъ открытомъ слогѣ: пътхва́чян — 30. капе́я̄к — 13. 64. hо́ря, ў лѣ́ся, у нивѣ́сьтя, к нивѣ́сьтя... 31. 49. 40.

Вмѣсто *и* въ означенномъ положеніи въ словѣ: ба́ря̄н, вы́пя̄л — 30. 31. Срв. *я*ⁱ вм. *и* въ открытомъ конечномъ неударяемомъ слогѣ — 64.

25. Мѣстоименіе *ён* — 17... Никогда — *яна́, яны́. Аны́* — 77.
26. *Звукъ т́ вм. ќ:* мăлада́йтя — 33. 55. 66.
27. *Предложн. п. ед. ч. на у вм. ѣ* отъ именъ муж. р. въ неударяемомъ положеніи. Стр. 36.

28. Род.-вин. *мине́* и *миня́* — 40. 49. Дат. *табѣ́, таи́ и сибѣ́* — 47. 49. 56.
29. *Окончаніе ѣ́й вм. о́й* и под. въ им. прил. — мѣстоим. 47. 49. 55. 57. 63. 70. 73. 74. 76. 78. 82. 68. 86. 87. 88.
30. *Звукъ и вм. ы*: висо́кій 57. 70. Срв. 71.
31. *Звукъ у вм. ы* между губными — 62. 77.
32. *Звукъ средній между в* (*v*) и *h* — 62.
33. *Звукъ средній с*^{ш} *и з*^{ш} — 57. 84. 85. 86.
34. *Звукъ ч вм. ц* въ словахъ: «Мченскъ», «чяпочька» — 62.
35. Им. п. мн. ч. муж. р. на *а́* вм. *ы́* (*и*) — 63. Срв. 81.
36. *Звукъ м вм. в* — 73. 66.
37. *Шы́я* — 66. Также: *крышычькя* — 73. Срв. 75. 77. 78.
38. *-ho вм. -го* — 67. 74. 85. 88.
39. *Прош. дѣеприч.* на *-мчи* — 40.
40. *Приставное и* въ началѣ слова передъ группой согласныхъ, изъ которыхъ первый *р* — 75. 78.
41. *Ударяемое я вм. е* (*ѣ*) въ конечномъ откр. слогѣ — 69.
42. *Ударяемое ы вм. е* — 70. (послѣ *ш*) 78. 86.
43. *Формы: мостю́, уступю́* — 73. 72.
44. *Ударяемое и вм. ѣ* — 73.
45. *Звукъ е́ вм. а́* (*я*) между мягкими согласными подъ ударе-ніемъ — 70.
46. *Приставное в* передъ гласной — 77. 78.
47. *Вставное в* между предлогомъ *у* и гласными слѣдующаго слова — 78. 77.
48. *Звукъ з въ падежн. суффиксѣ вм. і'* — 81.
49. *Звукъ ж вм. з* — 75. (жуди́ть).
50. **Есьть вм. есть* — 85.
51. *Звукъ 'а́* (*я́*) *вм. е́* (*ё*). — 86.

Относительно этого перечня считаю нужнымъ сказать, что онъ далеко не исчерпываетъ собой всѣхъ особенностей: онъ представляетъ только *главнѣйшія* особенности въ томъ или другомъ отношеніи. Кромѣ того, страницы при примѣрахъ и пунк-

тахъ показаны не всѣ, а лишь нѣкоторыя только для справокъ, такъ какъ всѣ страницы было-бы излишне указывать въ виду того, что здѣсь-же находятся и самые матеріалы, которые заключаютъ въ себѣ всѣ эти особенности. Особенности въ удареніяхъ можно найти въ Словарикѣ (въ III-ей части Отчета), и потому онѣ тоже здѣсь не приведены. Вообще, этотъ перечень имѣетъ значеніе *справочнаго указателя*, по которому можно было-бы легко найти въ «Матеріалахъ» ту или другую особенность данныхъ говоровъ. Тѣ особенности, которыя встрѣчаются въ *каждой* записи (*аканье*, *-ть*, звукъ *h*...), даже не опредѣляются страницами «Матеріаловъ» въ Перечнѣ.

Е. Будде.

Казань, 10-го октября 1902 г.